

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Приход святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
Владимирской Епархии Русской Православной Церкви

В рамках программы Дней Славянской письменности и культуры
во Владимирском государственном университете

Том 12

ЦЕРКОВЬ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ И ПРАВОСЛАВНЫХ СТРАН: РЕЛИГИЯ, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Материалы VII Международной научной конференции,
посвященной памяти православных просветителей святых
равноапостольных Кирилла и Мефодия
и 800-летию Владимирской епархии

25 – 27 мая 2015 года
г. Владимир

Владимир 2015

УДК 2
ББК 86.372
Ц 41

Редакционная коллегия:

Е.И. Аринин, ответственный редактор, д-р. филос. наук, профессор ВлГУ
С. Н. Минин, член редколлегии, канд. ист. наук, доцент ВлГУ
Н.М. Маркова, член редколлегии, канд. филос. наук, доцент ВлГУ
В.А. Медведева, ответственный секретарь редколлегии ВлГУ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Государственное задание № 35.1973.2014/К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности по теме «Отечественное религиоведение как междисциплинарный проект»

Печатается по решению редакционного совета ВлГУ

В сборник включены материалы **VII Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия** (25 – 27 мая 2015 года) и **Пярых Рождественских чтений** (23-25 ноября 2015 года), которые состоялись во Владимирской государственном университете на базе Гуманитарного института.

Сборник содержит доклады о результатах научных исследований по философии, истории религии, истории, культурологии и др. Раскрывает такие проблемы, как православие в философском, гуманитарном и социально-общественном аспектах.

Материалы сборника представляют интерес для специалистов, работающих в указанных областях, а также преподавателей, студентов и аспирантов.

УДК 2
ББК 86.372

ISBN 978-5-9984-0649-2

© ВлГУ, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обращение митрополита Владимирского и Суздальского Евлогия.....	7
Мартьянова С.А. Опыт прочтения строфы И.А. Бродского «Входит некто православный...».....	10
Иеромонах Варфоломей (Минин С.Н.) Историко-культурная среда как ресурс духовно-нравственного развития личности ребёнка.....	17
Молодов О.Б. Школа и церковь на Вологодчине в 1919–1921 гг. (на материалах периодики).....	32
Морозова Е.А. Опыт приобщения детей и молодежи к русскому языку и культуре.....	38
Морозова О.Е., Копылов В.А., Лесник И.В. Формирование духовно-нравственных ценностей: возможности образовательного пространства школы.....	52
Николаева И.А. Проблема взаимоотношений Владимирской губернской администрации с общественными организациями (1905-1917 гг.).....	60
Нугаева Г.А. Модификация канонов агиографического жанра в древнерусской литературе.....	67
Образчикова И.С. Образ трапезы в житийной литературе (на примере «Повести о Петре и Февронии Муромских» и «Повести о Юлиании Лазаревской, или Муромской»).....	73
Петев Н.И. Эсхатологический коррелят крещения на Руси в IX в.....	78

Петровичева Е.М. Роль РПЦ и земских учреждений Центральной России в развитии системы начального образования накануне Первой мировой войны.....	85
Пименова М.В. Типология лексических значений в трудах Владимира Федоровича Киприянова.....	93
Платонова Е.А. Стихотворение А.С. Грибоедова «Давид». Опыт прочтения.....	99
Плеханов Е.А. Религиозный смысл образования в контексте «нового жизнепонимания» Л.Н.Толстого.....	105
Поляков А.Г. Государственно-церковные отношения и модернизация в 1920-х – начале 1930-х гг.....	115
Полякова О.В. Женское лицо милосердия в пьесе В. Войновича «Трибунал» и традиции русской литературы.....	117
Самойлова Н.С. Специфика взаимодействия Русской Православной Церкви и Вооруженных Сил Российской Федерации.....	123
Сахарова Л.Г. Помощь Русской Православной Церкви фронту в годы Великой Отечественной Войны (по материалам Горьковской и Кировской областей).....	130
Сергеева А.Э. Мотив изгнания из Рая в стихотворении Льва Лосева «HomoLudens».....	133
Силантьева М.В. «Философия свободы» как феномен неоправославного сознания: Н.А. Бердяев и Ф.М. Достоевский.....	139

Склизкова А.П. Образ Троицы в цветовой драме Г. Гауптмана «Михаэл Крамер».....	145
Слепков М.С. Проблемы крестьянского самоуправления после административной реформы 1861 г.....	155
Соловьева Е.С. Влияние христианства на становление социальной работы в России.....	161
Сухова Т.А. Педагогический потенциал иконы – традиции и новации.....	165
Теряхина Е.Н. Периферийные/переходные явления русской фразеологии и их анализ на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ).....	170
Торопова Е.С. К вопросу о традиционных ценностях в рамках воспитательного процесса современной школы.....	175
Фурашов В.И. Владимир Фёдорович Киприянов (к 90-летию со дня рождения).....	185
Харитонов С.С. Писатель-народник И.Н. Харламов о базовых ценностях русского народа и формах их выражения в общественном сознании.....	201
Харчевникова Е.Л. Концепция духовно-нравственного воспитания и развития гражданина России как основная стратегия воспитания в современной школе.....	207
Человенко А.С. Правозащитная миссия церкви в современном мире: продолжение традиции.....	214

Черникова С.А. Иван Посошков «Отеческое завещательное поучение, посланному для обучения в дальние страны, юному сыну».....	220
Черникова С.А. Цветообозначения в «Травнике» Ивана Бирюкова.....	224
Чернышева Н.С. Русский национальный характер в романе И.С. Шмелева «Лето господне».....	230
Чернявская Е.О. Поиски счастья и смысла жизни в современном моральном сознании.....	236
Штуль Е.В., Львова А.А. Методические возможности организации деятельности обучающихся при работе по духовно - нравственному развитию и воспитанию личности школьника на уроках литературы по учебникам, соответствующим ФГОС ООО.....	240
Шупляк С.П., Гордейчук С.С. Святые средневекового Эльзаса.....	247
Языкова И.К. «Я христианин, потому что я не варвар».....	250

Обращение

митрополита Владимирского и Суздальского Евлогия

в день памяти святых страстотерпцев Бориса и Глеба в связи с 1000-летием их мученической кончины и 900-летием перенесения их святых мощей

*«Не может скраться город,
стоящий на вершине горы»
(Мф. 5; 15).*

Память святых страстотерпцев Бориса и Глеба, нареченных в святом Крещении Романом и Давидом, скончавшихся 1000 лет назад мученически от жесточайшего происка кровопийца брата их Святополка, прозванного Окаянным, осталась о них совершенно незабвенной и самой светлой в нашей Русской Церкви, а также в истории нашей Руси и России с первых дней их прославления. Духовная связь со святыми страстотерпцами княжеского звания у народа Божия никогда не терялась, но прямо спасала его от вероломных нападений внешних врагов отечества, какие знает летопись нашей земли.

Помимо этой редкой и крупной даты памяти Бориса и Глеба – 1000-летия их мученической смерти, Церковь вспоминает еще перенесение их честных мощей в 1115 году в г. Вышгород как уже 900 лет в новый тогда храм. Время, как бы оно велико ни было, не снижает память таких прославленных святых, как страстотерпцы Борис и Глеб, напротив, оно дивно их увековечивает в сознании людей, знающих их помощь, многие чудеса, а самое главное свет их высокого примера веры и любви к Богу. От них мы знаем мало последних слов, но они дошли до нас, как огонь их душ, полные веры и любви к Богу и людям. Более того жертвенный образ их жизни до крови оказался сильнее и памятнее всего, что совершенно ценно для

нас, дальних родичей их, если мы как-то думаем с вами и переживаем о спасении своих душ, о наследстве вечного Царства Небесного, как первом и главном деле из дел, заповеданном Самим Христом Богом: «имейте веру Божию», «да любите друг друга», чего выше этих заветов жизни нет. Это чистое Евангелие для нас. Что же значит наш праздник святых страсто-терпцев для нас, нашей жизни на сегодня?

Жизнь наша, данная нам свыше, несомненно, должна быть жизнью и жизнью достойной вечного жилища, уготованного всем, жизнью блаженной. Откуда же появилась противоположная ей смерть, как лишение её. От нашего злоупотребления небесными благами, данными нам Богом, от нашей гордости, что нам никто не нужен – ни Бог, ни ближнии. Так заключают все отцы Церкви, глубоко зная и понимая Святое Писание. Грех человека и привел нас к обратной стороне бытия к смерти не только телесной, но и духовной, в чем вся трагедия наша.

Святые мученики оставили нам собою, как раз, доброе наставление в жизни, как преобладать грех своеволия, отвергающий напрочь божественную волю о нас, нашем спасении. На добро и добрую жизнь нам дана воля, как Божия сила, а не на зло, что ей противно. Знать основательно Бога, как своего Вседержителя, искренне любить Его, как Отца и Спасителя и исполнять Его заповеди, ведущие нас в вечное и блаженное Царство Небесное, любить ближних, как самих себя, если не больше - вот истинные и божественные правила нашего спасения, нашего лучшего и блаженного состояния, чего свято держались святые Борис и Глеб до последнего своего издыхания, что их и увенчало достойным образом в Церкви. Они не ответили злом на зло своего старшего брата Святополка, помраченного от княжеской власти, но предпочли Божие добро, незлобие, подражая самому Христу Богу, на Кресте распятому и от гроба Воскресшему что их и прославило на всю вечность.

«Видите, - пишет преподобный Нестор летописец, как важна покорность старшему брату. Если бы они воспротивились ему, то едва ли удостоились такого дара от Бога чудотворения. Потому что и ныне много юных князей, которые не покоряются старшим, сопротивляются и бывают убиваемы: но они не удостоиваются благодати, как сии святые братья».

Значит жизнь и спасение ее через Крест земных невзгод и страданий, что в корне обновляет и прямо преображает душу от всех плотских страстей и грехов, освобождает от страха смерти и чудом воскрешает в новую благодатную жизнь, не имеющей конца.

По словам старцев святых: «Кто ищет покоя, оный от того удаляется, а кто предаёт себя на скорби и почитает себя недостойным покоя, обретают его».

Да вдохновит всех нас память святых Бориса и Глеба на духовную жизнь – жизнь в общении с Богом, что улучшит и внешнюю земную жизнь, страдающую порой от нашей бездуховности, от нераскаянности. Что духовно, то и вечно, чему надо дать нам первое место из всей земной озабоченности. Тогда ничего не будет страшно нам. Вера и любовь спасут нас от земных бед и приобщат к небесным радостям. Будем дружелюбны между собой и Бог благословит нас своим божественным миром, полным света и вечного утешения.

ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ СТРОФЫ И.А. БРОДСКОГО «ВХОДИТ НЕКТО ПРАВОСЛАВНЫЙ...»

Иосиф Бродский – поэт послекатастрофического опыта. Он принадлежит к писателям, которые, подобно итальянцу Примо Леви [1, с. 148], не принимали радикализма Т. Адорно и отстаивали значимость поэзии именно «после Освенцима и ГУЛАГа». Но поэзии особого качества. Содержание ответа Бродского на вызовы политического зла XX века обсуждается в Нобелевской речи и может быть сведено к двум основным положениям. Первое – защита реальности личности, индивидуальности с ее уникальностью и неповторимостью в условиях тоталитарной идеологии, почитающей личность (вспомним Маяковского) «нулем», а не «единицей». При этом поэзия, искусство и культура (а не простая грамотность) понимались и принимались именно как выразители личностного опыта: «Одна из заслуг литературы и состоит в том, что она помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и себе подобных, избежать тавтологии, то есть участи, известной иначе под почетным названием "жертвы истории"». Второе положение связано с первым и заключается в необходимости «воссоздания непрерывности культуры», особенно тех ее форм, которые выражали «человеческое достоинство». Можно сказать, что значимость литературы как выразительницы индивидуального опыта вопреки всем идеологическим и политическим подделкам и становится главной темой лекции, где вытеснение литературы в сферу читающего меньшинства одним из преступлений против человека.

Вместе с тем в творчестве Иосифа Бродского немало строк, вызывающих превратные истолкования, ставшие почти обычными упреки в холодности, рациональности, непатриотичности, нелюбви к правосла-

вию. К ним относится фрагмента поэмы «Представление», написанной в 1986 году:

Входит некто православный, говорит: «Теперь я главный.

У меня в Душе Жар-птица и тоска по государю.

Скоро Игорь воротится насладиться Ярославной.

Дайте мне перекреститься, а не то – в лицо ударю.

Хуже порчи и лишая – мыслей западных зараза.

Пой, гармошка, заглушая саксофон – исчадь джаза»

И лобзают образа

С плачем жертвы обреза...

Как сообщает Лев Лосев, этот фрагмент стал ответом Бродского на письмо «Группы православных христиан из СССР», опубликованное в журнале «Континент» под названием «Христопродавцы», а оно в свою очередь было ответом на строчки Бродского из стихотворения «Пятая годовщина»: «я не любил жлобства, не целовал иконы...». Основные образы строфы из «Представления» Лосев комментирует как «карикатуру на новообращенных изуверов, подменяющих веру ритуалом, национальным чванством и ксенофобией» [2, с. 106] .

Эти строчки, как и поэма в целом, будучи одним из самых трудно переводимых текстов Бродского [3] окружены ореолом непонимания не только с иноязычной среде. Так, современный исследователь, относя Бродского, наряду с Г. Ивановым, к «метафизикам отчаяния», трактует строки как проявление «нечувствия истории своего отечества» и «незнания глубочайшей духовной культуры от отцов Церкви до русского религиозного возрождения» [4, с. 201-202].

На наш взгляд, все с точностью до наоборот: фрагмент поэмы, будучи текстом повышенной семантической плотности, является и глубоко христианским по своему духу, и поэтическим прозрением серьезного богословского уровня, и пророческим текстом (вспомним, как Бродский ценил в поэте интуицию и пророческий дар). Вместе с тем фрагмент отсыла-

ет нас к многочисленным художественным и философским текстам XIX-XX веков, выстраивая ту непрерывность культурного опыта, о которой поэт говорил в Нобелевской речи.

Попробуем понять, какое явление, какая реальность становится предметом изображения. Принято считать, что это первомайский парад как некая фантасмагория. Т. Кэмпбелл в своей комментарии разделяет два значения слова «представление», но на самом деле они переплетаются, обыгрываются оба и взаимодействуют: поэма дает нам представление о советской действительности и политической реальности как некоем театральном спектакле, разыгранном пустотой и деятелями пустоты. Спектакль начинается с уничтожения человеческого лица и вытеснения подлинной человеческой реальности: «знак вопроса вместо тела», «вместо мозга – запятая». И уже в самом начале поэмы возникает смысловая игра со словами «личность», «гражданин», «представитель населения». Это мир недочеловеков и недоличностей, где человек в конце концов редуцируется до обладателя удостоверения («гражданин, достающий из штанин») или «представителя населения». О недочеловеческом характере изображаемого мира будет заявлено уже в первых строчках поэмы: «Председатель Совнаркома, Наркомпроса, Мининдела!». Это мир, где нет имен, а следовательно, уникальных личностей. Есть только указания должностей, которые, по всей видимости, может занять любой независимо от своих личных качеств. Это почти как Значительное лицо в «Шинели» Гоголя, тоже, кстати, лишенное имени, или пишущий пиджак чиновника в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова.

Именно этом контексте появляется и «некто православный», произносящий свой монолог, в котором раскрывает свою претензию на первенство, «тоску по государю», агрессию по отношению к людям иной мысли (видимо, неверующим) и ненависть к западной мысли. Требуется комментарий само именованию героя «некто православный», где слово «православный» – прилагательное, а существительное все же не слово «христи-

анин», а неопределенно-личное местоимение «некто». С точки зрения христианства (с этим согласятся представители всех конфессий и деноминаций), подлинно верующий не может быть «некто», это всегда «кто». Кроме того, подлинно православный не может претендовать на первенство, союз с земной властью, тем более такой античеловечной, какая изображена в поэме.

И в то же время Бродский с его глубинным чувством языка, отличающим, по его мнению, истинного поэта, очень точен: «некто православный». Что же это за персонаж? На наш взгляд, Бродский, помещающий такого персонажа в галерею недочеловеков и нелюдей, оказывается среди тех, кто следует евангельскому призыву различать духов, бодрствовать и трезвиться (Мф. 24: 4-8), отличать настоящее от подделок. Он видит в таком персонаже скорее самозванца и прельстителя, чем настоящего христианина.

Образ «некоего православного» можно понять и как один из апокалиптических символов. Этот «персонаж» получает возможность воплощения, «вхождения» в социальную реальность именно в контексте утраты чувства подлинного. В связи с этим вспоминаются пророческие книги Исайи: «Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!» (Ис. 5: 20).

Возможно, Бродский, действительно не знал святоотеческой традиции, но всегда ли обязательно такое знание? Не видим ли мы, как часто такое «знание» оборачивается начетничеством? Не гораздо ли важнее точность интуиции и угадывания смысла? Например, в святоотеческой литературе нередки высказывания о гордеце, которого отличают «громкий голос, гордая речь, строптивый с горечью ответ, гордая и подвижная походка неудержимая говорливость». Бродский близок к этому пониманию.

Русская литература и философия знает свои образы самозванцев, лжепророков и разного рода антихристов. В частности, в качестве одного

из истоков «некоего православного» можно назвать «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» В.С. Соловьева. Один из участников разговора, г [-н] Z говорит о конце всемирной истории так: «несомненно, что то антихристианство, которое по библейскому воззрению – и ветхозаветному, и новозаветному – обозначает собой последний акт исторической трагедии, что оно будет не простое неверие, или отрицание христианства, или материализм и тому подобное, а что это будет религиозное *самозванство*, когда имя Христов присвоят себе такие силы в человечестве, которые на деле и по существу чужды и прямо враждебны Христу и Духу Его» [5, с. 708].

К числу важнейших литературных источников образа Бродского можно отнести роман Ф.М. Достоевского «Бесы» и, в частности, проект нигилиста Петруши Верховенского сделать духовно омертвевшего Ставрогина с его «каменной маской вместо лица» религиозным лидером русского народа, то ли Иваном-Царевичем (не отсюда ли – Жар-птица?), то ли русским аналогом римского первосвященника: «Папа будет на Западе, а у нас будете вы!»

Выстраивая преемственность образов поэмы Бродского с демонологией русской литературы, нельзя не вспомнить «чью-то тень без лица и названья», мелькающую на карнавале ряженных гостей из 1913 года в «Поэме без героя» А. Ахматовой. Те же неопределенность, отсутствие лица и имени, хаос, путаница.

Строфа из поэмы Бродского «Представление» отсылает нас и к западноевропейским и американским философским текстам XX века, демонстрируя верность поэта всемирной отзывчивости и общечеловеческому характеру вершин русской культуры Первая философская ассоциация, возникающая в связи с этим образом, - «Das Man» Хайдеггера, понятие, введенное философом в «Бытии и времени» (1927) и означающее неподлинность, анонимность, безликость, человека, желающего стать как все и переставшего быть самим собой.

Интуиция Бродского обнаруживает также близость к идеям ученицы Хайдеггера Ханны Арндт, которая писала в своей книге «О насилии»: «и в военном, и в революционном действии исчезающая ценность – индивидуализм»; вовлеченность в группу – требование проявить какое-то действие, которое оборвет его связи с добропорядочным обществом» [6, с. 78].

Арндт принадлежат также замечательные рассуждения об образе парии, созданном еврейскими поэтами и писателями (от Шлемиля Генриха Гейне до «человека доброй воли» Кафки). Этот образ содержит «новую идею человека» - «человек как самодержец в царстве духа», составляющую «скрытую традицию» европейской культуры [7, с. 59]. В результате возникает перевертыш: «Шлемилем становится уже не пария, презираемый обществом, а живущие в жесткой иерархии. Поскольку то, чем их щедро наделила природа, они променяли на идолов общественных благ» [7, с. 64]. Не является ли и Бродский с его нелюбовью к разного рода групповой общности и идентичности, называвший себя «христианином-заочником», одним из последователей этой скрытой традиции? И любопытную параллель к позиции христианина-заочника и критике поддельного христианства можно усмотреть в стихотворении Наума Коржавина «Последний язычник. Письмо из VI века в XX» с его критикой упрощенных «подчищенных истин» и сознанием своей большей близости ко Христу.

Говоря о западноевропейских параллелях, нельзя забыть одну из любимых книг Бродского – «Открытое общество и его враги» К. Поппера и содержащуюся в ней критику тоталитарных тенденций в европейской философии, начиная с «наилучшего государства» Платона, которое на самом деле было реконструкцией «древних форм племенной жизни», исключавшей литературу и поэзию [8, с. 88]. И мечты «некоего православного» у Бродского подчеркнута арахичны: «жар-птица, «тоска по государю». «скоро Игорь возвратится...»

Итак, глубинное содержание интересующего нас фрагмента поэмы Бродского – восстановление представления о подлинной личности в условиях идеократии, политического зла и порожденного им массового сознания с его презрением к искусству. От поэмы «Представление» тянутся нити к эссе поэта «Less than One» («Меньше единицы»): «Жил-был когда-то мальчик. Он жил в самой несправедливой стране на свете. Ею правили существа, которых по всем человеческим меркам следовало признать выродками. Чего, однако, не произошло».

Тем не менее это содержание все еще не для всех очевидно. И дело, как нам кажется, вовсе не в усложненности поэтического языка Бродского. Так, например, Вяч. Иванов в своей публицистике периода Первой мировой войны предупреждал об опасности истощения онтологического чувства личности, «духовного обезличения» [9, с. 100]. Причиной своеобразной глухоты к «вести» Бродского о реальности личности можно назвать и отсутствие в России теологии культуры. Что-то близкое к такой теологии находим в суждениях Сергея Фуделя и отца Александра Шмемана, но они высказывались в пространстве маргинальных жанров (письмо, дневник). Не было и возможности широкого обсуждения этих идей. В частности, Сергей Фудель писал: «Человеку в искусстве могут посылаются какие-то откровения божественной правды. Больше того, надо честно признать, что, благодаря великому оскудению религиозной жизни, слова и художественные образы некоторых писателей – ну, скажем, Тютчева, Лермонтова, Лескова. Пастернака или Экзюпери, как бы возмещают это оскудение» [10, с. 482].

Таким правдивым словом и подлинным богословием и дышит знаменитая поэма Бродского и строфа о «некоем православном». Тоталитарные идеологии пытались уничтожить, подавить личность, однако сделать это, как показывает независимая русская литература, невозможно: подлинная личность, ее слово и культура – это особая реальность, уходящая в бесконечность. Наша задача – адекватно прочесть эти тексты, чтобы такое чтение стало событием жизни и чтобы, в част-

ности, однажды не проснуться в страшной реальности «Москвы-2042» В. Войновича, под опекой какого-нибудь отца Звездония, еще одного воплощения «некоего православного».

Библиография:

1. Адриано Делл'Аста В борьбе за реальность. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2012.
2. Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М.: «Молодая гвардия», 2011.
3. Томас Кэмпбелл Трудности перевода стихотворения Иосифа Бродского «Представление» с русского на английский – [Электронный ресурс] – URL: [http: www.vavilon.ru](http://www.vavilon.ru) (дата обращения 24.05.2015).
4. Закуренко А. Возвращение к смыслам. Старые и новые образы в культуре: опыт глубинного прочтения. М.: издательство ББИ, 2014.
5. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
6. Арендт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014.
7. Арендт Х. Скрытая традиция, М.: Текст, 2008.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива, 1992.
9. Иванов Вяч. И. Легион и соборность // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 96-101.
10. Фудель С.И. Собрание сочинений: В 3 т. Т.1. М.: Русский путь, 2001.

Иеромонах Варфоломей (Минин С.Н.)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК РЕСУРС ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЁНКА

Задача системы образования заключается в том, чтобы ввести ребенка в мир культуры и сделать его не только человеком культуры, но куль-

турным человеком. Само становление и развитие Российской государственности и культуры основано на ценностях христианства. Государство- и культуuroобразующее значение Православия в истории России отражено в преамбуле закона РФ «О свободе совести...» (1997).. Содержание российского образования и сама система государственного, муниципального и негосударственного образования должна быть тождественной культурной традиции и являться механизмом ее созидания и продолжения. Понятие традиции нами понимается как живая исторически-непрерывная духовная связь времен и поколений. Традиция является живой и творческой постольку существуют носители этих духовных ценностей. Ребенок имеет право быть причастным духовному, культурному и социальному пространству России и Владимирского края. Система государственного и муниципального образования и содержание образования должна создавать необходимые условия для реализации его прав, заявленных в Конвенции о правах ребенка, прежде всего права на свободный доступ к информации. Содержание учебного материала должно содействовать воспитанию у учащихся государственных и муниципальных образовательных учреждений уважения к Православию как к традиционной религии государствообразующего русского народа, а также как к традиционной религии для других коренных народов России – чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев, карелов, коми, коми-пермяков, якутов и т.д., способствовать знанию норм поведения в обществе, основанных на системе христианских ценностей. Актуальной эта проблема является и для Владимирской области.

Гражданское общество и государство соединены друг с другом целым рядом структурных связей. Гражданское общество и его институты являются средством проявления интересов граждан. В Социальной концепции Русской Православной Церкви указано, что исходя из светского характера государства, в отношениях Церкви и государства имеется особая сфера смежных интересов или соработничества, к которым в числе проче-

го относятся миротворчество, забота о сохранении нравственности в обществе, духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание, социальное служение, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, развитие научных исследований и т.д..[6].

В настоящее время пристальное внимание привлекает к себе средовой подход в педагогике. Идеи педагогики среды связаны с именами К.Д.Ушинского, Л.И.Пирогова, Л.Н.Толстого и других педагогов, которые ставили вопрос об исследовании и использовании воспитательных возможностей среды. В последние годы значительно вырос интерес ученых и педагогов к проблеме средовой педагогики. Это связано с поиском в области проблем социальной адаптации, социализации (Б.Н.Алмазов, В.Сластенин и др.), этнопедагогики (Д.М.Абруразаков, Г.Н.Волков), духовно-нравственного воспитания (Ю.С.Бродский), теории и практики воспитательных систем (В.А.Караковский, Л.И.Новикова, А.В.Гаврилин и др.)

Педагогика среды как направление педагогической мысли и педагогической практики, ориентированное на изучение, организацию и использование среды в воспитательных целях, соединяется с научными подходами в области организации и функционирования воспитательных систем. Ученые, занимающиеся вопросами воспитательных систем, указывали на необходимость изучения среды как компонента воспитательной системы (В.А.Караковский, Л.И.Новикова, А.М.Сидоркин, Н.Л.Селиванова и др.) При этом рассматривалась проблема взаимоотношения понятий воспитательное пространство и среда. В рамках этого понимания средового подхода в педагогике среда определяется через понятие “данность” . В отличие от нее воспитательное пространство есть результат конструктивной деятельности[10]. Средовой подход в воспитании - это инструмент опосредованного управления развитием личности ребенка. С нашей точки зрения использования средового подхода в педагогике в связи с идеологической

нейтральностью данного подхода, возможностью в его рамках снятия противопоставления понятий воспитание и образование в педагогике. Педагогика среды как направление педагогической мысли и педагогической практики, ориентированное на изучение, организацию и использование среды в воспитательных целях, соединяется с научными подходами в области организации и функционирования воспитательных систем.

В рамках средового подхода в педагогике разработано понимание того, что среда определяет содержание и характер образования. Целью средового подхода является создание той формы, которая не обособляет индивидуумов друг от друга, а объединяет. “Формирование определенного типа личности, со свойственной ему образом мыслей, чувствований, действий и развитие на этой основе творческой индивидуальности - вот что служит цели средового подхода”[5].

Составляющими категориальный аппарат педагогики среды являются понятия:

- субъект,
- объект,
- среда.

Взаимодействие этих составляющих обуславливает характер педагогической деятельности, степень ее эффективности и особенности педагогического управления.

В контексте средовой педагогики Владимирская область - это уникальная среда, взаимодействие природных, исторических, социально-экономических, культурных и религиозных факторов.

Культурно-образовательная среда Владимирского края - это совокупность данных факторов, соединенных в триаду условий:

- природные, социально-экономические, историко-культурные условия развития системы образования края;

- православные философско-религиозные и педагогические традиции края;
- научно-педагогический потенциал современной Владимирской области.

Культура Владимирского края представлена в виде “эталонного” русского ландшафта, памятниках архитектуры и градостроительства, топонимии и эмблематике.

Составляющими исторического культурного ландшафта Владимирского края, сложившегося к середине 19 века, является совокупность уникальных исторических территорий[4]. Культурное и природное наследие составляет единый, взаимосвязанный комплекс. В рамках этой системы ключевое значение имеет человек, как “носитель определенного типа культуры...”[2]. Характеристика жителей Владимирского края кроме социально-экономических, психологических и бытовых черт, включает в себя определения, связанные с архитектурно-территориальной спецификой поселений.

Во Владимирской области имеются различные типы уникальных исторических территорий:

- монастыри (монастырские комплексы)-Боголюбовский, Стефано-Махрищский, Благовещенский (Киржач), Лукианова пустынь, Смоленская Зосимова пустынь, Троице-Никольский(Гороховец), Успенский(Александров), Спасо-Преображенский и Троицкий (Муром), Космин (Небылое) и т.д.;
- малые города(Суздаль, Гороховец, Вязники и т.д.);
- исторические села и деревни(с.Кидекша, с.Весь Суздальского р-на, с.СимаЮрьев-Польского р-на и т.д.);
- сельские и городские усадьбы- (в список памятников истории и культуры Владимирской области внесено 38 усадебных ансамблей[7, с.7]-

имение Воронцовых-Дашковых в с.Андреевском, имение Храповицких в Муромцево Судогодского р-на и т.д.;

- исторические центры городов- Владимир, Муром и т.д.;
- древние исторические пути - Стромынка, Владимирка и т.д.
- природные охраняемые территории- Боголюбовский луг и т.д.

История владимирского края неразрывно связана с историей Церкви, имеет свое духовное измерение и понимание. В этом смысле особое значение имеет храмовое и монастырское строительство.

В зримых архитектурных образах, в названиях улиц и площадей, в планировке городов Владимирской области выражается представление человека о месте своего жительства.

С 10 до середины 18 веков города Владимирского края развивались в соответствии с нормами и традициями византийского и древнерусского градостроительства- “Закон градский”(Прохирон). Планировку древнерусского города обуславливали принципы- центричности (город всегда центричен) и “прозрачности”, т.е. включенности зданий и архитектурных ансамблей в окружающий ландшафт.

Со второй половины 18 века осуществляется перепланировка городов в соответствии с принципами западно-европейского “регулярного” строительства, сочетающимися с древними традициями градостроительства.

Для Владимирского края характерна удивительная насыщенность пространства памятниками истории и культуры. В каталог памятников (археологии, архитектуры, искусства и т.д.) включены сведения о 3439 памятниках[7, с.3].

Особое значение имеют памятники 12 века белокаменного Владимиро-Суздальского зодчества.

Наиболее важные памятники зодчества включены в список Всемирного наследия (решение XVI сессии комитета Всемирного наследия при

ЮНЕСКО, г.Санта-Фе, США, 6-14 декабря 1992 г.). В список Всемирного наследия включены:

- церковь Покрова -на- Нерли(1165г.)
- Рождественский собор и палаты князя Андрея Юрьевича в Боголюбове(1158-1165гг.)
- Золотые ворота во Владимире(1164г.);
- Успенский собор во Владимире(1158-60, 1189, реставрация 1889г.);
- Дмитриевский собор во Владимире(1194-1197 гг.);
- церковь Бориса и Глеба в Кидекше(1152 г.);
- Рождественский собор в Суздале (1222-1225гг.,XIVв.);
- Архиерейские палаты Суздальского кремля ;
- Спас-Евфимиев монастырь в Суздале;
- Покровский монастырь в Суздале.

Особенность историко-культурного наследия Владимирского края заключается в том, что оно не может быть рассмотрено только в региональном контексте.

Население. Этно-конфессиональный состав. На 1 января 2001 г. численность населения области составляла 1 миллион 589 тысяч человек. Плотность - 54,8 жителей на 1 квадратный километр. На сегодняшний день в области 16 районов, 23 города, 34 поселка городского типа, 224 сельских администраций. Центр области - город Владимир. В 2001 г. население Владимира согласно данным Госкомстата составляло 332 тысячи человек. Кроме Владимира в области еще 2 города, население которых превышает 100 тысяч - это Ковров (в 2001 г его население составляло 159 тыс. человек) и Муром (в 2001 г его население равнялось 140 тысячам).

По данным переписи 1989 года основу населения Владимирской области -95,8% - составляли русские.

Согласно переписи населения, впервые проведенной в России в 1897 г., в конце XIX в. во Владимирской губернии проживал 1 515 691 человек (100%). То есть почти столько же, сколько и сегодня (как уже указывалось выше, в 2001 году во Владимире проживало 1589 000 человек. Немногим отличаются и цифры, говорящие о национальном составе - в 1897 г. русские составляли 99,74 % всего населения, согласно последней переписи населения, проведенной в 1989 году русских в области проживает 95,8 % . То есть по - прежнему Владимирская область остается одной из самых русских областей.

По вероисповеданию в 1897 г. большинство опрошенных (1 473 521 человек, то есть 97,2%) составляли православные.

Несмотря на относительно небольшие изменения в количественном составе населения Владимирской области за сто лет, то есть с момента первой переписи, качественно поменялся его социальный состав: если в 1897 году большую часть населения (90,3%) составляли крестьяне, то сегодня большая часть населения работает на промышленных предприятиях и в бытовой сфере.

Согласно последним данным сегодня православные христиане составляют самую многочисленную группу среди верующих. По данным управления юстиции администрации Владимирской области из 262, зарегистрированных в 1998г. религиозных объединений, 204 принадлежат Русской Православной Церкви, что составляет около 80%. В настоящее время действуют 27 мужских монастырей, не считая скитов и подворий. Богослужения совершаются в 225 приходах, которым принадлежит 220 храмов и 12 часовен.

Социологические исследования среди молодежи в г.Владимире показали, что большинство молодых людей отождествляют национальную культуру и религию, считают возможным быть причастным миру русской истории и культуры только через Церковь. По данным социологического

опроса кафедры социологии ВГУ (март 2002г.) “Портрет современного студента” на вопрос ”К какой религиозной конфессии Вы себя относите?” был получен следующий ответ: православный христианин- 69%, ни к какой - 23%, мусульманин- 3%, протестант- 1%, католик- 1%, иное (секты, культы)- 3 %.

По данным социологического исследования, проведенного в 2011 г. Ивановским исследовательским центром по заказу Администрации Владимирской области, 97,2 процента населения Владимирской области считают себя русскими. При этом к православной религиозной традиции относят себя - 82,6%. По данным социологического исследования 2004 года к Православию себя относили 51% владимирцев. В числе не относящих себя ни к какой религии (агностики, атеисты и т.д.) оказались - 15,3 % жителей Владимирской области. К исламской традиции себя отнесли - 0,9 %. К группе христиан -протестантов - 0,4%/ К числу приверженцев римокатолицизма - 0,2 %. К числу иных религиозных традиций отнесли себя 0,1 % населения области.

Духовное содержание культурно-исторического пространства Владимирского края в наиболее сжатой и краткой форме выражает эмблематика- совокупность символов и эмблем.

К числу важнейших символов Владимирского края относятся чудотворные иконы:

- образ Владимирской Божией Матери(12 в.)- икона византийских мастеров, главный палладиум России, перенесена из Киева во Владимир князем Андреем Боголюбским, в настоящее время находится в Москве(с 1395 г.);

- образ Боголюбской Божией Матери(12в.)- икона русских мастеров, написана по указанию князя Андрея Боголюбского как знак Покрова Богоматери Владимирской земле, первая русская икона, в настоящее время находится в Успенском соборе Княгинина монастыря г.Владимира;

- образ Максимовской Божией Матери(1299 г.)- написана по указанию митрополита Максима в связи с перенесением кафедры Митрополита из Киева во Владимир, находится в экспозиции Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

К официальным символам Владимирского края относятся гербы и флаги Владимирской области и городов края.

В современном гербе Владимира отражаются христианские символы: лев- образ царственной власти и крест- символ христианства и спасительной жертвы Мессии. В соответствии с решением президиума Владимирского городского совета 14 мая 1991 года “О символах города Владимира” символами города были официально утверждены герб Владимира, его наименование(“город Владимир”), изображения Золотых Ворот, Успенского и Дмитриевского соборов.

Владимирская эмблематика свидетельствует, что в 21 век Владимирский край входит, сохраняя культурную и духовную идентичность, преемственность поколений.

Православие в истории России является основанием национальной самоидентификации русского народа и крещение Руси (988г.) положило начало слиянию восточнославянских племен в единую древнерусскую народность.

Этапы русской истории представляют города Киев, Владимир, Москва и Санкт-Петербург. Особое место в этом списке столиц занимает Владимир, связующее звено Руси Киевской и Руси Московской. Основание города Владимира связано с крещением в 990 году Ростово-Суздальской земли (Залесской Руси)[3]. В 991-992гг. учреждается Ростовская епархия, в состав которой вошел наш край[1]. Владимир был основан князем Владимиром Святославичем в 990 году как центр христианской миссии в северо-восточной Залесской Руси. Само создание русской школы связано с крещением Руси в 988 году и личностью князя Владимира Свя-

тославича. Летописец Нестор в «Повести временных лет» описывает как князь Владимир приказал отдавать детей для «обучения книжного». По мнению историка протоиерея В.В. Косаткина, высказанному им в «Историческом очерке народного образования в городе Владимире и его области»(1901г.) начало книжного учения во Владимире-на-Клязьме связано с именем основателя города святого Владимира Крестителя.

Дело христианского просвещения продолжают князь Юрий Долгорукий и его сын Андрей Юрьевич Боголюбский. Князь Андрей Юрьевич Боголюбский внес решающий вклад в развитие Владимира как духовного и политического центра. Его политика явилась продолжением государственно-религиозной деятельности основателя города Владимира-Крестителя. Духовные традиции владимирских князей проявились в продолжении храмоздательной традиции времени правления на великокняжеском престоле князя Всеволода (Димитрия) Большое Гнездо.

В княжеских дворцах князя Андрея Боголюбского, Всеволода III и его сыновей собирались библиотеки.

Во время княжения князя Константина Всеволодовича Мудрого во Владимире при храме Воздвижения была учреждена школа для детей.

В этот период складываются основные черты Владимирского образования, включающие в себя:

- христианский характер образования (идея святости как цели жизни человека-”освящения”; книжности- основа образования Библия)
- открытый и столичный характер образования, складывающийся во взаимодействии с киевской столичной системой образования и Византией
- идея патриотического служения Отечеству
- духовно-художественное творчество как реализация творческого потенциала человека

Подлинная история Церкви есть история святости. История православной педагогика является составной частью истории Церкви. В этом

смысле нервом православной педагогической традиции может быть названа реализация идеи освящения в деятельности по воспитанию человека. Тысячелетняя традиция православной педагогики Владимирского края внесла свою лепту в общую сокровищницу русской святости и свои педагогические идеалы, имеющие не только местное, но и общерусское, и общечеловеческое звучание. Образование как воссоздание в человеке образа Божия исходило прежде всего из того, что самым действенным способом научения был личный опыт и опыт наставника. В круг педагогического чтения наряду со Словом Божиим (Библией) входило чтение житий святых. Владимирская святость имеет свои неповторимые образы подвижничества[8], патриотического служения[9], семейного благочестия и супружеской верности[12], социального служения[11], книжности и богословия[13].

В течение своего тысячелетнего развития традиции православной педагогики во Владимирском крае имеют свои особые черты, к которым относятся:

- * традиции патриотического и социального служения,
- * семейного и нравственного воспитания,
- * духовно-художественное творчество как реализации творческого начала человеческой личности,
- * открытости лучшим достижениям педагогической мысли и присутствие "столичной" компоненты в содержании образования,
- * внимания к внутреннему миру ребенка и трезвая оценка своих педагогических усилий.

Системообразующим фактором в формировании личности учащегося является духовно-нравственное воспитание, под которым понимается управление процессом развития личности, ориентированного на традиционные духовные ценности, утверждающего ценность человеческого бытия, в ее сопряженности и солидарности (соборности) со своими предками, ис-

торическим и культурным наследием русского народа, человеческого рода в целом.

Цель духовно-нравственного воспитания заключается во введении личности ребенка в нравственное и культурное пространство отечественной культурно-исторической и духовной традиции, формирования его сознания и самосознания.

В России духовно-нравственное воспитание традиционно содействовало духовно-нравственному становлению человека на основе православной культуры во всех формах ее проявления (религиозной, идеологической, научной, художественной, бытовой). Это дает человеку возможность более полного и объемного восприятия мира, своего места в нем.

Во Владимирской области сложилась добрая традиция совместного проведения юбилейных дат и церковно-общественных праздников – дня Знаний, дня святых равноапостольных Кирилла и Мефодия как праздника Славянской письменности и культуры, святых Петра и Февронии Муромских как дня Семьи, Любви и Верности, святого благоверного князя Александра Невского как единого дня краеведения в образовательных учреждениях Владимирской области.

Институциональный уровень системного подхода к духовно-нравственному воспитанию предполагает преемственность, взаимосвязь и координацию педагогической деятельности разных социальных институтов. Чрезвычайно значимо в этом отношении формирование нормативно-правовой и организационной основы взаимодействия государства с Русской Православной Церковью, обеспечение активизации и поиск новых форм участия Церкви в процессе духовно-нравственного воспитания детей и молодежи. Неотъемлемой составляющей частью воспитательного пространства является Церковь, которая хотя и отделена от государства, т.е. выполнения государственных функций, но не отделена от общества и от сотрудничества с государством. Церковь – составная часть формирующе-

гося гражданского общества в России. Право на свободу совести означает информированность человека в сфере религии, поэтому учитывая особую роль Православия в истории и культуре России, необходимо сотрудничество системы государственного образования и Церкви. Принцип демократического государства – это принцип равенства религиозных объединений перед законом. Что означает, что правовые нормы одинаковы в своем применении для всех субъектов гражданского общества, юридических и физических лиц. Но это не означает равенство религиозных объединений в историческом и культурном отношении. Государство и общество вправе выбирать участников для социального сотрудничества и диалога среди субъектов социокультурного пространства. Этот выбор определяется объективными характеристиками в соответствии прежде всего принципами культуросообразности и реализации права на свободу совести. Он должен соответствовать коренным интересам государства и общества в целом. Такие отношения могут носить договорный характер.

Таким образом, определяющим фактором создания системы духовно-нравственного воспитания в образовательном пространстве Владимирского края является ее историко-культурная среда как живая и органичная духовная традиция.

Владимирская митрополия и образовательные организации Владимирской области накопили богатый опыт взаимодействия на благо общества и реализации прав учащихся, родителей и педагогического сообщества на свободное духовное развитие, укрепление нравственного потенциала. Здесь мы видим поле для совместной деятельности системы светского образования и Церкви. Это обусловлено исторической традицией русской школы, наличием общих нравственных целей государства, общества и Церкви в сфере просвещения. Эти усилия направлены на духовное и нравственное возрождение общества, на восстановление культурно-исторической преемственности, на выявление роли Православия в исто-

рии, культуре и образовании Владимирской земли, на практическую реализацию права человека на свободу совести.

В настоящее время процессы глобализации заставляют человека задуматься о национальном самоопределении, об осознании своей роли в исторической судьбе отечества и цивилизации, о возвращении к своим духовно-национальным истокам.

Обостряются противоречия между цивилизациями и национальными культурами, между традициями и новыми технологиями в образовании, между материальной и духовной сторонами культуры. С этим связан рост нетерпимости, формирование агрессивности как нормы поведения.

Наше общество возвращается к традиционным ценностям отечественной культуры, что является добрым залогом нашего общего будущего, объединяющего в историческом пространстве России представителей различных национальностей и религиозных убеждений.

Библиография:

1. Валентин епископ. Исторический очерк Владимиро-Суздальской земли.-Владимир,1988.-С.7

2. Веденин Ю.А.Место и роль наследия в возрождении культурного ландшафта России//Тезисы докладов II Международной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. М..1992,-С.7

3. К вопросу о дате основания г.Владимира.-Владимир,1992,-42 с.

4. Лучкова В.И. Эталонный русский ландшафт// Памятники истории и культуры.Вып.3.-Ярославль,1988,-С.109-113.

5. Мануйлов Ю.С.Воспитание средой.-Костанай,2000,-С.17

6. Основы Социальной концепции РПЦ//
<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>

7. Памятники истории и культуры Владимирской области. Каталог.- Владимир,1996

8. Преп.Ефросиния Суздальская,+1250г.; Святитель Афанасий Ковровский,+1962г,

9. Преп.Илия Муромей; Св. благоверный князь Андрей Боголюбский; Св. благоверный князь Георгий; Св. благоверный князь Александр Невский и др.

10. Развитие личности школьника в воспитательном пространстве:проблемы управления.-М.,2001,-С.7

11. Св. праведная Иулиания Лазаревская

12. Свв. благоверные князь Петр и княгиня Феврония

13. Святитель Симон,+1226г.; Святитель Серапион,+ 1275г.; Святитель Феофан Затворник,+1894г.

Молодов О.Б.

ШКОЛА И ЦЕРКОВЬ НА ВОЛОГОДЧИНЕ В 1919–1921 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРИОДИКИ)

После событий октября 1917 г. в России наступил новый этап в истории отношений государства и религиозных объединений. Правовой основой для построения светского государства стал Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Пунктом 9 этого декрета были закреплены отделение школы от церкви и запрет преподавания религиозных вероучений в общеобразовательных учебных заведениях. Правда, в течение следующего десятилетия разрешалось обучение религии частным образом.

В данной работе, основанной на материалах периодической печати Вологодской губернии, мы затронем некоторые аспекты отношений школы и Церкви, которые нашли отражение в ряде пролетарских изданий. Среди них: губернская газета «Красный Север» (ранее – «Известия Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов»), «Вестник Вологодского губкома РКП большевиков», а также уездные печатные органы: «Деревенский коммунары» (Грязовецкий уезд), «Красный набат» (Вельский уезд), «Наша война» (газета VI армии, действовавшей на Севере).

Первое направление в отношениях школы и Церкви касалось имущественных проблем. К осени 1919 г. в г. Вологде не хватало помещений для школ, и власти решили изъять для этих целей церковные сооружения. Вначале через обращение в прессе приходским органам предлагалось добровольно отказаться от ряда храмов [14, с. 1], однако в течение месяца этого не произошло. Одновременно в «Красном Севере» велась подготовка общественного мнения к силовому решению данного вопроса. В нескольких статьях вологодские верующие изображались «эгоистами и мракобесами», препятствующими развитию образования [10, с. 2; 3, с. 2]. В результате постановлением Губисполкома от 16 октября 1919 г. был утвержден перечень из 11 церковных сооружений, настоятелям которых предписывалось передать их городскому отделу просвещения в трехдневный срок [15, с. 3–4].

Частично под нужды школы передали Павло-Обнорский монастырь под г. Грязовцем, однако, как отмечалось в прессе, местные жители на школу «всячески нападали», а оставшимся монахам оказывали помощь продуктами, дровами и валенками [20, с. 2]. Другой пролетарский автор клеймил огородный совет при Вологодском Горземотделе, отказавший в передаче монастырской земли для нужд школьного учебно-показательного участка [4, с. 3].

Другое направление государственной политики в этой сфере касалось учительских кадров. Постановлением Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпроса) от 3 марта 1919 г. запрещалось лицам из числа духовенства занимать любые должности в школах. Для бывших клириков такая возможность допускалась, но в каждом случае с особого разрешения Наркомпроса [16, с. 3]. Однако даже спустя год выявлялись отдельные нарушения этого постановления. В частности, псаломщик А. П-в из Каргопольского уезда успешно сочетал преподавание в школе и службу в православном храме [18, с. 2].

За неимением необходимого количества грамотных работников в школах оставались прежние учителя, многие из которых являлись верующими людьми. В прессе отражено множество таких примеров:

- учителя Биряковской волости Тотемского уезда не вступали в коммунистическую партию из-за религиозных убеждений [12, с. 4];

- в селе Верховажье Вельского уезда церковный хор почти полностью состоял из учителей [11, с. 4];

- заведующая народным училищем П. К-ва (Грязовецкий уезд) вернула в школу ранее вынесенные иконы и сама водила воспитанников в церковь [2, с. 4].

Когда у учительницы, выносившей иконы из школы, сгорел дом, многие жители восприняли это как божью кару [6, с. 4].

Как указывал один из авторов-атеистов, верующие учителя «своим примером заражают молодые умы учеников карапузов, которые глядя на своих наставников, спешат в рассадник мракобесия за получением известной доли затемнения». Кроме того, он утверждал, что упомянутый декрет 1918 г. в части свободы вероисповедания касается только «темной престарелой массы», а учителя, как передовые работники, обязаны бороться с верованиями [13, с. 4]. Однако отсутствие системы подготовки новых педа-

гогических кадров не позволило в полной мере реализовать данное требование к учительству в первые годы Советской власти.

В этот период оставалась актуальной проблема преподавания в школах Закона Божьего. Закрепленный в Декрете 1918 г. запрет изучения клерикальных дисциплин в светских учебных заведениях соблюдался не всегда. Например, в Кадниковском уезде местный священник даже в ноябре 1919 г. преподавал Закон Божий и заставлял школьников носить крестики [7, с. 8]. Более того, известны случаи, когда в сельской местности родители, узнав о прекращении обучения основам религии, не отпускали детей в школу [8, с. 3; 22, с. 4]. В ответ на это в прессе появились статьи, где преподавание Закона Божьего показывалось как «зло», сравнивались методы учителей и священников: учитель действует убеждениями, а священник вдалбливанием, учитель развивает, а священник подавляет догмой [1, с. 1–2]. Один крестьянин вспоминал, как в прежней школе преподаватель Закона Божьего таскал детей за уши и ставил на колени [5, с. 2].

Если в стенах школы обучение Закону Божьему вскоре прекратилось, то в храмах оно продолжалось, несмотря на протесты антирелигиозников. «Вряд ли он [священник] учит тому, что нужно знать подрастающему поколению свободных граждан Советской Республики», – возмущался один из них [9, с. 4].

Со своей стороны местные партийные органы включились в кампанию по дискредитации участия Церкви в образовательном процессе. Учебным планом Районной школы политграмоты предусматривалась отдельная тема «Церковь и школа». Программа обучения с краткими рекомендациями предписывала преподавателям раскрытие реакционной роли православия в истории страны, классового характера деятельности духовенства и церковного просвещения [19, с. 34–35].

В этот период особенно остро стояла проблема учебной литературы. Обеспечение школьников книгами в годы Гражданской войны не отвечало

основным задачам, стоящим перед новой властью. В публикациях с сожалением отмечается, что ученикам приходится пользоваться литературой прошлых лет – «житиями за сказками» и книгами, содержащими молитвы. Такие книги постепенно исключались из библиотек, что вызывало противодействие священнослужителей. В селе Раменье Вельского уезда священник агитировал за сохранение в школах книг религиозно-нравственного содержания и учебников с молитвами за царя [17, с. 4]. В свою очередь, в критической статье анонимный пролетарский автор заключал, что «советская школа тщательно вытравляет этот хлам, но он просачивается в жизнь» [21, с. 2].

Изученные материалы периодики, тогда еще не подвергавшиеся строгой цензуре, позволяют утверждать, что в 1918–1921 гг. несмотря на мероприятия партийного аппарата и атеистически настроенных общественников население Вологодской губернии сохраняло православные традиции, отчасти и в сфере духовного образования. Легальная возможность обучения основам религии частным образом сохранялась до принятия Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Пункт 18 данного постановления разрешал богословскую подготовку только в специальных духовных учебных заведениях, готовивших будущих священнослужителей. Количество духовных школ на территории страны тогда было минимальным.

Естественно, что в условиях переходного периода и Гражданской войны особое внимание властей уделялось сохранению завоеваний революции с оружием в руках и решению социально-экономических проблем. Кроме того, отсутствие в эти годы четкой вероисповедной политики государства позволяло, особенно в «глубинке», руководствоваться в религиозных вопросах и в отношениях с духовенством прежними стереотипами.

Библиография:

1. Грибанов. Закон Божий и школа // Красный набат. 1919. 8 июня.
2. Душа изболела // Деревенский коммунар. 1919. 5 апр.
3. Ершов А. Надо поторопиться // Красный Север. 1919. 11 окт.
4. Коммунист Горожанин. Монастырь дороже школы // Красный Север. 1920. 15 февр.
5. Крестьянин М. Цепушкин. Как нас попы учили // Наша война. 1920. 23 марта.
6. Кулояк. Чудеса нашего времени // Красный набат. 1919. 9 марта.
7. Местный. Недопустимое явление // Красный Север. 1919. 7 нояб.
8. Местный житель. Не по адресу // Известия Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1919. 5 янв.
9. Милиционер В. Концов. До каких пор будет так продолжаться // Красный набат. 1919. 23 нояб.
10. М.С. Поборники темноты // Красный Север. 1919. 9 сент.
11. Наблюдатель. Не мешало бы почистить // Красный Север. 1920. 4 апр.
12. Не верующий. Гнева Божия боятся // Красный Север. 1919. 23 дек.
13. Никитинский И. Проводники мракобесия // Красный набат. 1919. 23 февр.
14. От Губернского и Городского Исполнительных Комитетов // Красный Север. 1919. 17 сент.
15. Постановление Губернского Исполнительного Комитета от 16 октября 1919 года // Красный Север. 1919. 18 окт.
16. Постановление Народного комиссариата по просвещению о недопущении духовенства к занятию должностей в школах, утвержденное на заседании 3-го марта 1919 г. // Известия Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1919. 18 марта.
17. Потапов С. А на окопные работы не хочет // Красный набат. 1919. 19 дек.

18. Проезжий. Темный уголок // Красный Север. 1920. 24 авг.
19. Районная школа политграмоты // Вестник Вологодского Губернского Комитета РКП большевиков. 1921. № 4–5.
20. Смуров П. Черное гнездо // Деревенский коммунар. 1921. 31 дек.
21. Старый мусор // Наша война. 1919. 15 нояб.
22. Учащийся С.Б. К родителям учеников // Красный набат. 1919. 16 февр.

Морозова Е.А.

ОПЫТ ПРИОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ К РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ

«Язык – исповедь народа»

(П.Вяземский)

В стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года отмечается: «приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины» [1]. Безусловно, развитие личности современных детей и молодежи без понимания, знания и усвоения русской культуры, невозможно. Однако, существует большая проблема, связанная с сохранением и развитием русского языка и русской культуры. В.В. Путин на Российском литературном собрании отметил: «...русский язык слишком велик, слава богу, чтобы его традиции можно было разрушить. Но, повторю, мы всё чаще сталкиваемся и с безграмотностью, и с примитивизмом. Многие молодые

люди с трудом могут внятно формулировать даже свои мысли» [2]. Соответственно перед всем педагогическим сообществом стоит важная задача по приобщению подрастающего поколения к русской культуре и русскому языку.

Необходимо отметить, что Российская Федерация – многонациональная и многоязычная страна. Всего языков в РФ – 277. В государственной системе образования – 93. Языков СМИ – 66. Русский язык, является одним из наиболее распространённых языков мира, пятым среди всех языков мира по общей численности говорящих, восьмым по численности владеющих им как родным. Социальными функциями русского языка являются:

- языковое единение многонационального государства,
- языковое межнациональное общение народов России,
- государственный язык

Кроме того, русский язык является основой и средством передачи русской культуры. Остановимся на понятии «русская культура».

Русская культура – одна из национальных европейских культур, имеющая свои особенности. Ее спецификой является православный характер, огромная территория и единое государство. Н.Я. Данилевский в своей работе «Россия и Европа» выделяет религиозный тип деятельности русской культуры как ведущий, наполняющий особым содержанием жизнь русского человека. «Самый характер русских, и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую соответственность с христианским идеалом...»; «исторический жребий быть вместе с греками главными хранителями живого предания религиозной истины – православия, быть продолжателями великого дела, выпавшего на долю Израиля и Византии, быть народом богоизбранным» [3].

Вместе с тем, русская культура, занимая достойное место в мировой культуре, обладая собственной динамикой, имеет и общие с западноевро-

пейской культуры черты. Так, например, Д. С. Лихачев по отношению к проблеме своеобразия России и русского культурно-исторического пути отмечал: «Россия – несомненная Европа по религии и культуре. При этом, в культуре ее не найти резких различий между западным Петербургом и восточным Владивостоком» [4].

Выделим еще одну особенность русской культуры. Русская культура родилась на многонациональной почве. «От Балтийского моря на Севере до Черного моря на Юге жили многочисленные этнические образования – племена и народности восточнославянские, финно-угорские, тюркские, иранские, монгольские. Древнейшие русские летописцы постоянно подчеркивают многоплеменный характер Руси и гордятся им. Россия всегда и в дальнейшем имела многонациональный характер. Так было от образования Русского государства и до самого последнего времени. Многонациональный характер был типичен для русской истории, русской аристократии, русской армии, науки. Татары, грузины, калмыки составляли отдельные подразделения в русской армии. Грузинские и татарские княжеские фамилии составляли более половины русского дворянства в XVIII—XX вв.» [5]. Именно эта особенность актуализирует социальные функции русского языка.

Таким образом, исходя из самого понятия «русская культура», можно понять логику мероприятий, проводимых образовательными организациями Владимирской области, направленных на приобщение обучаемых к великой русской культуре. Необходимо отметить, что, русскому языку и литературе в образовательном пространстве Владимирской области всегда уделялось большое внимание, но вызовы современного информационного общества и мировой бренд повального нарушения литературной речи, потребовал особых мер по приобщению к русскому языку, литературе, культуре вообще. Идейной основой проводимых мероприятий, приуроченных к Году литературы, стал Указ Президента РФ от 12.06.2014 г. «О проведении

в РФ Года литературы», а также Приказ департамента образования администрации Владимирской области от 20.02.2015 г. «Об утверждении плана мероприятий по проведению в образовательных организациях Года литературы». План мероприятий, в целом, включал в себя:

- встречи школьников с творческими людьми;
- благотворительные акции («Книга – вторая жизнь», «книга из рук в руки» и др.);
- интеллектуально-творческие игры;
- виртуальные экскурсии по литературным местам;
- проведение мастер-классов и практикумов;
- участие в сетевых проектах¹, Всероссийском конкурсе сочинений «Книга в моей жизни. Книги моей жизни», Всероссийской олимпиаде по литературе и русскому языку;
- гуманитарная олимпиада, конкурсы чтецов, детских СМИ, литературные конкурсы², веб-квесты³, фестивали детского театрального искусства, единый урок по литературе, семинары и конференции для учителей русского языка и литературы;
- подготовка и издание литературных альманахов⁴.

Большую научно-методическую помощь в осуществлении данных мероприятий сыграл Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой. Особо необходимо отметить организацию и проведение гуманитарной олимпиады «Умники и умницы земли Владимирской» по

---

¹ На базе ВИРО создан сайт для учителей словесников, в рамках которого под руководством методиста Штуль Е.В. проводится масса сетевых проектов. Наиболее интересными из них являются: «Михаил Булгаков: жизнь и творчество Мастера», «Как лексика добрее стала, а морфология порядок навела... или путешествие в языкознание», «Как на книжкины именины» и др.

² «Вот оно какое, наше лето!», «От Пасхи до Красной Горки», «Милая моя Родина», «Приходи к нам, Рождество!»

³ Например, веб-квест «Великие путешественники». Организатор веб-квеста - Управление образования администрации Кольчугинского района, районное Методическое объединение учителей русского языка и литературы

⁴ Альманах «Автограф» издан в Вязниковском районе

творчеству и роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Областной этап проводился при участии Ю.П. Вяземского.

Владимирский городской информационно-методическим центр уделил пристальное внимание знаковым литературно-историческим событиям России:

- 200-летие со дня рождения М.Ю. Лермонтова,
- 90-летие со дня рождения В.А. Солоухина,
- 1000-летие преставления Святого равноапостольного князя Владимира,
- 70-летие Победы.

Несомненно, интересен опыт отдельных территорий и образовательных организаций. Так, *МБОУ СОШ №1 г. Лакинска* провела в рамках акции «За чистоту русского слова» комплекс событийных для обучающихся мероприятий:

- литературная гостиная (8-б),
- конкурс юных переводчиков,
- инсценировка басен И.А.Крылова (5-е кл.),
- интеллектуальная викторина «Своя игра» (6 кл.),
- «Аукцион знаний по русскому языку» (7 кл.),
- марафон «Россия в 19 веке» (8-9 кл.),
- познавательная игра для детей дошкольного возраста и младших классов «Говорите правильно».

Традиционным стало проведение праздников, посвящённых возникновению письменности на Руси (праздник «Наследие просветителей славян Кирилла и Мефодия»). Учащиеся лакинской школы приняли участие в сетевой викторине «День российской письменности», стали призёрами учащиеся 7-х и 9-х классов.

В дни школьных каникул (в лагере) проводился День русского языка и литературы «Путешествие по книжной вселенной»; фестиваль «Домаш-

няя сказка». К юбилейным датам писателей и поэтов школьным библиотекарем были подготовлены тематические мероприятия: «Мастер улыбки» к 100-летию В.Драгунского; вечер-памяти «Самый веселый детский писатель» к 105-летию Носова Н.Н. и т.д.

Ежегодно обучаемые лакинской школы, как и обучаемых всех образовательных организаций Владимирской области, участвуют во Всероссийских викторинах и конкурсах: "Русский медвежонок", "Родное слово", "Ломоносовский турнир". В рамках поддержки детской одаренности был проведен вечер поэзии, где учащиеся школы читали стихотворения собственного сочинения.

Систематически проводится школьный конкурс "Живая классика", победители представляют школу на районном конкурсе. Ученики школы являются победителями районного конкурса "Труфиловские чтения".

Интересными для школьников и их родителей стали встречи: с поэтами г. Лакинска; с писателем Н. Головкиным (г. Москва); М. Костоковым, журналистом, выпускником МГУ, заслуженным деятелем культуры.

Большое внимание в школе уделяется выпуску школьной электронной газеты "Первоки.РУ", а также осуществляется сотрудничество с редакцией газеты "Доверие" Собинского района.

Достаточно благодатна и оригинальна работа МБОУ СОШ №5 г. Александров. На базе школы приказом управления образования администрации Александровского района создан районный научно-методический культурно-просветительский центр «Благостыня» с целью консолидации деятельности по духовно-нравственному воспитанию всех заинтересованных структур, работающих с детьми и молодежью. Библиотекарем школы разрабатывается цикл устных журналов «Лики милосердия», с которыми учащиеся выступают перед школьниками, родителями, в библиотеках, в воскресных школах. Традицией школы стало проведение в библиотеке семейного чтения «Недели Православной книги». Например, 14 марта состо-

ялись беседы клирика собора Рождества Христова г. Александрова священника Антония Чуть с учащимися 2-х, 4-х и 5-х классов. Ребятам было интересно узнать новое о монастырях, о первых переписчиках книг, об Иване Федорове, о начале книгопечатания. Большое внимание в беседах было уделено тому, как выбрать книгу, которая сделает тебя лучше.

В школе действует спортивно-патриотический кружок по русскому рукопашному бою, весной 2015 г. проведен турнир. Общее руководство организацией турнира осуществляли Федерация комплексного единоборства России, Московская федерация русского рукопашного боя, Международная Ассоциация ветеранов подразделения антитеррора «Альфа», Школа №5 города Александрова имени старшего лейтенанта Виталия Вячеславовича Зиненко, Общественная организация ветеранов войны в Афганистане и других военных конфликтов города Александров и Александровского района. Непосредственное проведение соревнований было возложено на главную судейскую коллегию, утвержденную Федерацией комплексного единоборства России и Московской федерацией русского рукопашного боя. Отрадно отметить, что на турнире присутствовал архиепископ Александровский и Юрьев-Польский Владыко Евстафий. Как правило, результатом таких мероприятий является повышение интереса детей и молодежи к истокам русской культуры.

Значительным опытом приобщения молодежи к русской культуре обладает Петушинский район. Учителя и обучаемых образовательных организаций участвуют в конкурсах духовно-нравственной направленности. Интересные работы (особенно в номинации «Сочинение») были представлены на Епархиальный конкурс, посвященный 1000 – летию преставления святого равноапостольного князя Владимир. Во Всероссийский конкурсе «Святые заступники Руси» в номинации «Литературное творчество» участвовали учащиеся 11 школ района, 10 работ было представлено на Всероссийский конкурс. Петушинский район также представляет свои ра-

боты и на Международный конкурс «Красота божьего мира». Имеются победители на Всероссийском этапе конкурса.

Знаковым событием для обучаемых является участие и в конкурсе чтецов духовной поэзии «Арфа царя Давида». В 2015 г. в конкурсе участвовало 60 учащихся из 20 общеобразовательных школ, православной начальной школы г. Петушки, 4 воскресных школ.

Ежегодно проводятся Свято-Афанасиевские православные чтения. Вот названия некоторых работ: «Горит свеча в душе моей», «Паломнические места земли Петушинской земли», «Покровский поклонный крест», «Образ семьи в повести о Петре и Февронии Муромских» и др.

Безусловно, ребята, участвуя в таких конкурсах, приобщаются к самым глубинным, чистым истокам своей культуры.

Отличается своеобразием деятельность *МБОУ* «Степанцевская СОШ» Вязниковского района. Необходимо отметить, что в школе обучается значительное количество детей-инофонов. Соответственно, задача, связанная с изучением русского языка и приобщением всех обучаемых школы к русской культуре, является первостепенной.

Для успешного ее решения лаборатория современных педагогических проблем ВИРО имени Л.И. Новиковой в марте-апреле 2015 г. провела анкетирование образовательных организаций, в которых обучается достаточно большое количество детей инофонов, включая Степанцевскую СОШ. В результате анкетирования был выявлен комплекс проблем, связанный с изучением государственного языка обучения (русский язык) среди детей инофонов:

– владеют на бытовом уровне, на уровне обучения, оба языка, и родной и русский, остаются только разговорными, а не осваиваются в полной мере как литературный язык – язык письменности, культуры, истории, науки;

- плохо понимают содержание текстов учебника (не все слова им понятны, особенно переносное значение);
- проблема проверки качества обучения по любому предмету, который ведется на русском языке – языке обучения: инофон с трудом понимает задания КИМов и показывает низкие результаты;
- закономерности русского языка воспринимаются ими через призму родного языка, а также переносят явления родного языка в русскую речь, что приводит к ошибкам (неправильная интерпретация);
- скудный словарный запас, сложности в усвоении грамматики русского языка, разная языковая картина мира, нарушение орфоэпической нормы;
- неумение использовать речевые обороты, плохо пишут под диктовку;
- дисграфия, сложности в подборе примеров на правила, трудности в разборе слов по составу;
- не умеют чётко выразить свои мысли, проблемы с согласованием слов;
- особенности произношения и орфографии (как слышит, так и пишет); низкий уровень навыков письма;
- проблемы лингвистического характера: например, в таджикском, узбекском языках отсутствует понятие рода. Детям трудно определять род в русском языке. Или понятие одушевлённости и неодушевлённости предмета: например, в узбекском языке новорождённый ребёнок или животные отвечают на вопрос «что?».

На Диаграмме 2 выделен рейтинг выделенных проблем.

Диаграмма 2.

Проблемы с государственным языком (русским) обучения тесно переплетены с проблемами гуманитарного знания (литература, история). Их суть заключается в следующем:

- не понимают фразеологизмы; медленно читают; плохо учат наизусть (86%).
- испытывают трудности в восприятии смысла художественного текста в процессе чтения, соответственно детям-инофонам требуется больше времени для его осмысления (63%);
- проблемы с пересказом (80%);
- сложно воспринимают христианскую картину мира, представленную русской классической литературой, также не понимают фольклор, смысл пословиц и поговорок (89%);
- не знают историю России, соответственно проблемы с пониманием периодизации литературы, также не понимают художественно-выразительные средства, используемые на уроках литературы (75%);

– слабая техника чтения, неправильная расстановка ударений, в 5 классе читают по слогам, цыганские дети фактически не выполняют домашнее задание (94%);

– не понимают учебные задачи (89%);

– сложности при выполнении творческих работ (77%);

– мало читают, с трудом отвечают на развернутые вопросы (67%).

В обобщенном виде проблемы изучения литературы и истории можно выразить так.

Литература. При изучении литературы или истории проблем не возникает, если ребёнок обучается в школе с первого класса, а в школу пришёл из русскоязычного детского сада. Но если ученик приехал в более позднем возрасте, то наблюдается определённый «конфликт» в усвоении обычаев, нравов, русского фольклора, потому что, как правило, в своих республиках дети учатся в национальных школах. Они проходят материал национального фольклора. И тогда таким ученикам приходится отдельно объяснять материал (пояснять, например, смысл русских народных сказок, образы героев). С историей происходит, практически, то же самое: ребёнок в национальной школе изучал историю своей страны, а теперь ему приходится изучать историю России, поэтому учителя истории поясняют дополнительно материал, знакомя вновь прибывших в средние и старшие классы с азами русской истории (Степанцевская СОШ).

Вместе с тем необходимо отметить, что есть проблемы, являющиеся общими как для обучаемых – представителей автохтонного населения, так и инофонов. К ним относятся:

– непонимание учебных задач;

– сложности при выполнении творческих работ;

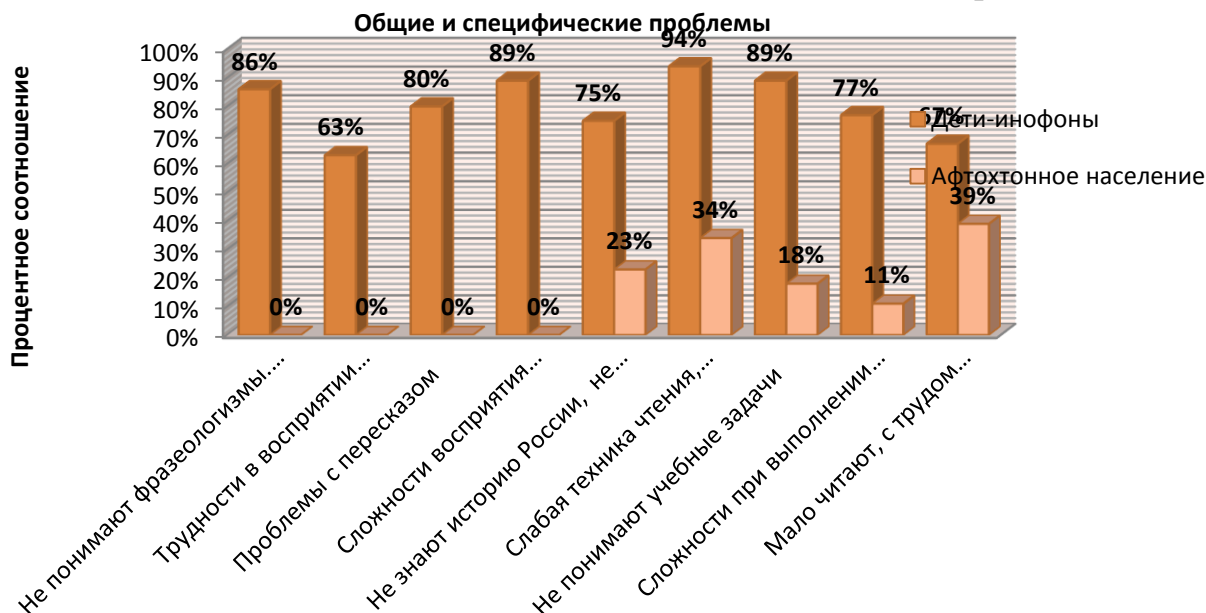
– мало читают, с трудом отвечают на развернутые вопросы;

– не знают историю России, периодизацию литературы, соответственно проблемы с пониманием авторского текста (сложности при диалоге с автором текста, носителем определенной эпохи).

Трудности, являющиеся общими для всех обучаемых – инофонов и обучаемых – представителей автохтонного населения – при изучении истории и литературы, а также специфические трудности инофонов выражены в Диаграмме 1.

Диаграмма 1.

В Степанцевской СОШ апробируется программа социокультурной адаптации детей инофонов. В частности, в школе дополнительно проводятся следующие факультативные курсы: «Детская риторика» в 2-3 классах; «Культура речи» в 5-8 классах, а также создается банк дифференцированных заданий для детей-инофонов. Учителя словесники активно делятся своим опытом на различных конференциях.

В июне 2015 г. в рамках работы школьного летнего лагеря проведена Неделя русского языка, включающая в себя:

- линейку, посвящённую открытию Недели русского языка (каждый отряд школьного лагеря готовит стихотворение о русском языке;
- КВН на тему «Морфемика» для 5-6 классов;
- день чистой и правильной речи «Экология слова»;
- конкурс «Похвальное слово русскому языку»;
- конкурс стихотворений А.С. Пушкина, приуроченного к 215-летию со дня рождения великого поэта.

Таким образом, Владимирский край как колыбель земли русской, проводит огромную работу. Направленную на то, чтобы наши дети, молодежь не потеряла своих духовных культурных корней и не воспитывалась Иванами, непомнящими своего родства.

Вместе с тем, проблема сохранения русского языка как транслятора русской культуры остается актуальной. Многого еще предстоит сделать. Главное, это усилить мотивацию обучаемых на чтение литературных произведений, выполнение творческих работ, участие в исследовательских проектах. Важно при организации учебной деятельности тщательно прорабатывать учебные задачи, связанные с работой с первоисточниками, широко использовать технологию постановки развернутых вопросов, учебные дискуссии; более глубоко изучать основные вехи и периодизацию отечественной истории, без чего невозможно понимание литературных произведений.

Актуальным также является научно-методическое сопровождение ВИРО таких направлений в развитии образовательных организаций как поддержка книги и чтения, приобщение к истории и культуре, внимание к СЛОВУ, развитие речи и культуры общения.

P.S. В почетной книге гостей Института Пушкина появились стихотворные строчки И.Резника

Любезный Александр Сергеич,
Поэт благословенный наш!
Вам из Страны Публичных зрелищ
Мой поэтический пассаж.
Примите скорбное признание –
Времен новейших постулат:
Увы, поэзия в изгнании,
Стихи в эфире не звучат.
В душе печаль и сердцу тесно,
И кругом ходит голова,

Стихи зовутся нынче «тексты»,
Ну в лучшем случае – «слова».
Мы не вкушаем вдохновенье
Поэтов матушки-земли.
Политехнический в забвеньи.
Букинистический в пыли.
Ни стройных строф, ни рифм проворных,
Ни троекратного «виват!»
Лишь только барды ляминорно
О дружбе вечной дребезжат.
Властитель! В тишине осторожной
Мне каждый божий день и час
И «кюхельбекерно, и тошно»,
И очень не хватает
Вас!

Библиография:

1. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. N 996-р г. Москва "Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года"/ «РГ» – Федеральный выпуск №6693.

2. 2015 год – год русской литературы – [электронный ресурс] – <http://zakonvremeni.ru/news/11-1-/19484-2015-god-god-russkoj-literatury.html>

3. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

4. Лихачев, Д.С. Два русла русской культуры – [электронный ресурс] – <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=215>

5. Лихачев, Д.С. Два русла русской культуры – [электронный ресурс] – <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=215>

**ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ: ВОЗМОЖНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА ШКОЛЫ**

Приобщение каждого нового поколения к идеалам и традициям своего народа не происходит самопроизвольно, необходимы целенаправленные усилия по их освоению. В настоящее время усилия таких институтов, как семья, церковь, СМИ по передаче культурно-исторического опыта недостаточно действенны. Отсюда важна роль в столь сложном и многогранном процессе принадлежит школе, как одному из тех социальных институтов, который с одной стороны отвечает вызовам времени, с другой является официальным инструментом государства в области социализации подрастающего поколения. Нельзя забывать и о том факте, что через этот социальный институт проходит практически каждый современный человек, что оставляет надежду на серьезное влияние школьного образования в процессе становления человека.

И если в предметном содержании для учителя и ученика мало что меняется (в смысле механизмов, способов обучения), то в сфере духовной, связанной с переживанием эмоций, освоением нравственного опыта, дело обстоит не так очевидно. Связано это с тем, что в информационную эпоху меняются каналы освоения человеком мира, и учителям все труднее подбирать инструменты, позволяющие современному школьнику оставаться «включенным», затронутым. Поэтому учитель ищет, ищет те педагогические приемы, о которых говорил еще Иван Ильин, - заставляющие душу ребенка трудиться. Нельзя игнорировать и тот факт, что живя в эпоху релятивизма ценностей, их серьезной трансформации и пересмотра, учитель (как носитель определенной системы ценностей) может вступить в некото-

рое противоречие с ценностями, лежащими в основе мировоззрения современных учеников. Отсюда все большую актуальность приобретает та неизменная духовно-нравственная платформа, на которой строили себя многие поколения наших соотечественников.

Данная статья является попыткой трансляции опыта конкретной школы – СОШ № 10 г. Струнино в области формирования духовно-нравственных ценностей школьника на основе культуры православия через представление опыта внеурочной деятельности.

Работа в образовательном учреждении идёт по нескольким взаимосвязанным и взаимодополняющим направлениям ДО, которые позволяют решить задачу воспитания ребят на примере духовного подвига наших предков. Приоритетными являются темы «Святые православной России», «Духовные защитники Русской земли».

Формы проведения, насыщенность и сложность содержания материала определяются степенью «продвинутости» учащихся и педагогов. В начале этой работы мероприятия проводились преимущественно классными руководителями. Но даже при неформальном отношении к делу результат оставлял желать лучшего. С течением времени «выкристаллизовалась» творческая группа заинтересованных, находящихся «в теме» педагогов, а также ребят – членов отделения школьных НОУ – «Педстудия» и «Веды».

Включение педагогов школы в тему проводимого мероприятия осуществляется на специальных установочных семинарах. Важно мотивировать учителей, выделить главное в теме, расставить акценты, указать на возможности формирования позитивных духовных ценностей на основе рассматриваемого материала. Нельзя допустить грубого религиозного нажима. Необходимо подчеркнуть величие духовного подвига наших предков, совершённого во имя спасения Отечества, православной веры; внедрить в сердца и сознание детей, «воспроизвести», ценности православия:

милосердие, соборность, самопожертвование, верность, любовь к Богу, к Родине, к ближнему, показать огромный самобытный культурный мир.

Важно, что занятия по намеченной теме происходят во всех параллелях в течение трёх-четырёх дней. Этим достигается стопроцентный охват учащихся внеурочной деятельностью, и это, пожалуй, единственный способ провести мероприятие эффективно, когда оптимально используются имеющиеся ресурсы, в теме находятся педагоги и эмоционально настроены и духовно-ориентированы ребята, привлечённые к проведению занятия. Начинается цикл мероприятий с конференции старшеклассников. А потом в адаптированном варианте с некоторыми изменениями, учитывая недочёты и успехи первого занятия, проводятся классные часы во всех параллелях. Хочется верить, что в эти дни обретается духовное единство педагогов и воспитанников – участников общешкольного дела.

Конференции готовятся и проходят с равным участием педагогов и ребят. Участники творческой группы осуществляют активную поисковую деятельность, сложную работу по отбору материала, синтезу художественного литературного текста, элементов изобразительного искусства, музыкального сопровождения. Это интеллектуальное и духовное сотрудничество в достижении высокой цели оказывает благотворное нравственное воздействие на участников работы. Мероприятия продумываются так, чтобы высказались те школьники, которые находятся в роли слушателей, по возможности включаются элементы дискуссии, проблемные вопросы. Активное участие в работе конференции, эмоциональный отклик на рассматриваемые вопросы, высказывание своего мнения, осуществление нравственного выбора в предлагаемых ситуациях рождает у детей нравственные убеждения.

Существенным для успеха мероприятия является самостоятельное определение учениками проблематики темы, постановка ими задач перед

сложной интеллектуальной духовной работой, определение личностного смысла занятия, тех ценностей, которые они усвоили.

В основу организации такой работы положен принцип оптимизации. Суть его заключается в том, что безграничность творчества накладывается на жёсткий технологический каркас. С методической точки зрения внеурочные занятия представляют собой синтез характерных особенностей урока в соответствии с современными требованиями к нему и внеклассного мероприятия. Черты, характерные для урока, проявляются в технологичности и структурированности: в стадиях вызова, осмысления и рефлексии, целеполагании, постановке проблем учащимися или с помощью учащихся, создании ситуаций мотивированной активной деятельности школьников по решению нравственных задач. Существенное отличие от урока состоит в смещении целевых акцентов. Доминирует цель формирования позитивных духовно-нравственных ценностей, тогда как познавательные и развивающие цели имеют второстепенное значение, хотя на занятиях воспитание, безусловно, сопровождается и интеллектуальным, и творческим развитием учащихся, и приобретением новых знаний.

Для того, чтобы было более точно определено качественное отличие наших подходов к организации внеурочной работы от общепринятых, приведём следующий пример. В соответствии с календарём знаменательных дат планируется мероприятие, посвящённое 500-летию Александровской слободы. Наверное, можно и нужно приглашать лекторов из музея, рассказывать и показывать архитектурные шедевры слободы, сопровождать всё театрализованными инсценировками... Это, на ваш взгляд, воспитывает? Отчасти да. Безусловно, здесь проявляется знаниевая компонента, но вряд ли формируются устойчивые нравственные ценности, потому как нет погружения в духовные глубины этого вопроса. Иван Грозный в Александровской слободе... Это мрак, ужас опричнины, бесправие, унижение человеческого достоинства, преступные нарушения евангелиевских заповедей.

Погрузив детей в это ужас, можно прийти к отрицательному воспитательному результату. Как быть? А ведь история – это «люди во времени»: опричники, во главе с Иваном Грозным, действовавшие на стороне антихриста, и люди, сумевшие сохранить нравственные качества и высокие духовные начала. Формирование духовных ценностей у ребят и происходит на примере жизни людей, сумевших противостоять ужасам обстоятельств. Вот в чём состоит сущностное отличие нашего духовно ориентированного подхода к проведению внеурочного занятия от общепринятого.

Предлагаем вашему вниманию *отрывок* («стенографическую запись») внеурочного занятия, посвящённого 650-летию дня памяти Александра Невского, **«Не в силе Бог, а в правде». Святой и благоверный князь Александр Невский – заступник земли Русской»**. Целевая аудитория – учащиеся 10-11 класса, педагоги школы (присутствие преподавателей различных предметов на внеурочном занятии стало хорошей традицией нашей школы). Старшеклассники уже знакомы с личностью Александра Невского по урокам истории. Им предлагается повторить изученный материал по учебникам, лекциям и другим источникам информации, что позволит погрузиться в рассматриваемую эпоху. Учитель истории, осуществляя координирующие функции, привлекает к подготовке занятия членов НОУ «Педстудия»: Владу, Тимура, Катю, Машу. Ими подбираются художественные и музыкальные произведения, посвящённые Александру Невскому, готовится презентация (размещена на сайте школы redschoo1.ucoz.ru), производится отбор содержания, распределяются «роли». Например, Вероника - своеобразный «раздражитель», ей отводится роль оппонента, который своими вопросами и комментариями попытается сфальсифицировать историческую правду. Продолжительность внеурочного мероприятия – 80 минут. Эмоциональный настрой создаётся благодаря использованию шедевров отечественного искусства: кантаты С. Прокофьева, картин Ю. Пантюхина, Н.Рериха, М.Нестерова, П. Корина и др.

Занятие начинается с исполнения учащимися воскресной школы Катей и Алексеем тропаря благоверному князю Александру Невскому.

Учитель сообщает, что 750 лет назад, 14 ноября 1263 года, возвращаясь из последней поездки в Орду, в Городце на Волге скончался Александр Ярославич Невский. Более года провёл он среди чужих, коварных монголов. Порадел за землю русскую. После многотрудных дел разболелся на обратном пути и умер. Есть у историков мнение, что отравлен был в Сарае: опасен был ордынцам такой авторитетный среди русского народа князь. Через 300 лет после смерти, в 1547 году, русской православной церковью Александр Ярославович Невский был причислен к лику святых. Но сегодня стало модным ниспровергать наших героев. Вот и Александр Ярославич подвергается травле со стороны западных и доморощенных историков. Князя обвиняют в насаждении монгольского ига на Руси, предательстве, дезавуируют его заслуги и победы. Попробуйте сформулировать проблему и основные задачи, которые мы попытаемся разрешить в ходе сегодняшней встречи. (Дети формулируют проблему, предлагают свои варианты, принимается более точная версия Кати).

Катя. Почему князь Александр Невский, обвиняемый в жестокости, предательстве, насаждении монгольского ига, был канонизирован Русской православной церковью?

Олег (задача). Собрать доказательства государственной мудрости Александра Невского, систематизировать аргументы, подтверждающие великую историческую роль князя в судьбе нашего Отечества.

Варя (задача). Здесь и сейчас защитить Александра Невского, так же как он 750 лет назад сумел защитить нашу землю, спасти православную веру от поругания.

Учитель (задача). Я предлагаю «собрать» библейские мудрости, которым следовал князь. Это позволит нам осознать божественную помощь Александру, благодаря которой будет спасена православная Русь.

Вглядимся в драматические и славные события русской истории, прикоснёмся к тайнам промысла Божьего.

Далее, ученики уточняют биографию князя. Урок строится в форме диалога. Вот некоторые вопросы учителя, которые заставляют размышлять, взывают к поиску и нравственным оценкам.

Учитель (вопрос). Обратите внимание на то, что Ярослав Всеволодович и Александр Ярославич посылают дружины из разорённой Владимирской земли на помощь богатому, не тронутому татарами Новгороду. Попробуйте объяснить поступок русских князей.

Учитель (вопрос). И всё-таки сражения русских с крестоносцами были и более масштабными. Так через 26 лет под Раковором князья Довмонт и Дмитрий Александрович (сын Александра Невского) разобьют ливонцев в грандиозной битве. Почему русский народ с благодарностью хранит память, прежде всего, о блестящих победах Александра Невского?

Учитель (вопрос). События 1252 года неоднозначно отражены в исторической литературе. Хотелось бы, чтобы вы дали свою оценку действий Андрея и Александра.

Учитель (вопрос). Александр не мог не понимать, какой опасности он подвергается. И все же едет. Какое качество, свойственное русским православным людям, проявляет Александр Невский, отправляясь в Орду?

Учитель (вопрос). «Нет больше любви, чем положить душу за други своя» (Ин.15,13). Вот та библейская мудрость, которой следовал благоверный князь, которая подвигала на ратные подвиги многие поколения русских воинов. Пришло время подведения итогов. Мы возвращаемся к началу нашего разговора. Дадим ответ на поставленную проблему: чем руководствовалась православная церковь, причисляя Александра Невского к лику святых?

Ответы учеников.

Учитель (вопрос). Какой смысл для вас лично имеет сегодняшняя встреча?

Ответы учащихся:

Левани. Такие качества личности, как смирение, терпение до сих пор отвергались мной. Понимаю, что ошибался. Я более глубоко осознал смысл и важность православных ценностей.

Вероника. Сегодня мы все вместе смогли дать ответ тем, кто пытается опорочить личность Александра Невского, собрав доказательства его мудрости, значимости в истории страны. У нашего народа были великие герои, великая история. Знать это для меня очень важно. Мы должны давать отпор попыткам унижить наших предков. В этом состоит наш долг.

Кирилл. Я начинаю понимать, что православие - это не просто нечаянно доставшаяся нам религия. Православная духовность – это ценность высокого качества. Чтобы сохранить православие, наши предки заплатили большую цену. Мы будем помнить подвиг святого и благоверного князя Александра Невского.

В финале звучит величание Александру Невскому в исполнении учащихся воскресной школы.

Это один из вариантов занятия в той методике, которую используем во внеурочной работе в течение последних трёх лет. Таким образом, ребята приобретают опыт проблемной беседы, ориентированной на решение духовно-нравственных проблем, осознают значимость изучения истории своей Родины, духовное величие своих предков.

Коллегам может показаться, что не в полной мере использованы имеющиеся средства и возможности содержания темы: гениальный фильм С.Эйзенштейна, оценка государственной мудрости Александра Петром I, вдохновляющая роль образа великого князя в годы Великой Отечественной войны и ещё одна победа Александра Невского уже в наши дни - победа в проекте «Имя России». В возможностях творческого разнообразия – счастье и сила нашей педагогической профессии.

Библиография:

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1990.
2. Воинские повести Древней Руси. – Л.: Лениздат, 1985. С.131,132,133,135.
3. Коняев, Н.М. Устроители Святой Руси / Н.М. Коняев. – М.: Вече, 2009. С.44,51,56.
4. Осипов, А.И. Лекции [Электронный ресурс]/А.И. Осипов/ - Режим доступа <http://tv-soyuz.ru>.
5. Осипов, А.И. Православие и духовная безопасность/ А.И. Осипов. – Минск: Белорусская православная церковь, 2012.
6. Пашуто, В.Т. Александр Невский / В.Т. Пашуто – Переиздание. – Екатеринбург, 1995. С.72,73.
7. Перевезенцев, С.В. Смысл русской истории / С.В. Перевезенцев – М.: Вече, 2004.
8. Резников, К.Ю. Русская история: мифы и факты. От рождения славян до покорения Сибири / К.Ю.Резников. – М.: Вече, 2012.

Николаева И.А.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ (1905-1917 ГГ.)⁵

Начавшаяся с 1906 г. постепенная эволюция формы правления в России в сторону правового конституционного государства изменила основы взаимоотношений власти и общества, создав предпосылки для их демократизации.

---

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-11-33003.

Опираясь на результаты исследования в современных ученых [19, с. 260-261], можно констатировать факт, что взаимоотношения губернской власти с политическими и неполитическими общественными организациями являются важнейшим показателем демократизации административного стиля управления и индикатором уровня развития демократической культуры в государстве. В связи с этим исследование данного вопроса на региональном уровне представляется особенно важным, поскольку позволяет не только определить местные особенности, но и выяснить каким образом государственная политика находила выражение в реальном функционировании губернских властей.

Сразу следует отметить сложность взаимоотношений местных властей с общественными организациями в России начала XX века – период, который можно назвать бумом возникновения общественных инициатив в имперской России. В то же время, исследованные материалы по Владимирской губернии показывают, что большинство обществ благотворительного, научного характера, клубов по интересам и т.п., не встречали противодействия администрации в открытии, если они были оформлены в соответствии с «Временными правилами об обществах, союзах и собраниях» от 4 марта 1906 г. [18, с. 1-56], и деятельность обществ не отклонялась от их устава. В исследуемый период только во Владимире существовало более 50 общественных организаций [2, с. 10]. Без каких-либо серьезных препятствий разрешались неполитические публичные собрания, проходившие в виде различных чтений, лекций, концертов, устраиваемых в «общественных зданиях» [7, л. 1].

То же касалось деятельности религиозных организаций, которые начали активно создаваться в губернии после издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и признания Манифестом 17 октября, свободы вероисповедания [17, с. 273-238]. Прежде всего, это были старообрядческие и «сектантские» общины направлений западного

протестантизма (баптисты, евангелисты и др.) [12, л. 138; 20, с. 314-315]. Владимирские губернаторы и губернское правление, осуществлявшие регистрацию и надзор за данными организациями [16, с. 904-914], обычно не препятствовали их деятельности. В 1907 г. администрацией была разрешена деятельность 9-и старообрядческих и сектантских общин, в сферу религиозного влияния которых вошло население 53-х крупных сел и деревень губернии [4]. В губернаторском отчете за 1908 г. говорилось, что, со времени издания закона о свободе вероисповедания, в губернии были официально зарегистрированы 22 старообрядческие общины. Глава губернии констатировал факт, что препятствием к проведению в жизнь данного законоположения в губернии более быстрыми темпами является только малограмотность большинства избранных настоятелей религиозных общин, которые не могут «исправно» вести метрические книги, за что и привлекаются к административной ответственности [6]. Тем не менее, по официальным данным Святейшего Синода в 1911-1912 гг. во Владимирской губернии из православия в другие вероисповедания перешло 944 человека. Это было в 2-3 раза больше, чем во всех соседних губерниях [5, с. 68, 72].

После образования общин губернаторы продолжали держать под контролем их религиозную деятельность в соответствии с требованиями МВД о разрешении существования только тех религиозных организаций, сущность вероучения которых «не противоречит государственным интересам или требованиям нравственности» [13, л. 4-4об]. При этом необходимо отметить, что руководящая роль в данной сфере принадлежала МВД и Святейшему Синоду, которые давали санкции и разъясняли сложные вопросы вероучений губернским властям [13, л. 9].

В отношении политических организаций закон давал главам губерний более широкие права. Разъяснение МВД и «Временные правила» гласили, что отношение губернаторов к политическим обществам должно зависеть от «условий, места и времени» [18, с. 8], что фактически ставило

деятельность политических организаций в регионе от местной власти. Однако на практике владимирские губернаторы старались больше ориентироваться на директивы правительства. Документы позволяют говорить о том, что изменения в политической ситуации и смена отношения правительства к той или иной партии достаточно четко отражались в их деятельности.

В октябре 1906 г. Председатель Совета министров П.А. Столыпин разослал губернаторам циркуляр с предупреждением о недопустимости публичных или частных собраний революционных партий, в том числе и кадетов, используя для этого любые формальные предлоги [9, л. 1-1об]. В результате, если в марте 1906 г. губернатором было разрешено собрание конституционно-демократической партии, на котором лидер местных кадетов член окружного суда К.К. Черносвитов усиленно агитировал в пользу партии и резко критиковал правительство [14, л. 32], то в ноябре 1906 г. Иваново-Вознесенский полицмейстер писал, что партия «Народной свободы» не может организоваться в уезде, «не получая разрешения на публичные собрания» [9, л. 24].

Кадеты, относившиеся к левому крылу российского либерализма, были наиболее многочисленным и влиятельным политическим сообществом во Владимирской губернии, но отсутствие у членов партии гибкости в общении с властью сделало эти отношения крайне противоречивыми. С одной стороны, губернская администрация строго следила за деятельностью членов конституционно-демократической партии, стремилась не допускать открытого проявления политической борьбы: пресекать распространение их газет [9, л. 6], не разрешать публичных собраний. В 1911 г. губернатор Сазонов неоднократно запрещал организацию частных бесед и публичных выступлений с лекциями члену Думы кадету К.К. Черносвитову [9, л. 19-19об]. Особое внимание уделялось проблеме членства в кадетской партии местного чиновничества. Следуя указаниям центральной власти, губернаторы старались не допускать в среду административного аппа-

рата людей, являющихся членами партии или явно симпатизирующих ей. Так в ноябре 1906 г. все чиновники Гороховецкой администрации, состоявшие в кадетской партии, были вынуждены выйти из числа членов партии ради сохранения должности [9, л. 31-32].

С другой стороны, в рядах чиновников государственных учреждений других ведомств и, особенно, земских организациях, было большое количество лиц, разделявших политические взгляды кадетов [10, л. 21-21об]. Главы губернии пытались влиять на состав последних, но их возможности в этих учреждениях были ограничены, о чем красноречиво свидетельствует высказывание владимирского губернатора И.Н. Сазонова: «руководители партии старательно подбирают служащих земства известного направления, каковое и служит лучшей рекомендацией для получения места и дальнейшей карьеры» [10, л. 21об].

В такой ситуации главы губернии вынуждены были работать с представителями кадетов и находить с ними общий язык, хотя это получалось не у всех. Наибольшей нетерпимостью к представителям кадетов отличался И.М. Леонтьев. Период его губернаторства был отмечен крупными конфликтами с представителями данной партии в губернии [14, л. 4-4об; 6, л. 375]. Губернаторы И.Н. Сазонов и В.И. Крейтон, были лояльнее в отношении представителей либеральной оппозиции. Но в любом случае оппозиционность кадетов заставляла губернаторов строго следить за их деятельностью на всем протяжении периода. Многие лица, обнаружившие свою приверженность партии или дружбу с её представителями, находились под негласным надзором полиции [11, л. 10].

Политика местной администрации в отношении право-либеральной партии октябристов была вполне лояльной. Об этом свидетельствует позиция губернатора, выразившаяся в предупреждении чинам полиции о том, что партия «17 октября», как и другие более умеренные организации, под действие циркуляра Столыпина о недопущении публичных собраний не

попадают [9, л. 5об]. Тем не менее, политическая деятельность этой организации не оставалась без контроля. Этому, в частности, способствовали сообщения исправников губернатору о попытках представителей кадетов использовать партию «17 октября» как прикрытие для публичной деятельности [9, л. 24-24об].

Одним из проявлений демократизации государственного строя стали отношения власти с Государственной Думой [3, с. 136]. С этим новым явлением думского контроля администрация Владимирской губернии столкнулась в 1910 г. в связи с забастовкой рабочих на мануфактуре Каретниковой в с. Тейкове, когда увольнение и преследования полицией бастовавших рабочих стали предметом обсуждения в III-й Думе. Результатом разбирательства стало возвращение рабочих в декабре 1910 г. к работе, хотя и на прежних условиях [1, с. 111-112]. В 1915 г. в МВД поступило заявление от 38 членов Госдумы о «преступной деятельности» Владимирской администрации во время забастовки рабочих на фабриках и заводах г. Иваново-Вознесенска 10 августа 1915 г. Незаконным актом думцы посчитали применение военными чинами оружия во время указанных событий, в результате чего было убито 28 рабочих и 56 – ранено. Губернатору Крейтону пришлось отчитываться перед министерством и Думой за свои действия и доказывать, что в данном случае применение оружия было мерой вынужденной и не вышедшей за рамки закона [15, 1-12]. При этом общение губернаторов с Думой шло в рамках предписаний вышестоящих органов о проявлении «вежливого и предупредительного отношения» к членам Думы в случаях их обращений по различным делам [8, л. 19].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в межреволюционный период, губернская власть вынуждена была работать в качественно новых условиях, которые диктовались процессами демократизации государства и общества. Свои взаимоотношения с общественными организациями Владимирская губернская администрация выстраивала,

прежде всего, ориентируясь на законные основания и политические установки центральных органов власти. Хотя фактор личностных свойств главы губернии продолжал сохранять свою значимость в отношениях власти и общества, нельзя не отметить явного сдвига в сторону демократизации стиля управления в регионе. Существование целого спектра политических партий, религиозных организаций, активность печати свидетельствовали о том, что гражданское самосознание русского общества в региональном масштабе формировалось в условиях идеологического плюрализма.

Библиография:

1. Арутюнов Г.А. Рабочее движение в России в период нового революционного подъема 1910-1914 гг. – М., 1975.
2. Барченкова О.Б. Владимирские государственные учреждения и общественные организации в конце XIX- начале XX в. // Материалы исследований. Сборник № 8. – Владимир, 2005.
3. Беляев А.М. Становление парламентаризма в России и его восприятие в общественном сознании Россиян // Парламентаризм в России и Германии: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2006. С. 136.
4. Владимирские губернские ведомости. 1907 г.
5. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911-1912 гг. – СПб., 1913.
6. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1635.
7. ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 1353.
8. ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Т. 2. Д. 2281.
9. ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 101.
10. ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 169.
11. ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 125.
12. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21468.
13. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20858.
14. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 623.

15. ГАРФ. Ф. 102. 2-е д/п. Оп. 73. Ч. 1. Д. 74. Л. 1-12.
16. Именной Высочайший указ от 17 октября 1906 г. О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин... // ПСЗРИ. Собрание III. Т. XXVI. 1906 г. – СПб., 1909.
17. ПСЗРИ. Собрание III. Т. XXV. 1905 г. – СПб., 1908.
18. Роговин Л.М. Законы об обществах, союзах и собраниях. С разъяснениями Правительствующего Сената и МВД. – СПб., 1912.
19. Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. – М.: РОССПЭН, 2005.
20. Семеникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М., 2006.

Нугаева Г.А.

МОДИФИКАЦИЯ КАНОНОВ АГИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Жанр жития был заимствован из Византии. Это самый распространенный и любимый жанр древнерусской литературы. [2, С.278] Житие было не переменным атрибутом, когда человека канонизировали, т.е. причисляли к лику святых. Житие создавали люди, которые непосредственно общались с человеком или могли достоверно свидетельствовать о его жизни. Агиографическое произведение (житие) создавалось всегда после смерти человека. Оно выполняло огромную воспитательную функцию, потому что житие святого воспринимали как пример праведной жизни, которой необходимо подражать. Кроме этого, житие лишало человека страха смерти, проповедуя идею бессмертия человеческой души. Житие строилось по определенным канонам. [1, С.48] В каноны входило:

– Благочестивое происхождение героя жития, родители которого обязательно должны были быть праведниками. Святого родители часто вымаливали у Бога.

– Святой рождался святым, а не становился им.

– Святой отличался аскетическим образом жизни, проводил время в уединении и молитве.

– Обязательным атрибутом жития было описание чудес, которые происходили при жизни святого и после его смерти.

– Святой не боялся смерти.

– Заканчивалось житие прославлением святого.

Одним из первых произведений, соответствующих канонам агиографического жанра в древнерусской литературе было житие святых князей Бориса и Глеба. Со временем каноны подвергались модификации.

Жития подвижников церкви, которые можно датировать серединой-концом XIII века, в целом следует охарактеризовать как памятники, строго соблюдающие канон. Образцом такого рода произведения можно назвать “Житие Авраамия Смоленского” составленное книжником по имени Ефрем.

Иная картина наблюдается в княжеских житиях этого времени. Значительные отклонения от канона обусловлены типом героя - государственного деятеля. В княжеских житиях XIII века отразились события монголо-татарского нашествия и ига. В это время создается “Житие Александра Невского”. Житие должно было показать, что и после Батыева нашествия, после разгрома русских княжеств на Руси все же остались сильные и грозные князья, которые могут постоять за русские земли в борьбе с врагом и воинская доблесть которых внушает страх и уважение окружающим Русь народам. Характеристики Александра Невского в житии очень разноплановы. С одной стороны, он - житийный герой, где подчеркиваются его “церковные” добродетели: кротость, смирение, уважение священнического чина. С другой стороны, он показывается в основной своей деятельно-

сти - военные походы, битвы с врагами Русской земли, это мужественный, страшный для врагов герой-полководец. Реальный образ Александра Невского и его деяния придали произведению специфический колорит воинской повести. [4, С.201-225]

В конце XIV века и в русской литературе впервые появляется интерес к человеческим эмоциям и чувствам героев. В житиях расцветает торжественный риторический высокопарный стиль, известный нам по болгарским житиям и названный Д.С. Лихачевым стилем второго южнославянского влияния, эмоционально-экспрессивным или панегирическим стилем. [3, С.72-92]

В наиболее завершенном и оригинальном виде экспрессивно-эмоциональный стиль представлен в творчестве Епифания Премудрого. Его перу принадлежат два жития – “Житие Стефана Пермского” (1396-1398 гг.) и “Житие Сергия Радонежского”(1417-1418 гг.).

Редактором сочинений Епифания был Пахомий Логофет (Серб) - еще один представитель школы “плетения словес”. Он придал эмоционально-экспрессивному стилю строго официальный церковно-религиозный характер.

Хорошо разработанной системе Епифания и Пахомия противостоят в агиографии второй половины XV века, с одной стороны, “неукрашенные” описания жизни святых, рассматривавшиеся, по-видимому, как материал для последующей литературной обработки, а, с другой - жития-легенды, основанные на фольклоре и обладающие хорошо разработанными, но не традиционно-агиографическими сюжетами.

К “неукрашенным” житиям первого типа принадлежит составленная в 1477-1478 годах записка о последних днях крупнейшего церковного деятеля XV века, основателя и игумена Боровского монастыря Пафнутия.

Новгородское “Житие Михаила Клопского” - развернутое агиографическое описание жизни и чудес новгородского святого-юродивого, со-

чувствовавшего Московским князьям. [6, С.203] Создатель произведения, несомненно, опирался на определенные традиции, но скорее полуфольклорные и полулитературные, нежели агиографические. Необычно для агиографии уже само начало жития: нет рассказа о рождении и воспитании святого. Житие начинается с описания неожиданного и таинственного появления не названного по имени героя в Клопском монастыре. Перед нами как бы “закрытый” сюжет, вызывающий недоумение и любопытство.

К такого же типа житию может быть отнесено новгородское “Житие Иоанна Новгородского”, основанное, очевидно, на легендарных устных преданиях.

Однако в XVI веке продолжается и традиция легендарного жития-повести. В середине столетия появляется “Повесть о Петре и Февронии Муромских”, созданная русским писателем и публицистом Ермолаем-Еразмом. [5, С.339] В основе повествования лежит сюжет сказки о мудрой девице и легендарная история о девушке из села Ласково Муромской земли. С точки зрения автора, его рассказ должен стать конкретным примером выполнения в жизни христианских нравственно-этических норм. Об идеале святости в каноническом смысле применительно к Петру и Февронии говорить трудно. Агиографический канон не соблюден в связи с использованием фольклорных мотивов и введением новеллистических принципов повествования (два фольклорных сюжета – о мудрой девице и о герое-змееборце, повествование делится как бы на главки новеллистического характера). И все-таки герои – идеальны. Они предстают перед нами в нетрадиционном аспекте: описываются их личные, семейные отношения, черты их характеров, психологические особенности раскрываются на бытовом материале. Ермолай-Еразм стремился реализовать свои представления об идеале нравственного поведения и идеале правителя, которые во многом корреспондируют с народными представлениями, закреплявшимися в том числе и в легендарных сюжетах. Фактически даром чудотворения Петр и

Феврония наделяются не за мудрость или особо крепкую веру, а за верность и супружескую любовь.

В русской литературе переходным был, как известно, XVII век. Если до него изменения в житиях не были систематическими и последовательными, то теперь происходит окончательная ломка жанра, завершающаяся его отрицанием в форме пародии. Древние авторы рисовали человеческие образы в значительной мере примитивно: изображали или один момент в душевной жизни героя, или какое-либо одно статичное состояние чувств, не учитывая связи отдельных моментов между собой, причин их; возникновения, развития чувств. Показ сложности и противоречивости духовного мира человека, более цельная его характеристика появляются только к концу XVI века. И лишь литература XVII века открывает собственно человеческий характер.

В конце XVI—XVII вв. происходит серьёзная модификация канонов агиографического жанра. Житие широкой струей вбирает в себя светские тенденции. Характерна тут группа северных житий, где главными героями-святыми, были люди из народа, трагически, загадочно погибшие или на море, или от удара молнии, или даже разбойники, убийцы. Они свидетельствовали об усилении интереса к человеческой личности как таковой. В этих житиях повествование зачастую развивается по линии освобождения жанра от обязательного рассказа о жизненном пути святого, в ряде случаев агиографы совсем не знают биографии человека, признанного святым и описывают только его посмертные чудеса или дают отдельный известный эпизод из его жизни, связанный с его канонизацией.

Именно в это время в развитии житийного жанра намечаются две различные линии: отказ от биографизма, усиление бытовых деталей и сюжетных подробностей, с одной стороны, а с другой — подчеркнутый биографизм, выделение одной центральной фигуры и подробное описание ее истории и ее внутреннего мира. Первая линия приведет к бытовым пове-

стям и авантюрным новеллам, вторая — к психологическим повестям и историко-мемуарной прозе. Отклонение можно установить на примере русских “Повести о Ульянии Осоргиной” и “Повести о Марфе и Марии”.

Линию развития житийного жанра в русской литературе завершает и зачинает собой линию новой повествовательной литературы знаменитое “Житие протопопа Аввакума им самим написанное”. [7, С.490-502] По своей критической направленности и художественным особенностям оно тесно связано с демократической сатирой XVII века, с историческими и бытовыми повестями. Из агиографического наследия Аввакум перенял как старую житийную форму, так и то традиционное нарушение канонов, которое было для нее так широко типично. В житии это проявляется в тенденции к отражению мотивов живой действительности, в анализе чувств и психологии героя, в цельности его образа, данного в становлении и развитии, в его связях с другими людьми, в окружающем его богатом бытовом фоне.

В итоге, модификация канонов агиографического жанра и видоизменения житийных произведений разнообразили и обогатили древнерусскую литературу.

Библиография:

1. Гладышева Е.В., Нерсесян Л.В., Словарь-указатель имен и понятий по древнерусскому искусству. М., 1991 .
2. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
3. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
4. Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.
5. Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой, отв. ред. А. М. Панченко. Л., 1979.
6. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.

7. Хрестоматия по древнерусской литературе XI-XVII вв./ сост. Н.К.Гудзий. послес. и коммент. А.М.Ранчина. М., 2002.

Образчикова И.С.

**ОБРАЗ ТРАПЕЗЫ В ЖИТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА ПРИМЕРЕ «ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ
МУРОМСКИХ»И «ПОВЕСТИ О ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ,
ИЛИ МУРОМСКОЙ»)**

Исследование образа трапезы в словесно-художественных произведениях стало одним из актуальных направлений современного гуманитарного знания (литературоведения и культурологии). К сожалению, в настоящее время существует не так много работ, посвященных изучению образа трапезы в памятниках древнерусской литературы. Моя работа основана на двух агиографических текстах: «Повести о Петре и Февронии Муромских» и «Повести о Юлиании Лазаревской, или Муромской». Главной целью является исследование в житиях образа трапезы, раскрытие сходств и различий в его изображении.

Данные жития сходны тем, что главные герои – простые мирские люди, не принявшие монашеский постриг (как Юлиания) или принявшие его только перед смертью (как Петр и Феврония). «Повесть о Петре и Февронии» отличается насыщенная жизненными событиями фабула, а о творимых чудесах героями говорится очень мало. Гудзий Н.К. в своей работе «История древней русской литературы» пишет о «близости нашей повести к русской народной поэзии» [1, с.287]. Использование жанра жития он объясняет «канонизацией в спешке» [1, с.282], то есть «формат» агиографического текста был взят как некий шаблон. Г.П. Федотов в своей работе

«Святые Древней Руси» отмечает, что «лишь конец сказания представляет легенду христианскую и агиографическую» [5, с.231]. «Повесть о Юлиании Лазаревской», по словам Г.П. Федотова, «не столько житие, сколько биографические записки...единственная биография древнерусской женщины» [5, с. 217]; Н.К. Гудзий характеризует повесть как «своего рода семейную хронику» [1, с.387]. Автор жития, сын Юлиании, хорошо знаком с фактами ее жизни. Мы видим, что Юлиания «была от молодых ногтей охвачена любовью к Богу и Его Пречистой Матери» [4], она – праведный с рождения человек, но который не только не живет в монастырских стенах, но еще и посещает церковь довольно не часто: в детстве «не было церкви ближе двух верст» [4]. В пожилом возрасте блаженную, «удерживаемую старостью и бедностью» [4], разделяли с церковью все те же две версты. Юлиания живет монастырской жизнью вне монастыря, молясь о спасении души.

Первый образ трапезы – *трапеза аскетическая*, целью которой является не отказ от еды как таковой, а путь к чистоте души. За этим пощением стоит своеобразное представление о связи души и тела. Отражение образа трапезы в данных произведениях представлено мало, но его достаточно для того, чтобы сделать вывод о светлых душах наших героев. Юлиания, оставшись сиротой, росла с бабушкой, а затем с тетей, которой было завещано «воспитывать ее в духе благочестия» [4]. Для Юлиании нет необходимости в большом количестве еды: она довольна сухой пищей, она «питается» молитвой: «все свободное время блаженная отроковица отдавала молитве и посту» [4]. Девочка выделяется среди других детей, не любит детских игр – это, как нам известно, яркий «признак» житийного текста. Она не завтракает: «ее понуждали с утра позавтракать, но она ни разу не поддалась на уговоры, за предложение благодарила и тут же уходила» [4]. Юлиания отдает себя пощению, а «сестры с домашними» [4] смеются над ней, переживая, что ее красота может рано погибнуть. Н.К. Гудзий говорит

о возможности «достичь спасения и даже святости, не затворяясь в монастыре» [1, с. 388]. Подтверждением этих слов есть решение Юлиании после гибели сына остаться жить дома, а не в монастыре. Она убедилась, что цвет риз не главное, главное – чистая душа и сердце, которые скрываются под одеянием монаха. Оставшись жить дома, Юлиания прибегает к еще более строгому посту: «по пятницам вообще ничего не вкушала, затворяясь в особой комнате и занимаясь там в одиночестве молитвой; в понедельник и среду вкушала однажды в день сухую пищу, без горячего; по субботам и воскресеньям накрывала в доме столы для священства, вдов, сирот и дворовых людей, оделяя их съестным» [4].

Следующий образ трапезы – *трапеза благотворительная*, целью которой является угощение, насыщение пищей, как чужих людей, так и домашних. В доме Юлиании все всегда были «накормлены» [4], «никому не надо было заботиться ни о чем» [4]. Если говорить о трапезах для всех нуждающихся, то важно отметить тот факт, что после смерти свекра и свекрови Юлиания «устраивала трапезы» [4] для бедных. Сама же, когда приходили гости, «выпивала только небольшую чашу вина» [4], «чтобы не обидеть гостей» [4]. Подчеркнем, что вино в житии выступает не как дьявольский губительный напиток, а как источник жизни и благополучия.

Как мы уже говорили ранее, в «Повести о Петре и Февронии Муромских» представлены, как говорит Гудзий Н.К. «люди светские» [1, с. 282]: князь и крестьянская девушка, затем – княгиня. Этих мирских людей, которые впоследствии станут святыми, мы видим скорее в волшебных и сказочных проявлениях, нежели в чудесных и божественных. Это лишний раз подтверждает мнения исследователей о некой «случайности» жанра. В данном житии (в отличие от «Повести о Юлиании Лазаревской») среди трапез присутствует княжеский пир. В традиционном понимании пир – нечто открытое, искреннее и дружественное. В житии привычный образ пира заменяется пиром бесстыдным и безнравственным. На пиру бояре просят

уехать Февронию из Мурома, оставив Петра. Феврония своими мудрыми и спокойными ответами уже заочно одерживает победу над боярами, которую они воспринимают как ее поражение. Вся Феврония может быть охарактеризована одной лаконичной фразой Д.С. Лихачева: «Она мудра народной мудростью» [3, с. 292]. Для более полного раскрытия образа пира, который «задумали устроить» [2, с. 309] бояре, нужно обратить внимание на слова Н.К. Гудзия в «Истории древней русской литературы». Он пишет о «противобоярской тенденции повести» [1, с. 286]. Феврония изначально во время пира не вступает с боярами в открытую борьбу, она верит, что «Бог, творец и заступник всех» [2, с. 310], не оставит ее и князя. И действительно, в финале повести рано радовавшиеся бояре будут вынуждены просить прощения у князя и княгини.

«Повесть о Юлиании Лазаревской» – житие преподобническое. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» – княжеское житие. Два разных жития все же имеют между собой сходства. И Юлиания, и Петр с Февронией помогают бедным и неимущим. Князь с княгиней «голодных насыщали» [2, с. 311], а Юлиания скудно питалась, отдавая все нуждающимся («Все это во имя заповеди Спасителя: «Когда делаешь пир, зови нищих... и воздастся тебе в воскресение праведных»...И блаженная, следуя сему, больше заботилась о нищих» [4]). Во время голода Юлиания еще больше помогала людям, «благо в доме у них оскудения не было, поскольку много было запаса с прошлых лет» [4]. Ей приходилось у свекрови просить для себя завтрак и полдник, объясняя это слабостью после рождения детей, и раздавать его нищим. Во время «лютото голода» [4], когда все «ели всякую мерзость и человечину» [4], а у них в доме тоже не было еды, Юлиания продала «скот, одежду и посуду» [4], купила хлеб и накормила не только ближних, но и нищих. Федотов Г.П. пишет: «Самый подвиг праведной Юлиании в его смиренной красоте дает понятие о том, как глубоко Еван-

гелие могло войти в совесть и преобразить жизнь древнерусского человека» [5, с. 217].

Феврония и Юлиания – две девушки, в руках которых все становится чудесным. Лихачев Д.С. говорит о Февронии, что «ее животворящая сила распространяется на все окружающее» [3, с. 292-293]. Мы видим, как крошки хлеба в ладони у Февронии превращаются в «ладан благоухающий и фимиам» [2, с. 309]. Хлеб, который изготавливает Юлиания из лебеды и древесной коры во время голода, тоже чудесен. Несмотря на странность своего происхождения, этот хлеб спас от голода домашних и нищих, которым продолжала помогать Юлиания. Но при этом он еще был и вкусен. Это отмечают даже «богатые хлебом» [4] люди, которые не понимают, что «хлеб блаженной был хорош молитвою» [4]. «Так через пять веков Юлиания Осорбина повторяет подвиг печерского инок Прохора Лебедника» [5, с. 219].

Анализируя две представленных нами повести, мы можем говорить о том, что в жизни святых людей трапеза играла важное и часто решающее значение. Образы трапезы восходят к библейским текстам и, в частности, к Евангелию. В «Чуде о семи хлебах и рыбках», записанном в Евангелиях от Марка и Матфея, Иисус прокормил всех нуждающихся, благословив пищу. Образ благотворительной трапезы характерен для данных агиографических текстов. И Юлиания, и Петр с Февронией всегда старались помочь другим, прокормить нищих и нуждающихся в пище людей. Все, к чему имели отношение эти святые, имело благое влияние на окружающих и нередко приносило спасение. Г.П. Федотов в своей работе «Святые Древней Руси» пишет: «Многочисленность святых мирян и евангелический образ их праведности говорит о том, что сияние лика Христова не ограничивалось стенами монастыря, но пронизало всю толщу народной жизни» [5, с. 236].

Библиография:

1. Гудзий Н.К. История древней русской литературы. Изд. седьмое, испр. и доп. М.: «Просвещение», 1966.
2. Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л. А. Дмитриев; Под ред. Д. С. Лихачева. – М.: Высш. шк., 1990 – 544 с.
3. Лихачев Д. С. Великое наследие. 2-е изд., доп. – М.: Современник, 1980: – 412 с. с ил. (Б-ка «Любителям росс. словесности»).
4. Повесть о Юлиании Лазаревской [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=435021> (дата обращения: 20.06.15).
5. Федотов Г. П. Святые Древней Руси / Предисл. Д. С. Лихачева и А.В. Меня. Коммент. С. С. Бычкова. – М.: Моск. рабочий, 1990.

Петев Н.И.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ КОРРЕЛЯТ КРЕЩЕНИЯ НА РУСИ В IX В.

В славянском язычестве до принятия православия существовала своя сотериологическая и индивидуально-эсхатологическая концепции. Рассмотрим эти концепции в этической парадигме, так как вопрос спасения души имеет нравственный примат. В сознании славянского язычника постепенно возникала необходимость иного осмысления своего экзистенциального назначения. Эта онтологическая телеология определяла вектор обыденной и сакральной жизни каждого индивида. Однако древние традиционные концепции сотериологии и эсхатологии перестали устраивать славян. Они чувствовали необходимость нового, более нравственного и духовного, обоснования своего существования. Таким ответом стало православие, которое было принято в IX в. Русью во главе с князем Владимиром.

Принятие православия на Руси способствовало консолидации государства ввиду того, что даже если социально-политические взгляды разных племён (групп) и различались, то религиозные были консолидированы, что помогало избежать лишних конфликтов. Дело в том, что из величия нуминозного вытекал либерализм верования [см. 5, с. 192] славянских язычников, что способствовало дифференциации религиозных взглядов, в частности как эсхатологических, так и сотериологических. Христианство в этом плане имеет консолидированную систему вероучения, если и существует различие, то лишь в интерпретации отдельных элементов, но в целом взгляд на спасение един.

Для ранней славянской сотериологии и эсхатологии характерно превалирование материального благополучия над духовным развитием как гарантии спасения. Божества мыслились, как сверхъестественные существа, с которыми необходимо поддерживать связь для получения выгоды себе [см. 5, с. 191]. Они приобретают черты человека и их цель – помогать человеку [см. 10, с. 46]. В христианстве наоборот материальное отходит на задний план, а во главу угла ставится абсолютная ценность, а именно спасение (бессмертной души) и место в Царстве Божием [см. 7, с. 7].

Сотериологическая концепция славянского язычества подчинялась принципу гласившему, что для беззаботной жизни в загробном мире необходимо накопить много материальных благ [см. 9, с. 52]. Причина такого утилитарного характера кроется в понимании самого загробного мира. Для славян-язычников человек в ином мире продолжает жизнь в том состоянии, в каком находился перед смертью: это материальное благосостояние, физическое (телесное) состояние человека и т.д. Поэтому, только состоятельные члены племени (группы) имели шанс пребывать в блаженстве после смерти, остальные были обречены на ужасные страдания. В христианстве, и в православии в частности, материальное благополучие не имеет особого значения для спасения. Сотериологическое учение основано на нравствен-

ных аспектах, а именно на соблюдении заповедей божьих. Человек, таким образом, ставит абсолютные ценности выше относительных и тем самым не только приближается к божественному подобию, но и становится достойным Царства Божьего [см. 6, с. 326]. В ином мире человек не имеет материальной формы – поэтому не нуждается в стяжательстве богатств при жизни. Это открывает возможность спасения для каждого, независимо от его социального статуса. Христианская сотериология и эсхатология имеет более широкие масштабы, чем языческие, так как распространяется на всех без исключения.

Свобода и честь были для языческих славян важнейшими принципами жизни. Источником данного феномена сознания индивида является концепция неприятия любого закабаления [см. 9, с. 55]. Поэтому насильственная смерть, и даже самоубийство не имели нравственного негативно-го коррелята. Подобное отношение к смерти в языческой религии обесценивает жизнь. Конгломерат установок сознания (стремление к материальному и отношение к жизни) продиктован специфическими традициями эсхатологии и сотериологии. Но подобная специфика религии присуща не только славянскому язычеству, но и иным религиозным системам (Др. Греция (падение на меч), Синтоизм (кодекс Бусидо), скандинавская религия (слава и честь превыше жизни [см. 3, с. 31])). В христианстве же, и в православии в частности, жизнь имеет огромную ценность. Дело в том, что если рассматривать ее в рамках эсхатологической и сотериологической парадигмы, то жизнь есть испытание человека, можно даже сказать что это цена за возможность спасения.

Для язычников было непонятным «смирение», как феномен нравственного поведения и религиозного требования. Дело в том, что основной мотивационный принцип поступков многих индивидов строился на основе сохранения своего бытия, во всех его ярких проявлениях, наибольшее количество времени [см. 10, с. 130-131]. Отказ от этого был возможен лишь в

случае, когда нет иного выхода. Для христианина же принцип «смирения» является понятным и обоснованным, в частности сотериологией и эсхатологией. Иисус Христос, перед распятием на кресте, не говорил о своих будущих страданиях, чтобы не отяжелить сердца других [см. 4, с. 373]. Иными словами, Иисус смиренно принял то, что ему необходимо было исполнить свое предназначение, он не только добровольно обрёл себя на распятие, но и воспринимал это как должное. В христианстве, высшее моральное геройство превышает физическое [см. 12, с. 28]. Это геройство имеет нравственный субстрат, жизненные катаклизмы расцениваются как испытания, за которые последует вознаграждение вечной жизнью, если они были преодолены с сохранением нравственной чистоты. Именно этот принцип мог привлечь язычников незнатного происхождения принять православие на Руси, так как для них открывалась возможность спасти свою душу, что было до этого практически невозможно.

Для языческого сознания характерно желание достижения состояния экзистенциальной атараксии, то есть состояния свободного от любых страданий. Для христианства же страдание – необходимый элемент спасения и очищения от зла. Отметим, что чем сублимированное и углублённое понимание страдания, тем прочнее постулат о необходимости его в концепции спасения [см. 2, с. 11]. Определённые переживания и страдания становятся необходимостью для катарсиса, особенно в рамках апокалиптики и эсхатологии. Из этого суждения становится ясным, что вечная жизнь купленная ценой страданий жизни – это не так дорого [см. 4, с. 327]. Особая концепция разработана апостолом Павлом. У него эти страдания имеют не только характер очищения, но и несут важный эсхатологический посыл, как гарантия спасения. Состояние «умирание и воскресенье» - это естественное и постоянное состояние верующего [см. 13, с. 198]. Этот процесс является повторением тех страданий, которые испытал Христос.

В язычестве такого понимания о страдании нет. Человек стремится наоборот, избавиться от него, так как оно ассоциировалось у индивида со злом. Несмотря на то, что в языческих концепциях, и в частности в славянской, отсутствует принцип катарсиса через страдание, это совсем не означает, что язычникам не присущи нравственные принципы поведения. Языческие концепции обладают своей собственной системой ценностей, отличной от христианской. Они закрепились в сознании индивида как симбиоз религиозного и социального [см. 5, с. 195]. Нравственное поведение регламентировалось традициями, которые имели замкнутый характер, и распространялись только на членов группы. Однако славянские язычники толерантно относились к иноверцам [см. 11, с. 50], и это говорит о том, что существовали нормы, которые распространялись и на людей вне группы. Кроме того, в более поздний период язычества, до крещения Руси, в религии произошли изменения. Появились элементы промонотеизма, который предполагал систему единых нравственных правил и ценностей, однако эта система не была достаточно развитой, и не смогла дать людям ответ на их духовное искание. Кроме того, апокалиптический коррелят придавал особое значение концепции нравственного поведения в христианстве, и в частности феномену необходимости страдания. Это давало преимущество христианству перед язычеством.

Свобода воли и выбора в языческих концепциях имеют провиденциальный характер фатума. То есть судьба каждого индивидуума уже предопределена. Попытки каким-либо образом изменить её карались богами, как наказание за непослушание. Существует множество сюжетов, в которых главные герои разных религиозных систем пытались бороться с установленным богами порядком. Даже если им это удавалось, боги карали их и обрекали на страшную судьбу (Прометей, Геракл, Гильгамеш и т.д.). Свобода выбора появляется лишь в поздний период существования язычества и связана она с сотериологической необходимостью индивида. Но все

эти концепции были недостаточно развиты для решения многих эсхатологических проблем.

В христианстве вопросы свободы воли и выбора являются наиважнейшими. По христианской традиции, и православной в частности, человек это творческий деятель, который имеет свободу воли. Н.О. Лосский выделяет 2 вида свободы: формальная (свобода совершить или нет) и материальная (сотворить всё что угодно) [см. 7, с. 59]. Без свободы выбора невозможна полнота бытия для индивида, а также возможность эсхатологического спасения. Свобода воли является даром для человека, благодаря которому он может спастись, но она же может склонить человека к злу, если он будет неумерен в ней. Поступок – это не просто действие, он предполагает ответственность, иными словами «Ответственный поступок и есть поступок на основе признания долженствующей единственности» [1, с. 40].

Утилитарное отношение и стремление накопления материальных благ в язычестве исключает необходимость нравственного. Ярким примером является магическая практика, которую православие так и не смогло его искоренить. В магическом ритуализме нравственные качества практикующего не имели значения для эффективности [см. 5, с. 287]. Благодаря магическим практикам язычество долгое время сохраняло своё влияние на сознание людей, даже после крещения. В Библии также существуют сюжеты, в которых пророки и Иисус прибегают к использованию сверхъестественных сил (чудес), однако их цель не изумить человека, а для спасения [см. 8, с. 278], а именно для доказательства истинности слов проповеди и миссии в целом [см. 2, с. 10].

Подводя итоги необходимо сказать, что в христианстве мораль и эсхатология становятся основой сотериологии. Нравственность приобретает особую значимость для спасения, а материальное отходит на второй план. Право на вечную жизнь без страданий теперь доступно не только знатным

и зажиточным, но и каждому индивиду вообще. И все это способствовало принятию христианства и вытеснению язычества из сознания славян.

Библиография:

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 6 томах. Т.1. М.: Изд-во «Русские словари», 2003. 956 с.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.
3. Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 2009. 470 с.
4. Дидон А. Иисус Христос: в 2-ух томах. Т.1. М.: Терра, 1998. 400 с.
5. Ловмянский Г. Религия славян и её упадок. СПб.: Академический проект, 2003. 512 с.
6. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
7. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
8. Нисский Г. Творения святого Григория Нисского. Ч.1. М.: типография В. Готье, 1861. 472 с.
9. Рапов О.М. Русская церковь IX – первой трети XII. Принятие христианства. Изд. 2-ое. М.: «Русская панорама», 1998. 416 с.
10. Спиноза Б. Этика. М.: АСТ, 2001. 336 с.
11. Фроянов И.Я. Загадка крещения Руси. М.: Алгоритм, 2007. 336 с.
12. Чемберлен Г. Христос не еврей, или Тайна Вифлеемской звезды. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.
13. Швейцер А. Жизнь и мысли//пер. с нем. Чернявского А.Л. М.: Республика, 1996. 528 с.

РОЛЬ РПЦ И ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С начала 1990-х гг. в мае ежегодно отмечается совместный церковно-государственный праздник, посвященный Дню славянской письменности и культуры. Прославляя подвижническую миссию Кирилла и Мефодия во благо славянских народов, этот праздник, консолидирует российское общество и объединяет его на общей исторической основе.

На протяжении всей своей истории церковь уделяла огромное внимание развитию народного образования, и этот опыт заслуживает более тщательного изучения историками. История церковно-приходских школ, деятельность которых внесла огромный вклад в воспитание в русском народе чувства высокого патриотизма, духовной и религиозной культуры, представляет специальный интерес.

В 60-х годах XIX века в России создаются новые органы местного самоуправления – земства, которые, наряду с Русской православной церковью, были призваны внести большой вклад в развитие начального образования на селе. Важно отметить, что Положение о начальных народных училищах, принятое в июле 1864 г., предусматривало вхождение в состав уездных и губернских училищных советов представителей и от духовенства, и от земских гласных. Губернский училищный совет возглавлял, по положению, епархиальный архиерей [1]. Немало священнослужителей было избрано председателями уездных училищных советов; некоторые из них состояли одновременно и гласными местных земских собраний.

Во второй половине XIX - начале XX в. две самые крупные группы среди начальных школ составляли церковно-приходские и земские началь-

ные училища, причем вплоть до конца 90-х годов первые из них численно преобладали. Это было вполне объяснимо, поскольку духовное ведомство обладало богатым опытом в этом деле, а земства только начинали работу по развитию светского начального образования в деревне.

В 1860-е годы земства, как правило, поддерживали уже существовавшие начальные училища, не разделяя их на светские и церковные. Они считали вполне естественным включение в образовательный процесс возможностей духовного ведомства, особенно в плане педагогических кадров из выпускников духовных семинарий. Вторую половину 60-х годов сами земства называли организационным этапом. В 70-е годы XIX века происходит становление теоретических взглядов земства на образование и начинается их практическое воплощение. Прочно входит в обиход понятие «земская школа», увеличиваются постоянные ассигнования земств на нужды народного образования [2. С.92].

Церковно-приходские школы начинают постепенно вытесняться земскими, и это вызвало беспокойство верховной власти. В 1884 г. Александр III утвердил "Правила о церковно-приходских школах", которые предусматривали открытие этих школ повсеместно в противовес земским. Правительство полагало, что церковная школа окажется лучшим противодействием растущему в обществе радикализму, чем светская. Министерство народного просвещения обязало земства согласовывать вопросы открытия новых земских начальных училищ с епархией. Земцы обжаловали это решение в Сенате, и оно было отменено через шесть лет - в 1897 г.

В конце XIX в. церковно-приходских начальных школ в России было все еще больше, чем земских (по данным на 1899 г. церковно-приходских школ насчитывалось около 40 тыс. почти с 1,5 млн. учеников - против 30 тыс. земских школ с более чем 2 млн. учеников) [3. С.22]. Но уже в начале XX века земские школы, при поддержке правительства, росли существен-

но быстрее церковно-приходских. Так, на 1 января 1910 г. во Владимирской губернии среди начальных школ насчитывалось 835 земских и 534 – церковных; в 1913 г. эти показатели выросли соответственно до 1262 и 549 школ [4. Л. 2об.].

В конце XIX – начале XX века народное образование становится приоритетным направлением деятельности земских учреждений. Как свидетельствуют источники, главное внимание земства уделяли введению всеобщего начального обучения. Губернские земства неоднократно обращались с ходатайствами о введении всеобщего обучения в Министерство просвещения; к началу 1907 г. было подано 119 таких ходатайств [5.С.23]. С конца XIX в. земства начали разрабатывать планы школьных мероприятий и составлять школьные сети [5.С.23; 6. С.65,67].

С начала XX в. проекты введения всеобщего обучения стали рассматриваться в правительстве. Революция 1905-1907 гг. высветила необходимость скорейшего разрешения этого вопроса. Необходимость развития образования остро диктовалась и развернувшейся в стране индустриализацией. Приступив к реформам, правительство Столыпина уделило самое серьезное внимание развитию народного образования и, прежде всего, введению всеобщего начального обучения. Начиная с 1907 г., правительственные и общественные законопроекты, направленные на реформирование системы образования, стали обсуждаться в Думе. В период деятельности Государственной Думы третьего и четвертого созывов были приняты законы о введении всеобщего начального образования, об улучшении материального положения учителей начальной и средней школы, об учреждении новых учительских институтов и семинарий, об организации педагогических курсов и др.

Тогда же, в 1907 г., земствам стали выдаваться государственные пособия, которые приняли более планомерный характер после выхода закона от 3 мая 1908 г. о повышении ассигнований на начальное образование. До

этого затраты на начальную школу несли в основном земства и сельские общества, Министерство народного просвещения выделяло незначительные суммы. В последующие годы государственное субсидирование начальной школы существенно выросло. С 1906 по 1914 гг. правительственные ассигнования на начальное обучение в стране увеличились в семь раз (с 7 до 49 млн. руб.), не считая ссуд и безвозвратных пособий на школьное строительство, выделявшихся в соответствии с законами от 22 июня 1909 г. и 23 июня 1912 г. [7. С. 392]. Большая часть этих сумм поступила в земства.

Размеры государственных пособий были очень внушительными, хотя выдавались они неравномерно. Так, в 1909 г. очень существенные пособия от государства получили уездные земства Рязанской губернии: казна покрыла 42,7% их расходов на народное образование; в Нижегородской губернии в 1909 г. этот показатель составлял 32,6%, в Тульской – 30,3%, в Ярославской – 22,8%, а во Владимирской – 18%. [8. С.98-99. Подсчеты автора]. Внутри губерний также проявлялась неравномерность выдачи казенных пособий; при этом в первую очередь государство субсидировало те земства, которые и сами несли соответствующие расходы [9. Л.3, 40 об.-45; 10. С. 176,177].

Государственное субсидирование позволило существенно увеличить земские расходы на просвещение. Ассигнования в области народного образования росли в те годы значительно быстрее, чем в других отраслях земской деятельности, обогнав даже расходы на медицинское обслуживание населения и составляя самую крупную статью в земских расходных сметах. В 1914 г. расходы на народное образование составили: во Владимирской губернии 33,9% от всего бюджета, в Костромской – 23,6%, Нижегородской – 30,2%, Рязанской – 31,7%, Тульской – 22,4%, Ярославской – 20,2% [11]. В первую очередь эти средства шли на развитие школьного дела.

Сами земцы отмечали, что, "начиная с 1908 и 1909 гг., развитие начального образования в земских губерниях двинулось вперед с такой быстротой, о которой раньше нельзя было и мечтать". Этому способствовало и принятие закона от 22 июня 1909 г., по которому при Министерстве народного просвещения был образован школьно-строительный фонд им. Петра Великого для выделения земствам ссуд и безвозвратных пособий [5. С.23]. С изданием законов, дававших приток в земские бюджеты новых денежных средств, началось небывалое оживление в земском школьном строительстве центральных губерний [12. Л.18 об.; Д.86. Л.2 об.; 10. С. 174]. На каждые 100 тыс. жителей теперь открывалось по 8-10 школ в год, т.е. на 70 млн. сельского населения земской России - по 5000 - 7000 школ. Масштабность этих цифр станет понятной, если учесть, что в прежние годы земство открывало в лучшем случае не более 700 школ ежегодно [13. С.519-520].

С 1903 по 1914 гг. количество земских школ в центральных губерниях выросло очень заметно - в среднем на 112%: в Костромской – на 176%; во Владимирской – на 102,6%, в Нижегородской – на 122%, в Рязанской – на 105%, в Тульской на 95% и в Ярославской на 69%.

Земская общественность активно обсуждала вопрос о сроках введения всеобщего обучения. Высказывались различные точки зрения: Министерство народного просвещения предлагало принять 10-летний срок, Лига образования, включавшая ряд известных земских деятелей, преимущественно из числа кадетов, настаивала на пятилетнем периоде, а октябристы выдвигали срок до 20 лет [14. С.298]. Большинство земств считало приемлемым срок в 9-10 лет. Приводимые ниже сведения указывают средний срок, в который уездные земства центральных губерний предполагали ввести всеобщее начальное обучение: Владимирская губ. - 9 лет; Воронежская губ. - 10,5 лет; Калужская губ. - 10,3 года; Костромская губ. - 9,9 лет; Московская губ. - 9,9 лет; Нижегородская губ. - 8,7 лет; Орловская губ. - 9,9

лет; Рязанская губ. - 10 лет; Тверская губ. - 7,9 лет; Ярославская губ. - 7,5 лет [15].

По мере осуществления своих планов земства сталкивались с различными сложностями. Во-первых, выяснилось, что многие земские планы и расчеты были составлены наспех, требовали корректировки и, следовательно, дополнительных затрат. Не всегда удавалось земствам во всей полноте и со всей последовательностью осуществлять условие, на основании которого выдавалось государственное пособие, - освобождение сельских обществ от "хозяйских расходов на школы". Хотя, как свидетельствуют данные о бюджете одноклассных и двухклассных земских училищ за 1911 г., доля доходов от сельских и волостных обществ была очень небольшой (3,58% - в первых и 4% - во вторых) [16. С. 1291; 17. С. 1415. Подсчеты автора]. Что касается строительства школ, то в этом случае привлечение средств сельских обществ было более значительным, что предусматривалось правительством. Неудобство вызывал и тот факт, что пособия выдавались по среднему расчету на комплект в 50 учителей; на деле же они были значительно меньше (от 27 до 48 учителей). В итоге местности с редким населением (самые бедные) оказывались в невыгодной ситуации.

В обособленном положении находились церковно-приходские школы. Пособия из казны выдавались под планы церковного ведомства и земские планы. Земские школы, в обустройстве которых принимало участие само общество, были лучше оборудованными, и земским собраниям нередко приходилось рассматривать ходатайства от крестьян и от епархиальных учительских советов о субсидировании этих школ [12. Л.1 об.; 18. Л.31; 19. Л.5].

Несмотря на сложности, земские финансовые планы и сети для всеобщего обучения постепенно и, в целом, весьма успешно претворялись в жизнь. Об этом свидетельствуют многочисленные финансовые планы и

проекты школьных сетей, разрабатывавшиеся и уточнявшиеся в 1907-1916 гг. уездными земствами исследуемых губерний, и сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве и местных государственных архивах [20; 21. Л.2,6; 22. Л.31]. К началу предвоенного 1913 г. ввести всеобщее начальное обучение удалось лишь 9 уездным земствам по всей стране, среди них были Нижегородское и Рыбинское (Ярославской губ.). Согласно земским планам, в большинстве уездов всеобщее начальное обучение должно было быть введено к 1918-1920 гг. Однако начавшаяся 1 августа 1914 г. Первая мировая война, а затем и Февральский переворот 1917 г. не позволили правительству и органам земского самоуправления завершить свои планы по введению в России всеобщего начального образования.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-11-33003.

Библиография:

1. Высочайше утвержденное Положение о начальных народных училищах 14 июля 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. Собр. II. Т. 39.

2. Монякова О.А. Земская и церковно-приходская школа в Российской провинции: опыт взаимоотношений (1864-1917). На материалах губерний Верхнего Поволжья. Шуя, 2012.

3. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.601. Оп.1. Д.977.

5. Земское дело. 1910 г. № 1.

6. Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 г. Вып.3. Владимир, 1911. С.65,67.
7. Веселовский Б.Б. Всеобщее обучение и земство // Юбилейный земский сборник. СПб., 1914.
8. Календарь земского деятеля на 1913г. СПб., 1912. С.98-99. Подсчеты автора.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.733. Оп.187. 1909. Д.330.
10. Ежегодник Костромского губернского земства. Кострома, 1911.
11. Доходы и расходы земств по сметам 1914 г. Пг., 1916.
12. РГИА. Ф.1288. Оп.3. 1912 г. Д.21.
13. Земское дело. 1910 г. № 7.
14. Земское дело. 1910 г. № 4.
15. Подготовительные работы по введению всеобщего обучения в России. Вып. 7. Спб., 1912.
16. Подсчеты автора. Земское дело. 1914. № 21.
17. Земское дело. 1914. № 23.
18. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф.379. Оп.1. Д.940.
19. ГАВО. Ф.205. Оп.1. Д.1407.
20. РГИА. Ф.733. Оп.187. Д. 161-178; 196-241; 270-282; 305-336; 373-393; 395-414.
21. ГАВО. Ф.379. Оп.1. Д.939.
22. ГАВО. Ф.379. Оп.1. Д.940.

**ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В ТРУДАХ
ВЛАДИМИРА ФЕДОРОВИЧА КИПРИЯНОВА**

Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 15-24-01007 а(м)

Памяти Ученого и Учителя

Среди научных интересов профессора Владимира Федоровича Киприянова особое место занимает вопрос о типологии лексических значений, которому посвящены следующие работы известного ученого: «Коммуникативы как лексико-грамматический класс слов в русском языке», «Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке», «О функциональных типах лексических значений», «Функциональные типы как основа типологии лексических значений слов (к постановке вопроса)» и др. В.Ф. Киприянов предлагает оригинальную классификацию, углубляющую и расширяющую известные типологии В.В. Виноградова [3] и Б.Н. Головина [4, 5, 6, 7].

Одним из аспектов классификации лексических значений В.Ф. Киприянов предлагает выделять в зависимости от функций, т.е. «в зависимости от того, какие именно явления действительности и как отображаются в лексических значениях слов» [2: 23-24]. К функциональным типам лексических значений В.Ф. Киприянов относит следующие: **номинативное** – значение полнознаменательных слов, слов-названий, являющихся обобщенными наименованиями действительности (*дерево, стол, спать, безграничный, белизна, любовь, вчера, дома* и т.п.); указательное (дейктическое) – значение местоименных слов, слов-указаний, указывающих на явления (понятия), но не называющих их (*он, этот, мой, там, где-то*

столько и т.п.); **релятивное** – значение служебных слов, выражающих различные отношения (союзов, предлогов, частиц) и междометных и модальных слов (*а, на, будто, ой* и т.п.); **коммуникативное** – значение слов, выражающих нерасчлененную мысль и употребляющихся обычно в качестве нечлененных предложений (*нет, браво, ладно, где уж нам, надо же, пусть так, и не говорите, что за важность, очень приятно, не может этого быть, ну и что же, хорошенькое дело, шутка сказать* и т.п.), которым В.Ф. Киприянов уделял особое внимание в своих работах [2, 8, 9, 10, 11].

Второй аспект классификации лексических значений основывается на учете характера связи слова с обозначаемым явлением действительности. Это **основные** (прямые, первичные) лексические значения и **производные** (вторичные). В учебном пособии «Виды лингвистического анализа» (Владимир, 1977) отмечается, что «основное значение прямо и непосредственно связано с обозначаемым явлением (*голова* – «часть тела животного и человека»), а производное значения связано с обозначаемым явлением не прямо, а через посредство основного, является результатом переноса наименования с одного явления действительности на другое (*голова* – «ум», «умница», «передовая часть чего-либо» и т.п.) [2: 23-24].

Третий тип классификации выделяется по характеру лексической валентности, то есть по характеру связи данного слова с другими словами в линейном ряду: **свободное** значение и **связанное** (несвободное) значение. Вслед за В.В. Виноградовым среди связанных значений указываются **фразеологически обусловленные** – значения, «реализующиеся в сочетании данного слова с определенным, ограниченным кругом слов, причем ограничения определяется не предметно-логическими связями, а закономерностями лексической системы» (*закадычный друг, безысходная печаль, тоска* и т.п.) и **синтаксически обусловленные**, проявляющиеся в том случае, когда данное значение реализуется лишь в определенной синтаксической позиции. Например: *шляпа*₁ – ‘род головного убора’ – свободное зна-

чение, реализующееся при употреблении слова в роли любого члена предложения (шляпа красива, купил шляпу, лента на шляпе, подарок – шляпа и т.д.); *шляпа*₂ – ‘растяпа’ – синтаксически обусловленное значение, реализующееся лишь когда слово употребляется в функции сказуемого или обращения (*Эх, ты, шляпа! Он просто шляпа!*) [2: 24-25].

Четвертый аспект классификации основывается на прагматическом (оценочном/эмотивном) аспекте значения, в связи с которым выделяются **нейтральные** значения, состоящие лишь из понятийного содержания, и **экспрессивно** или **эмоционально окрашенные** (толстяк, ухмыляться, бормотать), а также выражающие определенное отношение к обозначаемому явлению (*дрыхнуть, жрать, дитяtko, клевый*) [2: 25, 18].

Необходимо подчеркнуть, что типология лексических значений В.Ф. Киприянова находят продолжение в исследованиях современных лингвистов. В рамках современного прагматического направления лингвистики рассматривается противопоставление эмоциональных и логических значений [12], оппозиция безобразных и образных значений активно исследуется в связи с разработкой теории метафоры [16], взаимосвязь конкретных и абстрактных значений наглядно представлена в современной шкале конкретности-абстрактности [19] и т.д. (см. также [1, 13, 17]).

Развивая предложенные классификации лексических значений, предлагаем обратить особое внимание на особые «межтиповые» значения, синкретично совмещающих в себе противопоставленные типы, например: образующие, на наш взгляд, особую лексико-семантическую категорию – **синкретсемию** (от греч. συνκρητισμοσ ‘соединение’ и σημα ‘знак’), под которой мы понимаем выражаемое формами одного слова (одной лексемой) семантическое отношение нескольких генетически связанных значений (семем), которые сосуществуют в языке и одновременно актуализируются в речи (в отличие от сходных семасиологических категорий) (подробнее см. [14, 15]).

К синкретсемии с точки зрения семасиологического аспекта мы относим, в том числе, мотивированную языковую метафору, связанную с двумя сигнификатами и двумя денотатами, указывающими на конкретные объекты или их свойства (денотативно-сигнификативная синкретсемия), например: *ключ* (от тайн атома), *лицо* (театра), *железные* (мускулы), *золотой* (человек), *бежит* (время), *поет* (душа), *горячо* (говорит), *ясно* (читает), *светлые* (мысли), *горячая* (дружба), *глубокий* (взгляд) и др.

Кроме того, «межтипное» значение имеет коннотативная лексика, выражающая нерасчлененное дескриптивно-оценочное значение и обладающая одним знаком, одним денотатом, но двумя сигнификатами (дескриптивным и оценочным – сигнификативная синкретсемия), например: *дороженька*, *растеряха*, *непутевый*, *любимый*, *растрянжирить*, *вытолкать*, *низенько*, *звездочка*, *домище*, *теленочек*, *мужичина*, *березонька*, *зеленький*, *тепленький*, *добренький*, *кисленький*, *молоденький* и под.

Кроме того, к синкретсемии с точки зрения семасиологического аспекта относятся также случаи связанных значений, при которых «...для выявления одного значения нужны две словесные формы» [4: 10], например: *оказать уважение*, *принять участие*, *железная дорога*, *морской узел*, *бить баклуши*, *исполнять* (роль, обязанности, симфонию), *предпочитать* (музыку, драму, пение) и т.д. В подобных случаях одно значение (одна семема) выражается узуально закрепленными в языке формами нескольких лексико-грамматически связанных слов – несколькими лексемами (одно значение, один сигнификат, один денотат, два и более знаков – структурно-синтагматическая синкретсемия).

В заключение следует отметить, что хотя «типология лексических значений в науке еще не определена» [2: 132], однако следование идеям профессора В.Ф. Киприянова позволит, на наш взгляд, приблизиться к решению проблем системы значений вообще и лексических значений в частности.

Библиография:

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Виды лингвистического анализа: учебное пособие для студентов факультета русского языка и литературы педагогических институтов и учителей средней школы / Под ред. В.Ф. Киприянова. – Владимир: Изд-во ВГПИ, 1977. – 121 с.
3. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений // Лексикология и лексикография: избр. труды. – М.: Наука, 1977. – С. 162-189.
4. Головин Б.Н. Лексическое значение и его типы // Б.Н. Головин. Введение в языкознание: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1973. – С. 75-80.
5. Головин Б.Н. О минимально достаточном определении слова // Уч. зап. Горьк. гос. ун-та. – Вып. 52. – Горький, 1961. – С. 397-406.
6. Головин Б.Н. О типах лексических значений слов русского языка // Вопросы лексикологии и стилистики: уч. зап. Горьк. гос. ун-та. – Т. 59. Горький, 1960. – С. 3-13.
7. Головин Б.Н. Проблема значения языкового знака // Ф.М. Березин, Б.Н. Головин. Общее языкознание: учебное пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1979. – С. 122-141.
8. Киприянов В.Ф. Коммуникативы как лексико-грамматический класс слов в русском языке // Филологические науки. – 1975. – № 3.
9. Киприянов В.Ф. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке: учебное пособие для вузов. – Владимир: Изд-во ВГПИ, 1983. – 103 с.
10. Киприянов В.Ф. О функциональных типах лексических значений // Уч. зап. ВГПИ. – Серия «Русский язык». – Вып.3. – Владимир: Изд-во ВГПИ, 1970.

11. Киприянов В.Ф. Функциональные типы как основа типологии лексических значений слов (к постановке вопроса) // Уч. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской. – Т. 278. – «Русский язык». – Вып.17. Материалы научной конференции по языкознанию. – М.: Изд-во МОПИ им. Н.К. Крупской, 1970.
12. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 355 с.
13. Немченко В.Н. Классификация лексических значений слов // В.Н. Немченко. Введение в языкознание: учебник для вузов. – М.: Дрофа, 2008. – С. 271-281.
14. Пименова М.В. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. – СПб.; Владимир: Изд-во СПбГУ; ВГГУ, 2007. – 415 с.
15. Пименова М.В. Наследие Б.Н. Головина: лексическое значение и его типы // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – 2011. - № 6 (2). – С. 516-521.
16. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004. 165 с.
17. Харченко В.К. Лексико-семантический разбор // В.К. Харченко. Виды лингвистического разбора в пояснениях и образцах: учебное пособие. – Воронеж: Изд-во ВГУ 1983. – 175 с.
18. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
19. Чернейко Л.А. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997. – 320 с.

**СТИХОТВОРЕНИЕ А.С. ГРИБОЕДОВА «ДАВИД».
ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ**

Стихотворение А.С. Грибоедова «Давид», написанное в 1823 году, представляет собой своеобразный литературный манифест архаистов, презентацию их поэтики.

Стихотворение имеет основу – псалом 151. Как известно, переложениями псалмов занимались многие поэты XVIII века. Стоит вспомнить хотя бы самые известные работы М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, и менее известные – В.К. Третьяковского и А.П. Сумарокова. В связи с этим важно обращение к псалмам ряда поэтов 19 века: Д.И. Хвостова, Н.М. Шатрова, Ф.Н. Глинки, А.С. Грибоедова, В.К. Кюхельбекер, Н.М. Языкова – поэтов разных поколений, сторонником разных литературных направлений.

А.С. Грибоедов принадлежал к литературному обществу «Беседы любителей русского слова», то есть к архаистам. Архаисты стремились сознательно подражать литературе XVIII века в связи с отталкиванием от поэзии карамзинистов с ее вылощенным языком, французской риторикой или германскими сюжетами [7, с. 94]. Для этого они восстанавливали высокий жанр оды, стремились сохранить славяно-российский язык, для чего нередко использовали уже готовые тексты, часто священные. Поэтому обращение Грибоедова к тексту псалма неудивительно.

Лирический герой архаистов, их идеал – человек, преисполненный высоких целей: он предан своему Отечеству и народу, готов служить его интересам. Сюжет псалма дает именно такого героя:

Но я мечом над ним выиграл,
Сразил его и обезглавил,
И стыд отечества отъял,

Сынов Израиля прославил.

[3, с. 436]

Как заявлял В.К. Кюхельбекер – один из теоретиков архаистов – в своей работе «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», поэзия должна «передавать векам подвиги героев и славу Отечества» [6, с. 454]. Поэтому и выбор Грибоедовым главного героя – Давида – вполне обоснован.

Надо сказать, что псалом 151 есть только в греческом изводе. Почему же автор выбирает именно этот неканонический псалом? В Священном писании существует множество других песен от лица царя Давида. Как писал Ю.Н. Тынянов, задача архаистов – показать деятельного героя, не поэта-ленивца, который весь заключен в себе, а «лирически воинствующего певца – пророка» [10, с. 124]. Этим и объясняется выбор неканонического псалма для перифраза: например, во втором библейском псалме Давида избрание его на царство обусловлено исключительно волей Бога, здесь же – личными качествами героя. Какими именно? Ответ заключается в строчках: «Орган мой создали руки, псалтырь устроили персты» [3, с. 435]. Герой – это поэт, восхваляющий Бога (т. к. орган и псалтырь – музыкальные инструменты, часто использующиеся на службах в церкви). Поэтому Бог поставил Давида во главе народа, возвеличил его.

Если сравнивать псалом 151 и стихотворение «Давид», можно заметить, что Грибоедов фактически не привнес ничего нового в этот сюжет: стихотворение представляет собой развернутое изложение псалма.

Грибоедов использует лексику псалма: *юнейший, персты, псалтырь, елей, иноплеменник, идоли*. Отметим, что те слова, которые поэт привносит в текст, тоже именно старославянизмы: *измлада, воскрилит, зланы, сии, братия, кичливы, предпочил, взыграл, отъял*. Это объясняется тем, что архаисты видели в священных текстах языковой ресурс для поэзии.

Эпитеты предельно просты и узнаваемы: *светлозрачный ангел, благодать небесная, братья великие*. Автор не нагружает текст дополнительными художественными средствами, его источник – псалом – предельно узнаваем. Во главе стихотворения – слово в своей точности, а не выразительное средство (в отличие от карамзинистов).

Подобное происходит и с синтаксисом. Синтаксическое членение текста на предложения сохраняется, но здесь автор активно использует инверсию, он фактически переписывает текст псалма в обратном порядке. Ср.: *юнейший в дому отца – юнейший у отца я был, рuce мои сотворили орган – орган мои создали руки, персты составиша псалтирь – псалтырь устроили персты, помаза мя елеем помазания – елеем благодати небесной меня помазал, изыдох в сретение – во сретение исшел, и проклят мя идолы своими – он проклял идолми своими, отъях поношение от сынов израилевых – сынов Израиля прославил*. Обратный порядок слов является особенностью поэтики оды. Об этом говорил Ю.Н. Тынянов в работе «Ода как ораторский жанр»: «инверсия является средством возвышения и отторжения от разговорной речи» [11, с. 239]. Вспомним, что архаисты сознательно возвращались к наследию поэтов XVIII века, то есть, инверсия превращает Священный текст в оду.

Риторические обращения, восклицания, вопросы также являются одическими элементами, которые отсутствуют в псалме (ср. в псалме: *братья мои прекрасны и велики – в стихотворении: что ж сии велики братья мои? Кичливы крепостью телесной!*). Повествовательное предложение в стихотворении уже трансформируется в риторический вопрос и риторическое восклицание. Высокую цель стихотворения «Давид», как и оды, определяет даже их метр — по М.В. Ломоносову, четырехстопный ямб, ибо «ямбические стихи поднимаются вверх материи, благородство, великолепие и высоту умножают» [9, с. 240].

Не стоит забывать, что архаисты – вовсе не классицисты, как поэты XVIII века, упомянутые в начале работы. Поэтому стихотворению присущи черты романтизма.

Обратим внимание на описание полета ангела: этого эпизода в псалме нет, там только указывается, что Бог послал Ангела помазать Давида, но А.С. Грибоедов не ограничился этим фактом и добавил в свой текст «классический» для романтизма образ летящей души: «И светлозрачный \ с высот летит на доли злачны» [3, с. 435].

Интересно, что в стихотворении два полета: звуков и ангела, причем, второе – как ответ Бога герою, встречное движение.

Посмотрим подробно: герой сочиняет «гимны во славу Божию», звуки доходят до Бога: «О, кто до горней высоты \ Ко господу воскрилит звуки?», после чего наступает ответ: «Услышал сам господь-творец, \ Шлет ангела; и светлозрачный \ С высот летит на доли злачны» [3, с. 435]. Здесь наблюдается восходящее движение звуков от героя к Господу, и нисходящее движение – полет ангела – от Бога к Давиду.

Образ летящей души характерен для всех поэтов эпохи романтизма. Как не похожих на Грибоедова, так и совсем близких ему.

Например, встречается этот образ в стихотворениях близкого друга Грибоедова – В.К. Кюхельбекера, теоретика архаистов, который, кстати, редактировал «Давида»:

Ничто, ничто не утопает

В реке катящихся веков:

Душа героев вылетает

Из позабытых их гробов

[5]

Однако гораздо чаще летящая душа появляется в элегиях карамзинистов, таких непохожих на творения Грибоедова.

Например, в творчестве К.Н. Батюшкова, чей поэтический сборник «Опыты в стихах и прозе» был спародирован самим Грибоедовым в комедии «Студент»:

И все душа за призраком летела,
Все гостя горнего остановить хотела
[1, с. 222]

Так же и у П.А. Вяземского:
Зачем нельзя мне к облакам прильнуть
И с ними вдаль лететь куда-нибудь?»
[2, с. 237]

А у В.А. Жуковского, балладой «Людмила» которого был так недоволен Грибоедов:

Но где же ты, певец великих дел?
Иль песнь твоя твоей судьбою стала?..
Его уж нет; он в край тот улетел,
Куда давно мечта его летала.
[8, с. 301]

Интересны слова Ю. Манна («Динамика русского романтизма»): «Стремление вдаль нейтрализует отъединенность частей или неподвижность застывшего — и вот уже как некое чудо возможно встречное движение, по направлению к субъекту поэтической речи, которому теперь доступна весть с вышины» [8, с. 23]. В данном случае Манн пишет о «Невыразимом» В.А. Жуковского: «Что видимо очам — сей пламень облаков,\... Сия сходящая святыня с вышины,\... Какой для них язык?.. Горé душа летит,\ Все необъятное в единый вздох теснится...» [4, с. 336]. Однако речь идет, безусловно, об общеромантическом понятии. В стихотворении Грибоедова — то же стремление «горе» и то же «встречное движение» «с небес на доли злачны».

Весьма характерно для романтиков словосочетание «горняя высота». Горний здесь – находящийся на небе, небесный.

И в ответ на призыванье
Жизнь горе возлетев,
Жизнь — одно созерцанье
И молитвы напев.

[2, с. 296]

И я летел к нему... Но горний дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес.

[1, с. 222]

Можно сделать вывод, что образ летящей души создает впечатление «вертикальной» связи между героем и Богом: ангел сходит с небес на землю, чтобы возвысить Давида – типично романтического героя. Как уже отмечалось, Давид избран на царство потому, что он прославлял Бога своими песнопениями, он – поэт-прорицатель, способен видеть то, чего не видят другие люди. То есть стихотворение Грибоедова «Давид» – это и сознательное возвращение автора к поэтике XVIII века, и одновременно произведение романтическое.

Библиография:

1. Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. – М.: Наука, 1977.
2. Вяземский П.А. Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1986.
3. Грибоедов А.С. Пьесы. Стихотворения: Избранное. – М.: Эксмо, 2007.
4. Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.
5. Кюхельбекер В.К. Греческая песнь. [Электронный ресурс] // URL: <http://rupoem.ru/kyuxelbeker/veka-shagayut-k.aspx>

6. Кюхельбекер В.К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Путешествие. Дневник. Статьи. - Л.: Наука, 1979. С. 453 - 459.
7. Мальчукова Т.Г. Парафразы псалмов в русской поэзии 1820-х годов // Христианская культура. Пушкинская эпоха. Вып. X. - СПб, 1996. С. 91 – 115.
8. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. — М.: Аспект Пресс, 1995.
9. Троицкий И.С. Ода // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 8. — М.: Советская энциклопедия, 1934. С. 237 – 243.
10. Тынянов Ю.Н. Заметки о Грибоедове // Звезда. N 1. - 1941. С. 124 – 129.
11. Тынянов Ю.Н. Ода как ораторский жанр // Поэтика. История литературы. Кино. - М.: 1977. С. 227 – 252.

Плеханов Е.А.

РЕЛИГИОЗНЫЙ СМЫСЛ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ «НОВОГО ЖИЗНЕПОНИМАНИЯ» Л.Н.ТОЛСТОГО

Общеизвестно, что смысл и назначение образования Л.Н.Толстой связывал с религиозно-нравственным самосовершенствованием личности. Однако насколько идея самосовершенствования согласуется с основными положениями толстовского учения о человеке? Действительно, человек, полагал Л.Н.Толстой, изначально заключает в себе начала божественного разума и любви, обладает истинным пониманием блага и открыт для духовной жизни. Совершенствование же предполагает состояние несовершенства и поврежденности, преодоление которого являлось бы возвраще-

нием к утраченному идеалу, восстановлением нарушенной гармонии. Поэтому совершенствование имеет отправной точкой мир уже падший, греховный и касается человека, утратившего чистоту первоначального божественного образа. Идея самосовершенствования в антропологии русского мыслителя занимает то же место, которое в христианстве принадлежит учению Христа, которое обращено к человеку во грехе и открывает для него спасение на путях духовного преображения. Здесь не только структурное, но и содержательное сходство. Неслучайно Толстой «препарировал» именно евангельские тексты, стремясь в них выделить учение о духовно-нравственном восхождении, которое, по его мнению, и заключает в себе действительную истину христианства.

Жизнь согласная с верой в христианстве имеет смысл только в связи с идеей искупления и личного посмертного спасения. Земная жизнь есть возможность для человека искупить некую метафизическую вину за несовершенство данной ему природы. Вера же в личное бессмертие и загробное воздаяние является своеобразным онтологическим мотивом, побуждающим человека к вступлению на путь духовной жизни. Толстой, как известно, отрицательно относился к учению и о первородном грехе, и о личном бессмертии, усматривая их непосредственную связь с внеразумными догматами христианства. Однако вместе с отрицанием искупления и посмертного воздаяния исчезают смысл и побуждающая причина самосовершенствования. Трансцендентными началами разума и любви одарен каждый человек изначально. Подчинение их «животной личности» характеризует ложное направление жизни индивида, но не отменяет их божественной природы. После неизбежной физической смерти как «грешников», так и «праведников» ждет одна общая участь – возвращение в лоно безличного космического существа. Таким образом, земное существование лишается онтологического веса с точки зрения его значения для последующей судьбы человека. Человек волен прожить свою земную жизнь так,

как он считает нужным, и это не может затронуть его будущее бессмертие. Значит, необходимость духовного самосовершенствования лишается смысла.

Чтобы избежать этого вывода, Толстой должен реабилитировать ту эмпирическую, повседневную жизнь, которую он столь безжалостно обличал как форму животного существования человека. Знаменательно, что эта задача им решается в процессе столь же резкой, сколь и не объективной критики отношения к мирской жизни в церковном вероучении, по которому историческая и индивидуальная жизнь человека лежит между двумя рубежными антропокосмическими событиями – грехопадением прародителей, что знаменовало радикальное повреждение всего строя человеческой жизни, и неизбежным, хотя и неопределенным в перспективе исторического времени, вторым пришествием Христа и утверждением царства Божьего на земле, которое должно вернуть человека к безгрешной и вечной жизни. Однако реальность этих событий так мало доказуема, что они должны быть отнесены к области наивных предрассудков и иррациональной веры. Тем не менее, в их свете христианское учение истолковывает понятия истинной и греховной жизни. Является ли гуманным осуждение реальной для человека жизни, осуществляемое с позиции вымышленных, иллюзорных представлений о жизни загробной? Вопрос более чем риторический. Однако, чтобы посюсторонняя жизнь обрела свою ценность, в нее должно быть внесено героическое начало, начало борьбы света с тьмой, добра со злом, разума с животным чувством. Церковное же вероучение, полагает Толстой, устраняет ту борьбу «между стремлением к жизни животной и жизни разумной, которая лежит в душе каждого человека и составляет сущность жизни каждого» [1, с.268].

Содержание истинной жизни человека на земле составляет стремление к разумно обоснованному благу, которое в учении Толстого предстает

в виде триединой нравственной цели – индивидуального, общественного (соборного) и абсолютного блага.

Индивидуальное благо истинной жизни заключается в подчинении животной личности в человеке духовному началу. Обрести блаженство в земной жизни каждый отдельный человек может, лишь следуя закону разума и любви. Но это и есть путь индивидуального самосовершенствования, путь личного духовно-нравственного восхождения, на котором человек, отрекаясь от неподлинного, ложного повседневного существования, в борьбе с соблазнами и грехами все более одухотворяет свою жизнь.

Стремление каждого к индивидуальному благу, понимаемому в его истинном значении, автоматически оборачивается общим благом. Следование разумному закону любви устраняет животное состояние войны и насилия; вместо прежней абсурдности и бесцельности жизнь получает разумный смысл. Изменение установки индивидуального сознания прокладывает дорогу к новому нравственно-онтологическому состоянию, открывает иной горизонт вселенского бытия. «Целью жизни мира представляется такому человеку бесконечное просветление и единение существ мира, к которому идет жизнь и в котором сначала люди, а потом и все существа, более и более подчиняясь закону разума, будут понимать (то, что дано понимать теперь одному человеку), что благо жизни достигается не стремлением каждого существа к своему личному благу, а стремлением, согласно с законом разума, каждого существа к благу всех других» [2, с.69]. Эта мысль о благе как духовно-нравственном единении всех людей друг с другом и со всем живым на земле была конкретизирована Толстым в процессе интерпретации евангельского учения Христа.

Являясь сыном человеческим, Христос олицетворяет духовную, соборную общность всех людей. «Учение Христа есть учение о сыне человеческом, общем всем людям, т.е. об общем всем людям стремлении к благу и об общем всем людям разуме, освещающем человека в этом стремлении»

[3, с.272]. В соборном единстве всех живших и живущих поколений людей – залог духовного бессмертия человечества. Поэтому «Христос противопоставляет личной жизни не загробную жизнь, а жизнь общую, связанную с жизнью настоящей, прошедшей и будущей всего человечества, с жизнью сына человеческого» [4, с.291]. С человечеством, следовательно, связана не только жизнь, но и бессмертие отдельного индивида, хотя оно и не является индивидуальным, личным бессмертием. Человек, следующий истине учения Христа, разделит участь любого другого человека, однако его жизнь не бесцельна. Она имеет нравственный смысл и для него, и для других людей, питая общую духовную жизнь и поддерживая общее благо. Тем самым, индивидуальная жизнь наполняется каритативным предназначением, а ее благо совпадает с всеобщим, соборным благом. Самосовершенствование – это путь социального служения согласно закону альтруистической любви.

Источник и условие абсолютного блага – Бог, являющий исчерпывающую полноту жизни, любви и добра. Обладая божественной природой, но отделенный от высшего существа физической, телесной оболочкой, человек испытывает глубочайшую внутреннюю потребность в воссоединении с Богом. Однако, чтобы это влечение не вылилось в формы крайнего аскетизма, Толстой вынужден представить земную жизнь в качестве долга, в котором заключено высшее назначение человека. Человеку не дано постигнуть конечные цели своего существования в мире, от него скрыт целерациональный смысл антропокосмического проекта Бога. Поэтому можно лишь гадать относительно абсолютных целей Бога-промыслителя. С полной достоверностью нам дана истина лишь о том, что бытие есть стремление всякого живого существа к мировому благу. Это стремление, постигаемое человеком с помощью разума и удостоверяемое требованиями совести, на христианском языке называется волей Бога, исполнить которую человек и призван в земной жизни [5].

Бог призвал человека к жизни с недоступными его разумению целями, но как источник жизни он дал нам и несомненное знание смысла и назначения нашего существования, которое состоит в том, чтобы исполнить волю Бога. Воля же высшего существа доступна нам, поскольку в нас изначально заключено начало божественного, искра Божья. Следовать воле Пославшего нас в жизнь – наши долг и обязанность. В этом призвании есть не только принудительность, но и свобода, состоящая не в том, *что* исполнять, а в том, *как* исполнять долг своей жизни.

Прескриптивная часть этико-религиозного учения Толстого, развиваемая им на основе неканонического толкования евангелий, сводится к пяти заповедям из Нагорной проповеди, каждая из которых включает в себя два элемента: идеал добродетели, к которому должно стремиться, и практическую норму добродетели, ниже которой нельзя опускаться.

Первая заповедь – заповедь мира, ибо служение Богу есть уничтожение вражды. Она гласит: будь в мире со всеми, если нарушен мир, употребляй все силы для его восстановления. Идеал состоит в том, чтобы не иметь зла ни на кого, любить всех. Практический минимум добродетели – не оскорблять людей словом. Вторая заповедь предохраняет от соблазна половых отношений, нарушающих мир, и исходит из того, что нельзя относиться к человеку другого пола как к средству для получения наслаждения. Идеал – полное целомудрие, даже в мыслях; практическая норма – чистота семейно-брачных отношений. Третья заповедь – «не клянись, не присягай никогда никому ни в чем» – имеет смысл отказа от посягательства на независимость другого человека, ибо обязательства налагаются на человека только Богом. Идеал – не заботиться о будущем, жить только настоящим. Норма, ниже которой нельзя опускаться, – не связывать себя и других обещаниями. Четвертая заповедь – заповедь ненасилия, является центральной в этике Толстого, составляя основу его учения о непротивлении злу насилем. Поскольку соблазн мести заключается в ответе на зло

злом, идеал ненасилия в том, чтобы никогда ни для какой цели не употреблять насилия. Минимум добродетели в практической жизни предполагает терпеть обиды, не платить злом за зло. Последняя заповедь непосредственно вытекает из предыдущей и является заповедью любви, объединяющей людей. Все люди – сыны одного Бога, разъединенные национальной, сословной, религиозной и политической враждой. Поэтому идеал состоит в том, чтобы любить врагов, ненавидящих нас. Практическая норма – не делать различия между врагами и друзьями.

«Новое жизнепонимание» свидетельствует о значительном изменении антропологических и философско-педагогических позиций Толстого. Он уже не столь радикален в идеализации естественной природы человека. Если в 60-е годы недвусмысленно заявлялось о том, что «родившись, человек представляет собою первообраз гармонии правды, красоты и добра» [6, с. 287], то в трактате «О жизни» появляется сомнение в первоначальном совершенстве человеческой природы. Отказ от руссоистского натуралистического монизма приводит к более сложному пониманию человеческой природы, в структуре которой понятие «животная личность» характеризует природные, эмпирические качества индивида и противопоставляется «разумному сознанию», выражающему всеобщие, трансцендентальные измерения духовно-нравственной жизни человека.

Существенно переосмысливается противоречие между естественной природой человека и культурой, между личностью и социальными условиями ее жизни. Оно перестает быть внешним по отношению к человеку и переносится в сферу внутренней жизни самой личности, где различается «общедуховная» и «личная» духовная жизнь. Все, что накапливается религией, моралью, наукой, искусством и передается от поколения к поколению через воспитание и образование, составляет содержание общедуховной (совместной, соборной, совокупной) жизни. Личная жизнь проистекает не из чувства духовной общности с другими, а из индивидуальной души с

присущими ей особенностями и силами, из чувства собственного Я как субъекта переживания и сознания. Идентификация себя с какой-либо церковью, государством, народом, семьей и т.д. подчиняет наше Я власти общедуховной целостности, тогда как личная духовная жизнь может быть только свободной, осуществляемой в актах индивидуального нравственного самоопределения.

Если прежде Толстой исходил из всецело позитивной оценки природного в человеке и отрицательного отношения к культуре, то теперь, по его мнению, только опыт мировой культуры, воплощенный в учениях выдающихся мудрецов и учителей человечества, есть результат поиска ответа на вопрос о истинном и разумном смысле жизни. Этот опыт имеет непреходящую ценность для каждого индивида, но только в том случае, когда он не просто усваивается, а внутренне переживается, образуя материал духовного развития нашего «разумного сознания». Личность может жить индивидуальной духовной жизнью только в общем духовно-нравственном intersubъективном пространстве с другими людьми. В связи с этим в теории образования требование природосообразности уступает место принципу культуросообразности.

Понятие естественного развития в философско-педагогической антропологии «раннего» Толстого заключало в себе сильный элемент индивидуализма и асоциальности, поскольку процесс обучения понимался им как актуализация каждым ребенком присущих только ему задатков и возможностей. Неизбежным результатом свободного воспитания должны быть уникальные, непохожие друг на друга личности, не связанные никакими узами общности, кроме общего стремления к утверждению собственной индивидуальности. В посткризисный период Толстой придает понятию личностного развития всецело морально-этический смысл. Нравственное совершенствование может осуществляться только путем отказа от «животного эгоизма» в пользу любви к ближнему, которая создает ду-

ховную общность «разумных личностей». В личной духовной жизни «ближний» не задан. Чтобы «другой» осознавался и переживался как alter ego, необходима трудная и напряженная душевная работа, результатом которой становится «не столько совместное жизнечувствование или совпадение мировоззрений в союзе многих душ, как бывает в жизни общедуховной, сколько со-жизнь, взаиможизнь и взаимоодухотворенность – не совместность в «мы», а совмещенность «я» и «я», не сообщество, а совокупность, не соборность, а со-одухотворенность» [7, с. 45]. Таким образом, идее личностного развития Толстой придает вид нравственного самосовершенствования, внутреннее содержание которого составляет преобразование личной духовной жизни на началах евангельской любви.

Существенную трансформацию претерпевает понимание свободы. В религиозно-антропологическом учении мотив несвободы личности от внешней социальности не только сохраняется, но и дополняется несвободой внутренней, зависимостью от собственной «животной личности», от общедуховной жизни. Поэтому кажется логичным, если бы отрицая воспитание, являющееся средством формирования личности «по известным образцам», Толстой отказал в праве на существование и образованию. Если же учесть, что в этически переосмысленном христианстве открывается всеобщая и объективно истинная цель нравственной жизни, теория образования обретает положительный идеал. Однако этот идеал не может быть навязан каждой отдельной личности, ибо это противоречит самому принципу нравственной свободы. Истину разумной, осмысленной жизни необходимо открыть ребенку, но подчинение ей личной жизни может происходить только в процессе внутренне свободного и осознанного решения. Свобода состоит в добровольном принятии человеческой душой Бога как начала вселенской любви. Свободным можно быть только в Боге, следовательно, свобода выступает уже не предпосылкой индивидуального развития, а идеалом и результатом нравственного самосовершенствования лич-

ности. Обучение с точки зрения религиозно-нравственного учения Толстого – это усвоение «науки жизни». Соответственно, воспитание становится ведущим элементом образования, а педагогическая деятельность приобретает отчетливые черты религиозного проповедничества, морального учительства относительно того, в чем назначение человеческой жизни, как следует строить нравственные отношения с другими людьми, с обществом, с миром в целом.

Библиография:

1. Толстой Л.Н. В чем моя вера?// Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – Т.23. – М., 1957.

2. Толстой Л.Н. О жизни// Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22-х т. – М., 1984. – Т.17.

3. Толстой Л.Н. В чем моя вера?// Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – Т.23. – М., 1957.

4. Там же.

5. А.Л. Чернявский специально обратил внимание на то, что Толстой полагал невозможным решение вопроса о конечной цели жизни, предпочитая говорить о смысле жизни как об исполнении человеком своего предназначения. Тем самым в этико-педагогическом учении на первый план выдвигается не религиозно-нормативный, а нравственно-мотивационный аспект.

6. Толстой Л.Н. Кому у кого учиться...// Толстой Л.Н. Педагогические сочинения. – М., 1989.

7. Мардов И.Б. О «новом жизнепонимании» Льва Толстого// Вопросы философии. – 1996. – №9.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ В 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Процесс модернизации, как показывает отечественная история 1920–1930-х гг., при определённых обстоятельствах может обусловить серьёзные потрясения как внутри самой Русской православной церкви (РПЦ), так и в сфере церковно-государственных отношений. Одним из проявлений такого рода потрясений в указанные годы появление «правых» разделений в Церкви, в частности, Викторианского течения – наиболее радикальной из оппозиций конформистскому церковно-политическому курсу заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), пошедшего на сближение со вставшей на путь форсированной модернизации страны большевистской властью.

Основные особенности эволюции взаимоотношений Русской Православной Церкви, православного сообщества и власти в конце 1920 – начале 1930-х гг. были обусловлены социально-экономическими, правовыми, политическими, идеологическими, культурными и другими факторами. При этом определяющее значение имела социально-экономическая модернизация общества и государства.

Рассмотрим некоторые важные аспекты указанных тенденций на примере Вятской губернии, где в 1929 г. 93,8% населения проживало в сельской местности.

Первые мероприятия по модернизации промышленности приходилось проводить в условиях обострения социально-экономической ситуации. Имело место нормированное снабжение продовольствием городского населения. В 1927–1928 гг. сохранялись безработица, низкие темпы жилищного строительства. Вятскую губернию не обошёл стороной хлебоза-

готовительный кризис зимы 1927–1928 гг., взбудораживший деревню по всей стране. В регионе на 1 января 1928 г. было заготовлено 17,2% зерновых культур от задания Наркомторга. Местное руководство стало переходить в отдельных уездах губернии к методам голого администрирования, а иногда и прямого насилия по отношению к нежелающим продавать зерно по фиксированным ценам. Использовалось и уголовное преследование таковых.

В целом в 1927–1928 гг. в Вятской губернии происходило плавное вступление в период индустриализации на базе нэпа. Однако скромные масштабы этого процесса не могли улучшить тяжёлое материальное положение населения региона. Значительная часть крестьянских хозяйств бедствовала. Общая социально-политическая ситуация непосредственно влияла на настроения и поведение, вызывала недовольство, нередко переносимое на саму советскую власть. Социальная напряжённость нарастала в связи с установкой центральных и местных руководящих органов на ограничение кулацкого хозяйства и поддержку деревенской бедноты методами налоговой и кредитной политики. Недовольство политикой центра высказывала наряду с кулаками и официальная опора власти в деревне – середняки и бедняки.

По своей сути коллективизация была направлена на объединение единоличных хозяйств на новой экономической основе – общественной собственности на средства производства. Это вступало в противоречие с частнособственническими интересами зажиточных крестьянских дворов. Выступления против коллективизации приобретали не только экономический, но и политический характер. Данное явление рассматривалось властными структурами в контексте теории классовой борьбы. Её обострение связывалось со свёртыванием нэпа и начавшейся форсированной индустриализацией и коллективизацией страны. В этих условиях даже религиозно-политический конформистский курс митр. Сергия негативно характе-

ризовался как приспособленчество, перекрашивание в советские защитные, «красные» цвета».

В конце 1920 – начале 1930-х гг. реализация мероприятий, связанных с массовой коллективизацией сельского хозяйства и форсированной индустриализацией промышленности, вкупе с продовольственными затруднениями и снижением и без того низкого уровня жизни основной массы региона, вызывала недовольство как у сельских, так и городских жителей.

В условиях начавшейся форсированной модернизации страны, в обстановке недружественного отношения Запада для государственной власти всё более актуальным становился вопрос усиления политического контроля над обществом, направленного на нейтрализацию альтернативных или автономных ценностей, личностей и групп. В связи с этим конфессиональные структуры находились в зоне особого и постоянного внимания спецслужб.

Мощный удар в этом направлении был сделан по церковным группировкам, позиционирующим себя в качестве противников просоветского церковно-политического курса митр. Сергия (Страгородского).

Полякова О.В.

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО МИЛОСЕРДИЯ В ПЬЕСЕ В. ВОЙНОВИЧА «Трибунал» и традиции русской литературы

Что есть милосердие? Милосердие – готовность оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия, а также сама помощь, вызванная такими чувствами.

Милосердие и сострадание – это те нравственные ориентиры, с помощью которых человек сможет не только сохранить себя как личность, но

и воссоздать на земле Царствие Божие: мир добра, красоты и справедливости [1]. Именно об этом писали многие поколения русских писателей. Продолжая традиции русской литературы, Владимир Войнович в пьесе «Трибунал» (2014) отправляет своих героев на поиски милосердия и сострадания: главный герой Леонид Подоплеков вместе с женой Ларисой идут в театр, чтобы увидеть современную пьесу «Трибунал». Зал полон, зрители ждут, а спектакль все еще не начинается. Наконец, Подоплеков не выдерживает и спрашивает, когда начнется спектакль и кого будут судить? Но в итоге на скамье подсудимого оказывается сам Подоплеков, а его жена ищет милосердия и сострадания в обществе.

Образ Ларисы можно соотнести с образами главных героинь произведений А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (Маша Миронова) и М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» (Маргарита). Попробуем выявить и охарактеризовать это сходство.

1) Лариса Подоплекова и Маша Миронова.

В начале повести «Капитанская дочка» пред нами предстает образ робкой и нерешительной девушки, которую мать называет трусихой: *«Я смотрел на нее с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкой»*. Робкая и чувствительная девушка боялась даже оружейного выстрела. Яркое раскрывается характер Маши после ареста Гринева. Она сильно переживала, не зная всей правды, считала себя виновной в аресте любимого: *«Она скрывала от всех свои слезы и страдания, и между тем непрестанно думала о средствах, как бы его спасти»*. Маша Миронова ищет справедливости для своего любимого, незаконно обвиненного в участии Пугачевского бунта против императрицы Екатерины Великой, Петра Гринева: *«Вы просите за Гринева? – сказала дама с холодным видом. – Императрица не может его просить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй»*.

-Ах, неправда! – вскрикнула Марья Ивановна.

«Как неправда!» - возразила дама, вся вспыхнув.

- Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его».

Маша добивается аудиенции у императрицы, ее совершенно не пугают трудности, потому что ей правит любовь и самопожертвование во имя любви [3].

И Владимир Войнович свою героиню в начале пьесы представляет, как недалекую, трусоватую женщину: *«Лариса. Леня, зачем ты так? Ты даже не знаешь этих людей, а такие слова говоришь».*

Лариса, так же как и Маша, простая женщина. Она сама о себе так и говорит: *«Лариса. Я простая русская женщина, ничем не примечательная серая мышка».*

До суда над ее мужем Леонидом Подоплековым Лариса, на первый взгляд, женщина, занимающаяся домом и детьми. Но оказалась, что Лариса – единственная героиня, которая во имя любви готова к самопожертвованию, как и героиня А.С.Пушкина, Маша Миронова: *«Лариса. Ленечка, ты не беспокойся, я буду за тебя бороться, тебя освободят, ты вернешься домой».*

Лариса, подобно пушкинской героине, добивается справедливости в вышестоящих инстанциях - обращается к адвокату и депутату, и к священнику, и на телевидение:

«Священник. У нас такие порядки, кого хочешь закатают.

Лариса. Но церковь, батюшка, должна же с этими порядками как-то бороться. Может вы за мужа моего заступитесь?

Депутат (смягчился). Да, кандидат наук и скоро стану доктором. И чем могу помочь?

Лариса. Да у меня, вы, может быть, видели, мужа арестовали.

Депутат. Мужа арестовали? И за что же?

Лариса. Да в том-то и дело, что совсем ни за что.

Депутат. Ну это все говорят – ни за что».

Но в отличие от Маши Мироновой, Лариса справедливости в вышестоящих инстанциях не находит, если в произведении А.С. Пушкина Екатерина приказывает помиловать Гринева, то Лариса добивается оправдательного приговора для мужа под влиянием общественного мнения: вместе со своей дочерью Светой выходит на одиночный пикет с плакатами: «Я – жертва Мешалкина».

Лариса похожа на Машу Миронову только в начале пьесы, когда, движимая теми же силами, что и Маша, начинает борьбу за свою любовь. Героиня ищет «честного суда». Поиски «честного суда» позволяют увидеть в образе Ларисы черты другой героини – Маргариты из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

2) Ларисы Подоплековой и булгаковская Маргарита

Образ Маргариты стал поэтическим образом любящей женщины. В Маргарите соединены любовь и милосердие, способность к самопожертвованию. «Маргарита - единственный персонаж, говорящий о превосходстве настоящего перед прошедшим, наиболее полное осуществление заветов Иешуа. Маргарита единственно бессмертна в мире трусости, единственная из всех, кто преодолел в себе «пилатов грех» [3]. Она берет на себя активную роль и пытается вести борьбу с жизненными обстоятельствами, от которой отказывается Мастер.

В пьесе «Трибунал» активную позицию защитника принимает на себя Лариса. В то время, когда главный герой уже решил сдаться: *«Подоплеков. Не надо тебе таких праздников, Лара. Не жди меня, выходи замуж. Ты еще молодая, красивая, Ты еще встретишь какого-нибудь хорошего человека. Может быть, даже богатого. Будешь хорошо одеваться, ездить на дорогой машине.*

Лариса. Не говори глупости, мне никто не нужен, кроме тебя, Ленечка, я тебя люблю, я буду за тебя бороться. Я добьюсь твоего освобождения».

Обе женщины бросают вызов государству – угнетателей их возлюбленных. Маргарита громит квартиру критика Латунского, Лариса устраивает демонстрации, пишет в Страсбург. В уста обеих героинь писатели вкладывают важные истины: Маргарита говорит о Творце, о бессмертии, о прекрасном «Вечном доме», а Лариса – о совести, справедливости, честности: *«Лариса. Это зависит от того, есть ли у вас совесть. Если ее у вас нет, то вы можете делать что хотите, она вас мучить не будет. То, чего нет, не болит».*

Удивительно то, что героини сохраняют светлую душу, даже в те моменты, когда кругом царит беззаконие. Если по христианским догмам героини и грешницы, то такие, которых нельзя осудить человеку, так как любовь их самоотверженна и бескорыстна. Маргарита ради Мастера вступает в сделку с нечистой силой, а Лариса ради своего мужа готова убить судью Мешалкина: *«Лариса. Он во мне веру в справедливость убил. За это его самого убить мало».*

Подобно Маргарите, Лариса готова ради своего любимого на все. *«- Еду! – с силой воскликнула Маргарита и ухватила Азаззело за руку. – Еду куда угодно!».*

Похожую мысль высказывает и Лариса в разговоре с судьей: *«Лариса. Никто мне не нужен, кроме моего Лени. И если вы его посадите на долгие голы, я буду ждать. А если ушлете его куда-нибудь далеко, я поеду за ним в Магадан, на Колыму, на Северный полюс».*

Все три героини, о которых идет речь, ищут милосердия и справедливости в первую очередь: Маша ищет «милости, а не правосудия», Маргарита просит милосердия для несчастной Фриды и справедливости для оценки творчества Мастера, а Лариса ищет милости и «честного суда» не

только для своего мужа Лени, но для всего общества. Не зря В. Войнович вкладывает слова Н. Некрасова «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» именно в уста Ларисы. Необходимо отметить, что Лариса сохраняет чистоту своего образа, верность, мужу, верность своей любви: «*Лариса. А я вам говорю, что я не буду назвать своего мужа подсудимым. Для меня он Леня, Ленечка*». В финале пьесы главный герой Подоплеков из положительного героя превращается в антигероя, готового сажать безвинных, выносить несправедливые приговоры, забыв о совести и чести, но Лариса останется верна своей любви до конца, она готова страдать ради мужа, что даже судья Мешалкин, никогда не выносивший оправдательных приговоров, остается бессильным пред ее любовью: «*Лариса. Подсудимый мой! Подсудимочкин! (Плачет.)*

Председатель (растрогавшись). Надо же! Какая любовь! Как она его любит! Почему меня никто так не любит?».

Лариса В.Войновича – это соединение пушкинской героини Марии Мироновой (от нее она берет наивность, чистоту взглядов, простоту характера) и Маргариты (настойчивость, твердость духа, сила воли и характера). Героинями движет любовь, и это делает их неуязвимыми и почти безупречными.

Библиография:

1. Дунаев М.М. Православие и русская литература. М., 2009.
2. Лотман Ю.М. Идеиная структура «Капитанской дочки». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/lot/LOT-212-.htm> (дата обращения: 15.06.2015).
3. Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001.

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что на современном этапе развития российского общества на передний план выходит задача патриотического, морально-нравственного воспитания и духовного просвещения подрастающего поколения, молодежи, а так же молодого пополнения Вооруженных Сил Российской Федерации

На это повлиял ряд причин и событий, которые произошли во времена «перестройки» и в начале 90-ых годов XXI века и породили собой изменения политического и экономического уклада страны и привели к нестабильному положению практически все сферы жизни общества.

Именно в это время мы могли наблюдать духовный упадок и коренной перелом в сознании, нравственно-патриотическом воспитании молодежи, произошел так называемый процесс переориентации на западные ценности и идеалы, отголоски которого ощутимы и по сегодняшний день. Такое социальное чувство, как патриотизм, мораль, нравственность для большинства молодых людей утратило всякую ценность и важность. Прохождение службы в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации невозможно, если человек не является патриотом своей страны, не моральными ценностями и нравственными идеалами. Следовательно, возрождение патриотизма, морально - нравственного воспитания чувства долга и ответственности не только за свою жизнь, но и за национальную безопасность всех ее жителей должно быть реализовано именно в недрах ее Вооруженных Сил и при активном содействии Русской Православной Церкви.

На современном этапе моральный дух российской армии становится объектом информационного противоборства. В этом смысле он представляет собой специфическое состояние общественного и индивидуального сознания военнослужащего как единство жизненных ценностей, совокупность духовных качеств личности воина, народа и армии, выражающихся в побуждении общества, армии и личности к защите жизненно важных национальных ценностей, интересов государства, обеспечении на достаточном уровне их информационной безопасности.

Современную ситуацию ситуация в сфере укрепления морального духа российской армии можно охарактеризовать как тенденцию возврата к традиционным, отечественным, в том числе и православным, ценностям морали, нравственности и культуры с учетом новых реалий общественного развития.

Русская Православная Церковь и армия на протяжении многовековой истории нашего государства всегда были тесно связаны друг с другом. Православие сыграло огромную роль в формировании такой общенациональной ценности российской цивилизации, как самоотверженность, самопожертвование в защите своего Отечества. Достаточно вспомнить мужество и героизм таких воинов, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Суворов, Михаил Кутузов и многих других, а также массовый, поистине всенародный ратный и трудовой героизм, самопожертвование в Отечественной войне 1812 года, Первой мировой и Великой Отечественной войнах.[1]

На поднятие морального духа русской армии огромное влияние оказывали мощные силы Православия. На страницах Евангелия утверждалось, что "нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих". Русская Православная Церковь имеет вековые традиции патриотического воспитания.

Сознавая огромную ответственность воинов за судьбы Отечества, Церковь с самых древних времен старалась окружить их особой заботой и вниманием. Как отмечают историки, Церковь даже совершала специальные молебны о военнослужащих. Такой почести не удостоивалась больше ни одна другая профессия. Такое исключительное внимание Церкви к армии можно объяснить тем, именно от нее - как в прошлые времена, так и теперь - в большей степени, чем от какого-либо другого государственного института, зависит судьба народа и государства.

Церковь заботится о нравственном и духовном состоянии воина еще и потому, что он обязан быть предан своему долгу особым образом, как никто другой. Ведь выполнение воинского долга требует самого ценного - отдать собственную жизнь. А это может сделать только высоконравственный, идейный человек. Простое следование уставу или закону не может заставить человека переступить черту, отделяющую его жизнь от смерти. Самопожертвование - это осознанное, нравственное проявление.

Боеспособность армии, военная мощь государства существенно зависят от уровня духовности воинов и населения. Строительство армии не только в ходе войны, но и в мирное время невозможно без высокого морального духа войск. И сегодня при решении многих новых сложных задач от личного состава Вооруженных Сил требуются высокая морально-психологическая устойчивость, готовность к преодолению физических и моральных нагрузок.

Будучи сложным духовным явлением по своему содержанию и формам проявления, моральный дух содержит в себе два главных элемента: духовно-нравственный и социально-психологический.

К духовно-нравственным элементам относятся нравственные идеалы, принципы, убеждения и нормы, определяющие отношение человека к государству, обществу, войне. Это фундаментальные, наиболее устойчивые элементы, выраженные такими понятиями, как Отечество, Родина, во-

инский долг, патриотизм, верность присяге, Знамени части, взаимоуважение командиров и товарищей по оружию, взаимовыручка в бою и т. д. Если этого нет, то в воинском коллективе устанавливается атмосфера недоверия, в которой нельзя решать серьезные задачи ни в мирное время, ни тем более в военное.

Работа по формированию высокого морального духа армии - это задача не только внутриармейская, но и общегосударственная, общенародная. Армия - это часть общества. А поэтому состояние политических, экономических, социальных и нравственных отношений в нем накладывает отпечаток и на состояние духовных сил личного состава армии.[2]

На основании Совместного заявления, подписанного Патриархом Московским и всея Руси и Министром обороны Российской Федерации 2 марта 1994 года, отношения между Вооруженными Силами и Русской Православной Церковью продолжают развиваться по пути расширения и углубления сотрудничества в областях патриотического и нравственного воспитания личного состава, просвещения и социальной защиты военнослужащих и членов их семей, реализации их религиозных потребностей, восстановления разрушенных и строительства новых православных храмов и часовен. При этом отношения строятся на принципах соответствия законам Российской Федерации, соблюдения прав военнослужащих на свободу совести, приоритета интересов боевой готовности Вооруженных Сил, уважения традиций Русской Православной Церкви.

Взаимодействие Вооруженных Сил с Русской Православной Церковью стало важным звеном в процессе возрождения славных традиций Российской Армии и Флота, оказало благотворное влияние на морально-психологическое состояние личного состава и духовно-нравственный климат в воинских коллективах.

Отмечая достигнутые положительные результаты взаимодействия, Патриарх Московский и всея Руси, и Министр обороны Российской Феде-

рации, полномочно представляющие Русскую Православную Церковь и Российские Вооруженные Силы, заключили Соглашение о сотрудничестве, которое предусматривает развитие отношений по следующим направлениям[3]:

Патриотическое воспитание военнослужащих

- Развитие взаимодействие в деле возрождения православных традиций Российской армии и флота.

- Содействие воспитанию у воинов нравственной мотивации военной службы, способности к самоотдаче, к подвигу на благо России.

- Оказание помощи командованию воинских частей (кораблей) в формировании морально-психологической устойчивости военнослужащих в боевой обстановке и чрезвычайных ситуациях.

- Приглашение священнослужителей Русской Православной Церкви для участия в воинских ритуалах и торжествах, посвященных памятным датам в истории страны и Вооруженных Сил.

- Развитие сотрудничества между военными комиссариатами и епархиями Русской Православной Церкви в деле воспитания у допризывной и призывной молодежи должного отношения к военной службе[5].

Нравственное воспитание и духовное просвещение военнослужащих

- Использование духовно-нравственного потенциала Русской Православной Церкви в деле нравственного воспитания военнослужащих.

- Использование влияния священнослужителей в процессе оздоровления нравственного климата в воинских коллективах, профилактики нарушений воинской дисциплины, искоренения неуставных взаимоотношений, суицидальных настроений и других негативных явлений.

- Оказание содействия в подготовке офицерского корпуса с более широким кругозором в вопросах религиоведения.

- Развитие сотрудничества между военными и духовными учебными заведениями, по желанию военнослужащих во внеслужебное время орга-

низация их обучения в духовных учебных заведениях или факультативах в военно-учебных заведениях.

- Содействие в обеспечении верующих военнослужащих духовной литературой, церковными периодическими изданиями, кинофильмами, аудио- и видеоматериалами.

- Использование возможности средств массовой информации для поднятия общественного престижа военной службы.

Социальная защита военнослужащих и членов их семей

- Оказание социальной, моральной и духовной поддержки военнослужащим, членам их семей, ветеранам войны, труда и Вооруженных Сил.

- Использование помощи православного духовенства в психологической реабилитации воинов, получивших ранения и травмы.

- Оказание содействия в организации пастырских посещений священнослужителями православных верующих, находящихся на излечении в госпиталях и лазаретах.

- Оказание помощи оставшимся без родителей несовершеннолетним детям военнослужащих, погибших при исполнении воинского долга.

- Реализация религиозных потребностей военнослужащих

- Координация совместных усилий по защите прав и свобод военнослужащих и членов их семей на свободу вероисповеданий.

- Предоставление возможности духовенству Русской Православной Церкви, по согласованию с командованием воинской части, посещать военнослужащих.

Восстановление культовых сооружений

- Оказание содействия Вооруженных Сил РФ Русской Православной Церкви в проведении реставрации, ремонта и восстановления храмов и других культовых сооружений.

- Содержание в достойном состоянии захоронения погибших воинов

Из всего выше перечисленного можно сделать следующий вывод, что на сегодняшний день Церковь оказывает наиболее эффективное воздействие на воспитание морально-нравственных качеств военнослужащих, таких как патриотизм, чувство долга, ответственности, чести и совести, тем самым поддерживает моральный дух Вооруженных Сил РФ, а следовательно и национальную безопасность всей страны.

Библиография:

1. The state program "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2011-2015"

2. Source: Collection: Lightsanctifyweapons.-Voronezh:LLP "Printing, 2007. - 152p.ISBN - 88008-006-9.

3. Patriotism, loyalty to military duty, honor the soldier. In the service of the Fatherland. Electronic resource: militaryinformationportal.http://armyrus.ru/index.php? Option = com_content & task = view & id = 73& Itemid =1501, December 21, 2014. 21.00Msk.v.

4. Surzhko G. patriotic education in Russia / G. Suzhko // Education - M.: Knowledge, 2013 - 58

5. [1] The state program "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2011-2015"

[2]http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=73&Itemid=1501, December 21, 2014. 21.00 Msk.v.

[3] Agreement on Cooperation between the Ministry of Defense of the Russian Federation and the Russian Orthodox Church in 1996.

**ПОМОЩЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ФРОНТУ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРЬКОВСКОЙ И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)**

В 1942-1943 годах произошел коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Сталинградская и Курская битвы существенно изменили ситуацию в тылу. В данный период закладываются новые политико-правовые основы отношений между Советским государством и Русской православной церковью.

Контакты государственных органов и Русской православной церкви расширялись на основе общей борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Патриотическая деятельность церкви в 1942-1943 годах развернулась по различным направлениям. Она включала в себя не только духовное и нравственное влияние на народ, но и оказание существенной материальной помощи фронту. Верующие Горьковской и Кировской областей принимали активное участие в сборе средств на строительство военной техники, помощь раненым и сиротам. Заслуга в организации этой кампании принадлежала не только высшему церковному руководству, но и руководителям епархий (епископам, архиепископам, митрополитам), благочинным церковных округов, настоятелям местных приходов.

С зимы 1941-1942 годов в Горьковской области церковные приходы вели сбор теплых вещей для армии, покупали на церковные средства шерсть для варежек и носков, вязали их и отправляли солдатам на фронт.

Верующие участвовали в региональных и государственных кампаниях по сбору средств на нужды фронта. В конце декабря 1943 года Патриарший Местоблюститель Сергей (Страгородский) обратился к руководству Русской православной церкви и верующим с просьбой внести пожертво-

вания на сооружение танковой колонны имени Дмитрия Донского. Несмотря на тяжелое военное время, подавляющее большинство верующих откликнулись на призыв. Благочинный города Горького протоирей Александр (Архангельский) в конце декабря 1942 года сообщал И.В. Сталину:

«Л.19.Охваченные горячим патриотическим призывом и любовью к Родине, мы, русские православные люди, с самого возникновения войны живо откликнулись на призыв возглавляемого Вами правительства о помощи на защиту Отечества. Наша церковная община в 1942 году внесла наличными в Госбанк 2,5 млн. рублей. Мои дети с первых дней войны с оружием в руках на фронте защищают Родину...» .

Если учесть, что в 1941-1943 годах в ряде районов Кировской и Горьковской областях, как и повсеместно в тылу, из-за плохого урожая люди питались отходами зерновых культур (мякина, жмых и т. п.), ели лебеду, кору деревьев, трупы падших животных, то можно говорить о высоком патриотизме и самопожертвовании тружеников советского тыла.

Люди отдавали деньги добровольно, без нажима, несмотря на свою жесточайшую нужду. Во время войны государство проводило много подобных кампаний по сбору средств для фронта (госзаймы, лотереи и т.д.), но они не всегда носили добровольный характер. Например, в отчете Кировского обкома ВКП (б) имеются сведения о принуждении со стороны партийной организации к увеличению сумм подписки на государственные займы: «Никакие личные переговоры с рабочими коммунистов и секретарей парторганизации не заставили их подписаться на большие суммы» .

Выявить точные данные о сборе средств верующими в рамках Русской православной церкви на нужды фронта представляется достаточно трудным по нескольким причинам: Русская православная церковь на основании «Декрета СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви» не имела права владеть имуществом и специальным счетом в Госбанке . Только в январе 1943 года И.В. Сталин дал согласие на его откры-

тие. Вторая причина заключалась в том, что значительная часть средств не подвергалась учету. Так, уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Кировской области К.Ф. Мошков указывал, что средства, поступившие в 1941-1942 г.г. от духовенства и рядовых верующих, не учтены, данные о них не сохранились). В его отчетах имеются только сведения за 1943-1944г.г. Вероятно, поэтому материальный вклад Кировской епархии в оборону Родины не упоминается в исследованиях церковно-государственных взаимоотношений в военный период.

По Горьковской епархии эти данные имеются, но и они носят противоречивый характер. Исследователь Гущина А.В. сообщает, что к июлю 1944 года жителями г. Горького было собрано 2 500 000 рублей, а жителями Горьковской области- 2 324 700 рублей.

В исследовании О. В. Васильевой приводится цифра в 9 324 000 рублей, а в работе М.А. Вылцана –9 234 700 рублей.

Нами проведено самостоятельное исследование этого вклада духовенства и верующих в Горьковской и Кировской областях. За 1941-1944 гг. в фонд обороны, на строительство новой техники, подарки войнам в Горьковской области собрано 9 329 700 рублей, жителями же Кировской области собрано 1 129 900 рублей.

Популярны были акции, развернутые партийными органами и церковью по сбору средств на конкретные цели: строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского, авиаэскадрильи имени Александра Невского, бронепоезда имени С.М. Кирова.

Значительные суммы средств были собраны церковью в обеих областях на подарки войнам Красной армии. В этом деле организационная роль партии тоже была значимой. Кировский обком ВКП(б) разослал всем первичным организациям области предложение организовать среди трудящихся посылку подарков бойцам и командирам действующей армии к XXIV годовщине РККА.

Данная просьба нашла широкий отклик в среде верующих. В марте 1944 года газета «Кировская правда» напечатала благодарность маршала

Советского Союза И. Конева верующим Кировской области: «Благодарю за заботу о героях – войнах фронта, изгоняющих врага с нашей священной земли».

В сборе средств особо отличились церкви, расположенные в крупных городах. Прихожане Троицкого храма города Горького собрали 1 000 000 рублей. Об этом факте было доложено Патриаршему местоблюстителю Сергию (Страгородскому), на что он ответил: «Браво! Нижний Новгород не посрамил Мининскую память!» Горьковская епархия стала одним из лидеров в деле материальной помощи фронту.

Советское государство и Русская православная церковь объединились в трудные для народа и страны годы. Атеистическая пропаганда и гонения на церковь временно прекратились, так как авторитет Русской православной церкви способствовал сплочению народа для борьбы с внешним врагом»[1].

Библиография:

1. Сахарова Л.Г. Государственная политика по отношению к Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.(по материалам Горьковской и Кировской областей)., дис. канд. ист. наук.-Киров, 2000.

Сергеева А.Э.

МОТИВ ИЗГНАНИЯ ИЗ РАЯ В СТИХОТВОРЕНИИ

ЛЬВА ЛОСЕВА «HOMOLUDENS»

Название стихотворения Льва Лосева «HomoLudens» (Человек играющий») заимствовано у Йозефа Хёйзинги, нидерландского философа и ис-

торика, с книгой которого «Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры» [7] стихотворение обнаруживает очевидную связь.

Лосев берет за основу некоторые фундаментальные положения из книги Хёйзинги и остроумно их переосмысливает. Фамилия самого исследователя тоже возникает перед читателем в шутовском ключе:

*«Прочтя на корешке: Huizinga,
Орет: «Что Зинка? Зинка – что?»».*

Приведенные эпиграфы Иосифа Бродского («I read the Bible for the first time when I was twenty three. It leaves me somewhat shepherdless, you see») готовят читателя к тому, что в стихотворении будет рассматриваться библейский сюжет. Упоминание Бродского неслучайно и тематически связано с одной из строк стихотворения. В своем эссе «Реальность Зазеркалья: Венеция Иосифа Бродского» [4] Лосев утверждает следующее:

«Как сказано, "Дух Божий носился над водою". И отразился до известной степени в ней - все эти морщинки и так далее. Так что на Рождество приятно смотреть на воду, и нигде это так не приятно, как в Венеции». Таким образом, в стихотворении возникает важная идея: человек и окружающий его мир являются отражением Создателя.

«Homo ludens» - фундаментальное, давно уже ставшее классическим исследование, раскрывает сущность феномена игры и значение ее в человеческой цивилизации. По словам Дмитрия Сильверстова [6], в этой книге «индивидуальная и общественная жизнь, всё историческое и культурное развитие человечества описывается в терминах игры, как игра».

Лев Лосев в стихотворении «Homo Ludens» пытается представить жизнь человека игрой с момента его исхода из Рая:

*После изгнания из Рая
Человек живет играя.*

У Хёйзинги игра — это всеобъемлющий способ человеческой деятельности, универсальная категория человеческого существования. Лосев с

первых же строк подтверждает эту мысль. И изгнание из Рая для Лосева не что иное, как вступление человека в *игру*.

Одним из основных признаков игры Хейзинга выделяет свободу («Игра свободна, она есть свобода»). По Лосеву, игра делает человека свободным, счастливым; все, что находится за пределами Рая, увлекательно и требует пристального внимания:

Он видит за воротами райской кущи

Как ключ знакомится с замком

И веселится еще пуще.

Следующая строфа представляет собой цитату из Книги Бытия [3]:

...над водами. Земля же

Была безвидна и пуста.

Примечательно то, как Лосев на удивление органично соединяет эти строки со своими собственными, вынося четверостишие в эпиграф к своему сборнику «Тайный советник» 1985-1987 годов. Лосев достигает невероятного эффекта: они кажутся неразрывными:

В вышеописанном пейзаже

Родные узнаю места.

«Игра сразу же закрепляется как культурная форма. Однажды сыгранная, она остается в памяти как некое духовное творение или духовная ценность, передается от одних к другим и может быть повторена в любое время: тотчас — как детские игры, партия в триктрак, бег наперегонки — либо после длительного перерыва. Эта повторяемость — одно из существеннейших свойств игры», - пишет Й. Хейзинга [7].

Здесь Лосев тоже дает читателю некий намек на повторяемость, этот пейзаж ему знаком, он носит его в памяти. К тому же, прорывается голос автора, который иронично подчеркивает свое родство и сходство с первым человеком.

Игра распространяется буквально на всё, в том числе и на речь:

«Играя, речетворящий дух то и дело перескакивает из области вещественного в область мысли. Всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть не что иное, как игра слов» [7].

Безусловно, Лосев не игнорирует и эту мысль. Игра слов вообще характерна для поэзии Лосева; он облакает цитату из Евангелия в филологическую шутку, а соседство этой цитаты с низкой лексикой снижает религиозный пафос. (Стоит отметить, что слово «каламбур становится каламбуром для словосочетания «калом бур»):

*их уроженца доброго и злого
(слезой кристален, калом бур)
итак, в начале было Слово,
В конце выходит каламбур.*

Хейзинга пишет, что «игра устанавливает порядок, она сама есть порядок. В этом несовершенном мире, в этой сумятице жизни она воплощает временное, ограниченное совершенство. Порядок, устанавливаемый игрой, непреложен. Малейшее отклонение от него мешает игре, вторгается в ее самобытный характер, лишает ее собственной ценности. Эта глубоко внутренняя связь с идеей порядка и есть причина того, почему игра <...> в столь значительной мере лежит в области эстетического» » [7].

Здесь необходимо вспомнить цитату самого Лосева, который в одном из интервью говорил, что «поэзия содержит в себе очень существенный элемент игры. Каждая игра требует определенного свода правил и правилам нужно следовать неукоснительно, их нельзя менять по собственному произволу» [5].

В финале стихотворения отчетливо прослеживается идея несовершенства творения, нарушения порядка, неоправданных ожиданий, которая в полной мере реализована в последних строфах стихотворения:

В начале он был создан Богом,

*но вышел плохо, вышел боком,
кустарно вышел, как корзинка,
мочалка, веник, решето.*

Это не единственный случай обращения Лосева к теме отношений Бога и человека. В стихотворении, обнаруживающем параллель с «Божественной комедией» Данте [2], - «Земную жизнь пройдя до середины», эта тема является одной из центральных. В обоих случаях отношения героя и Творца создают впечатление приятельских, в них нет никакого намека на благоговейность и трепет.

Хейзинга пишет, что «из заколдованного круга игры человеческий дух может вырваться, устремляя взгляд в наивысшее». Как мы видим, в стихотворении Лосев эту идею не опровергает – человек оказывается вне игры только в Раю, за пределами же райской кущи человек в игру вовлечен.

Мысль Хейзинги о том, что все (право и порядок, общение и предпринимательство, ремесло и искусство, поэзия, ученость, наука) имеет игровую природу, Лосев углубляет на метафизическом уровне. Игрой в стихотворении Лосева оказывается не только человеческая жизнь или поэзия, но даже сотворение Богом человека уходит в почву игровых действий.

Человек был изгнан из Рая, потому что нарушил заповеди (правила игры) и после изгнания из Рая начинается новая игра со своими правилами, нарушать которые, по мысли Лосева, недопустимо.

Извечному парадоксу свободы, реально достижимой лишь на мнимой линии горизонта, дает впечатляющее разрешение феномен игры. Человек является человеком лишь постольку, поскольку он обладает способностью по своей воле выступать и пребывать субъектом игры. И действительно -- "созданный по образу и подобию Божию", на ключевой вопрос о своем имени он, бессознательно включаясь в сызмала навязанную ему игру, бесхитростно называет имя, ему присвоенное, никогда не отвечая на

заданный вопрос всерьез, а именно: "азь семь суцїй". Под личиною своего имени каждый из нас разыгрывает свою жизнь, в универсальной сущности игры аналогичную куда как серьезным маскарадным танцам первобытных племен: «После изгнания из рая // человек живет играя» [7].

Библиография:

1. Лев Лосев . Стихи. Издательство Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург 2012. — 600с.
2. Данте Алигьери, Божественная комедия / Пер. М. Лозинского – М.: Правда , 1982. – [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://lib.ru/POEZIQ/DANTE/comedy.txt> (дата обращения: 14.06.2015).
3. Книга Бытия. - [Электронный ресурс] / – Режим доступа: http://days.pravoslavie.ru/Bible/B_byt1.htm, свободный.
4. Л. Лосев «Реальность Зазеркалья: Венеция Иосифа Бродского» [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/5/losev.html> (дата обращения: 14.06.2015).
5. Отсутствие меня (поэт Лев Лосев). Интервью - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.people.su/youtube_video-otsutstvie-menua-roeht-lev-losev (дата обращения: 14.06.2015).
6. Предуведомленье. Текст повествования в контексте игры (Дмитрий Сильвестров). - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://royallib.com/read/heyzinga_yohan/Homo_Ludens.html#0 (дата обращения 14.06.2015).
7. Хейзинга Й. Человек играющий. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://polbu.ru/heizinga_homoludens (дата обращения: 14.06.2015).

**«ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ» КАК ФЕНОМЕН
НЕОПРАВОСЛАВНОГО СОЗНАНИЯ:
Н.А. БЕРДЯЕВ И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ**

«Философия свободы» (1911) - название ранней книги Н.А. Бердяева, принесшей ему широчайшую известность [1]. Вместе с тем, «Философия свободы» (1894) - название основополагающей книги Р. Штайнера, выдающегося мистика и, как полагал Н.А. Бердяев, не менее выдающегося философа. И хотя Николай Александрович относился к теософии и антропософии, прямо скажем, без восторга [2, с. 76-81], характерен выбор, который он сделал применительно к своей собственной философии, называя ее «философией свободы» и утверждая, что такая философия «начинается со свободного акта» [3, с.325], - и в то же время считая ее «экзистенциальной» [4, с.89]. Заметим в скобках: Бердяев – принципиальный противник метода, к которому апеллирует Штайнер в подзаголовке своей книги, связывающем «философию свободы» с «результатами наблюдений по естественно-научному методу». Напротив, по мнению русского философа, метод философии должен быть... философским, то есть – начинаться со свободы, а не с «бытия». Применение естественнонаучного подхода в этом случае и вовсе страдает редукционизмом [например: 5, с.27, 46-47].

Так, с легкой руки Н.А. Бердяева, «философия свободы» оказалась синонимом экзистенциальной философии, - причем не только по отношению к его собственным взглядам, но и по отношению к сочинениям других русских (и зарубежных) авторов. В их числе - имена А.С. Хомякова и Ф.М. Достоевского, чьим суждениям автор «Самопознания» посвятил, как известно, отдельные сочинения.

Стоит обратить внимание на тот факт, что именно А.С. Хомяков назван Бердяевым первым «философом свободы» в России. Основание – учение Хомякова о соборности [6], где разбирается специфика православного прочтения «соборности»: это не коллективизм, обладающий обобществленным (читай, массовым) интеллектом и волей, когда все «фасции» собраны в единство веника; и не размытая свобода индивидуального произвола, не знающая «мы» и «вместе»; но - свободное единение лиц *всех* людей перед Лицом Бога [7, с.693-705; - Ср.: 8].

Ф.М. Достоевский, согласно Бердяеву, также философ свободы, хотя бы потому, что (и здесь трудно что-либо возразить) является автором развернутого учения о «двух свободах» [9, с.7-150]. Конечно, причисление Ф.М. Достоевского к «лику» философов экзистенциального направления сегодня вряд ли кого-то удивит, несмотря на «остаточные» споры вокруг того, насколько литература «не философия» (поскольку она, литература, «не наука», - а философия якобы всегда наука), продолжающиеся в сфере отечественного гуманитарного знания по сей день. Правда, неплохо было бы иметь в виду (особенно в свете «поворота» отечественных программ к западным стандартам научности), что «на Западе» вопрос о возможной «философичности» литературы уже лет сто волнует умы в несколько ином ключе: чем инициирована столь высокая степень концентрации философского содержания в том или ином литературном сочинении? В этой связи о взглядах Федора Михайловича в Италии, например, написаны тома исследований – в том числе, и научно-философских [См.: 10, с.284-286].

Примечательна высказанная итальянским историком русской философии С.М. Капилупи и одновременно бытующая в «народном философском сознании» отечественных религиоведов мысль о радикальном влиянии Ф.М. Достоевского на отечественное православие (через, прежде всего, «новое религиозное сознание» серебряного века; а точнее – фактически – через религиозную философию Бердяева, ибо именно он оказался одним

из наиболее последовательных авторов, развивавших идеи свободы Достоевского в рамках православной философии). С этой точки зрения «формат», отличавший способ существования русского православного христианства в 20 веке, коренным образом отличается от того, который был принят в «классическом» имперском православии. Добавим: как и от того, к которому российское общество пришло в наши дни [11]. Отличается, прежде всего, отношением к свободе, понимаемой «здесь и сейчас», в этом пространстве и времени. Если для «классического» православия характерна «привязка к местности» (с в том числе формальной фиксацией принадлежности к приходу, высокой частотой участия в таинствах и т.д.), то «неоправославие» (если попытаться таким образом терминологически выделить развитие «идеи свободы» на почве русской религиозной философии) характеризуется:

1. Специфическим отношением ко времени (человек свободен участвовать в таинствах тогда, когда «душа попросит», - а не когда этого требует своеобразный «график посещаемости», диктуемый участием в развернутых епархиальных проектах (благотворительность, образование и т.д.); имеет возможность не фиксировать формально свое участие в жизни прихода; может произвольно и без «внешней» серьезной причины (переезд и т.д.) менять приход и т.д.). Современная приходская практика не одобряет подобного поведения, считая его «духовным туризмом». При этом соответствующая книжная продукция, задающая систему оценок добросовестного прихожанина, склонна объяснять эти «вольности» былых времен строгостями советского периода с его «гонениями на православие». Более того. С научных трибун уже звучат тексты, резко осуждающие церковную жизнь этого периода [12]. Кстати, слова осуждения идут вразрез мыслью, высказанной Патриархом Пименом во время проповеди в Даниловом монастыре на праздновании 1000-летия Крещения Руси в 1988 г., где время

советских гонений было названо временем собирания Церкви, а время последующее - провидчески обозначено как «начало новых искушений».

2. Специфическим отношением к пространству (для «неоправославия» пространство православия – весь мир, но не в связи с тем, что оно, подобно марксизму, «единственно верное» учение и «потому всесильно» (формула, возможно, невольно позаимствованная советским марксизмом из арсенала «классического» имперского православия: при безусловной разнице содержания, способ отношения к нему весьма сходный, «индоктринирующий»). Вселенский характер православию в его «неоправославном» прочтении придает тот факт, что мир жаждет Слова Божия, и православию может его донести. В данном контексте, в частности, экуменизм Русской Православной Церкви советского периода приобретает не только политический и идеологический, но и собственно церковный и нравственный смысл; в то время как современная концепция русского православия как особой цивилизационной формы иногда выглядит несколько партикуляризированным геополитическим проектом, хотя и безусловно оправданным в глазах многих серьезных и ответственных теоретиков и деятелей Церкви в свете «падения Запада» в пучину содомии и прочих супермодернизационных процессов.

Вследствие этих изменений православие сегодня «спокойно» приравнивается не только к науке (под вывеской «внеконфессиональной теологии»), но и к особой религиозной идеологии; а Церковь выступает с позиций общественной организации, свободно и уверенно готовой критиковать действия и мысли тех, чьи действия и мысли не укладываются в предложенный идеологический формат. Взятое само по себе, такое положение дел («постнеоправославие») во многом повторяет ситуацию идеологизации религии в конце 19 века, «ответом» на которую и послужило – вначале «новое религиозное сознание», затем «неоправославие» советского периода.

Примечательно, что новейшая идеологизация религиозного пространства сегодня сопряжена с критикой «философии свободы», которая идет с двух диаметрально противоположных позиций. С одной стороны выступают «православные консерваторы», критикующие, в частности, Бердяева за то, что у него «слишком много свободы» [13], как-будто свобода – это не дар Божий, и всегда непременно означает отказ человека от Бога [Ср.: 14]. В данном контексте обычно реанимируются упреки со стороны советской идеологии в адрес позиции Бердяева: слабая философская аргументация (или даже ее отсутствие), связь с мистицизмом и гностицизмом (и едва ли не оккультизмом!), непонимание истинного православия и т.д. С другой стороны выступают критики православия, для которых Бердяев предстает чуть ли не вождем «неолиберализма», также разрушающего «старый» тип религиозности [15]. Напомним, однако, что до конца жизни Н.А. Бердяев принимал таинства в Трехсвятском приходе Русской Православной Церкви Московского Патриархата в Париже. Философия свободы была для него путем раскрытия сути христианского учения, но вовсе не его «заменителем». Статус «частного мнения», по сей день существующий в русском православии применительно к позиции названных здесь мыслителей, по всей видимости, кажется известной части российских идеологов и политтехнологов слишком «либеральным». В то же время, вероучительные представления, изложенные в наукообразном формате, имеют тенденцию заполнить не только идеологическое, но также образовательное и в целом коммуникативное пространство, «выдавливая» из него философию как «слишком» свободный способ рассуждения [16. – Ср.: 17].

Библиография:

1. Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. – 608 с.

2. Силантьева М.В. Критика языческой мистики Н.А. Бердяевым // Вестник славянских культур. №V-VI. - 2002. - С. 76-81
3. Н. Бердяев. Царство Духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 288-356.
4. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. – 448с.
5. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. – 480 с.
6. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. – М.: Высш. шк., 2005. - 237с.
7. Силантьева М.В. Философия свободы русской неопатристики. Н. Бердяев об А. Хомякове / А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. Сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., состоявшейся в 14-17 апреля 2006 года в г. Москве в Литературном ин-те им. А.М. Горького. Т.1. / Отв. ред. Б.Н. Тарасов. - М.: Языки славянских культур, 2007. – 728 с. - С.693-705.
8. Диякон Петр Шитиков. Хомяков в понимании Бердяева. Всеукраинский журнал «Мгарский Колоколь». Электронный ресурс: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/3943> (дата обращения 04.05.2015).
9. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского / Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства: в 2-х т. Т. 2. – М.: Искусство, 1994. – С. 7-150.
10. С.М. Капилупи. «Трагический оптимизм» христианства и проблема спасения: Ф.М. Достоевский. - СПб: Алетейя, 2014. – 288 с.
11. Черняев А.В. Фальшивое исполнение симфонии // НГ-Религия, октябрь 2012. Электронный ресурс: <http://religion.ng.ru/printed/274499> (дата обращения 02.11.2012).

12. Протоиерей Владимир Волгин, Приветственное слово участникам 16 Международной научно-практической конференции «Русское культурное пространство» / Архив автора.

13. Диякон Петр Шитиков. Н.А. Бердяев как историк русской религиозно-философской мысли. Автореферат на соискание ученой степени кандидата богословия. Электронный ресурс: <http://www.bogoslov.ru/data/063/193/1234/Шитиков.pdf> (дата обращения: 05.05.2015).

14. Григорий Нисский. Об устройении человека. Электронный ресурс: <http://www.vehi.net/nissky/nissky.html> (дата обращения 05.05.2015).

15. Черняев А.В. Проповедник теократической революции против государственной Церкви // НГ-Религия, 19.03.2014. Электронный ресурс: http://www.ng.ru/ng_religii/2014-03-19/5_berdiaev.html (дата обращения: 05.05.2015).

16. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. Электронный ресурс: <http://www.pravmir.ru/osnovy-ucheniya-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-o-dosto> (дата обращения: 05.05.2015).

17. Философия в соцсетях. Электронный ресурс: <http://www.m24.ru/articles/70222?attempt=1> (дата обращения: 30.04.2015).

Склизкова А.П.

ОБРАЗ ТРОИЦЫ В ЦВЕТОВОЙ ДРАМЕ

Г. ГАУПТМАНА «МИХАЭЛ КРАМЕР»

В произведении Гауптмана «Михаэль Крамер» («Michael Kramer») (1900) речь идёт о двух художниках – отце, имя которого вынесено в заглавие, и его сыне Арнольде. Старший Крамер – преуспевающий худож-

ник, работа – главное для него, трудолюбия и неустанных занятий требует он от сына. Арнольд наделён огромным талантом, но не пишет картины. Думы о несчастной любви к трактирщице Лизе, издевательства филистеров, непонимание домашних, кажущееся пренебрежение отца приводят Арнольда к мысли о самоубийстве. Крамер перед гробом сына осознаёт собственную неправоту, преклоняется перед величием и духовной красотой Арнольда, предполагается, что Крамер закончит картину, которая столь долго не удавалась ему.

Как видно из содержания, речь идёт о художниках, которые не пишут картины, о невозможности творчества, об отсутствии вдохновения. Возникает вопрос, что с этим связано, почему художник не может творить: Крамер старший в течении семи лет мечтает закончить большое полотно на сюжет о «человеке в терновом венце», но не делает этого. Похожая ситуация у Арнольда - он имеет талант, «искру», как определяет его дарования Крамер старший, но, подобно своему отцу, не пишет ничего.

Ответ на него может быть получен, если иметь в виду религиозный феномен драмы Гауптмана. В первую очередь необходимо учитывать столь важное для Гауптмана влияние мистических учений прошлого, в частности мысли Я. Бёме о категории *Warmherzigkeit*. По-русски это слово переводится как милосердие, сострадание, но перевод не совсем точен, трактовка Бёме гораздо масштабнее. «*Warm*» - усмотрение света в центре из светлой Вечности, «*Herz*» - обострение взора Вечности, которая обращается к самой себе, «*Ig*» - свет сияние, рождение любви и радости, «*Keit*» - вечное восхождение и возвышение, исполнение воли Отца. [1; 5] Следовательно, в *Warmherzigkeit*, по мысли Бёме, заложена тайна Троицы, её сакральная суть.

Следуя за мистической мыслью Бёме, Гауптман творчески её модернизирует. Он акцентирует основной момент истолкование тайны Троицы - таинственное божественное единение отца, сына и духа через любовь,

следуя в этом смысле за мистическими размышлениями, к примеру, Мастера Экхарта («отец изливается в сына, изменение обоих из любви есть установление святого духа»). Духовные проповеди). Однако тайна Троицы, мистически раскрываемая посредством саморождения бога, его самопостижения, не проникнута для Гауптмана высокой христианской моралью, христианское чувство сведено к минимуму. Это познавательная любовь, как и определил её Спиноза, духовного проникновения в тайны Любомудрия не ощущается. Постижение богом-отцом внутри себя своей собственной природы, когда Отец, любя, изливается в Сына, мыслится немецким драматургом как некий абстрактный вселенский акт. Его конкретика должна определяться человечностью, высшей нравственной любовью, тем, что Бёме определил как *Barmherzigkeit*. Именно так проясняется для Гауптмана тайна Троицы, бытиё которой мыслится им как вечный процесс божественного становления в человеческом субъективном духе. Главным в таком процессе являются страдания, они приобретают сакральный характер. Исследователь творчества Гауптмана К.Гуцке, не связывая идею страданий с постижением драматургом тайны Троицы, в то же время совершенно верно отмечает их глобальную суть. Он подчёркивал, что страдания — это вход в сверхчеловечность, в божественную сферу сознания...Только в страданиях осуществляется приближение человека к богу. Гауптман сакрализует таинство Единения, но оно (и именно данный момент оказывается наиболее убедительным, принципиально новым для его теодицеи), по его глубокому убеждению, существует не изначально, а проявляется постепенно — через страдания Сына. Любовь приобретается, духовно складывается, постепенно ощущается, этот процесс вечен, неизменен, в высшей степени многообразен в каждом отдельном случае.

Важно обратить внимание на то, что постижение Троицы внутри себя самого ощущается и воспринимается через бытиё света, божественный свет проникает в душу, озаряет её, высвечивает. Не случайно в самом зна-

чении слова «феномен», посредством которого может быть воспринято религиозное значение драмы Гауптмана, скрывается связь со светом — от греческого «*phainomenon*» - являющийся, кажущийся, становящийся видимым, это нечто такое, что подлежит освещению, высвечиванию. Феномен выявляет бытие света, Хайдеггер называет феномен сущим, тем, «что кажет себя и из себя самым разным образом» [3; 9] Феномен религиозности должен высветиться, стать сущим, раскрыть своё многообразное световое бытие.

Соответственно огромное значение приобретает пэтика цвета и света, именно через неё драматически представляется, лучше сказать выявляется, образ Троицы в драме Гауптмана «Михаэль Крамер». Следует иметь в виду и оценку Гауптманом великого венецианца Тинторетто. Ему немецкий писатель посвящает отдельный очерк, называет сыном красок, подчёркивая, что краски Тинторетто проникают во всё, горят огнём. У Тинторетто Гауптман находит чрезвычайно интересный приём — эманацию, Гауптман видит в мистическом процессе эманации излучение божественного света, столь важного для явления образа Троицы. Четыре драматических действия «Михаэля Крамера» драматически фиксируют постепенность подобного светового излучения. В рамках статьи особое внимание будет уделено последнему действию, в котором эманационные процессы, и, следовательно, постижение и ощущение тайны Троицы, наиболее ярко высвечены, о трёх первых действиях будет сказано обзорно.

Обращает на себя внимание то, что атмосфера всей драмы, вплоть до финального, четвёртого действия, тёмная, мрачная. Первое действие даёт драматическую цветовую установку - зимнее, сумрачное утро, около девяти часов, ещё темно, на столе горит лампа. При свете лампы Михалина — сестра Арнольда — разговаривает с матерью о брате и об отце. Это сумеречная беседа, навеянная темным зимним утром, беседа, которая ничего не проясняет, лишь доставляет внутреннюю боль и Михалине и госпоже Крамер. Во втором действии Гауптман показывает художника Крамера, в его

внешности два цвета — чёрный и белый (волосы чёрные с белыми прядями, одежда чёрная), мраком темноты окрашены и речи Крамера: сына называет негодяем, советует всем работать (повторяет слово «arbeiten» четыре раза в своём небольшом монологе), утверждает, что работа — это и есть жизнь, работать надо добросовестно, необходимо исполнять свой долг («Pflichten, Pflichten, das ist die Hauptsache»), главное — осознать всю серьёзность жизни («das Leben erkennen im ganzen Ernst»). Подобные речи странно звучат в устах художника, нет слов о вдохновении, о творческом призвании. Не случайно Гауптман вводит в текст Михаэля Крамера особым образом — сидит на софе и подписывает бумаги, в его кабинете находится обилие всевозможных предметов, но только не кисти и краски, он скорее похож на дельца, предпринимателя, чем на выдающегося художника.

Тёмный фон наиболее глубок во втором действии, в котором Гауптман показывает встречу отца и сына. Между ними существует достаточно сильное «цветовое» внешнее сходство: оба темноволосые, их глаза горят огнём, в одежде преобладают чёрные, мёртвенные оттенки. Не случайны в данной обстановке и гипсовые слепки, один из которых представляет собой посмертную маску Бетховена. В души обоих Крамеров не проникает свет божественной любви ни к миру, ни к друг другу. Михаэль Крамер невольно подавляет в сыне всякую радость жизни, в свою очередь Арнольд не хочет и не может довериться отцу.

Третье действие образует идейный центр драмы. Лахман рассказывает Михалине о картине её отца, Лахман видел спокойный лик Христа, как создал его Крамер, представляет Христа здесь, в этом чаду, во всём величии и чистоте [7; S. 1158], во время его рассказа смертельно бледный Арнольд выбегает из комнаты и скрывается в неизвестном направлении. Пик страданий Арнольда, представленных Гауптманом в третьем действии, даёт возможность определить героя как Христа, терпящего издевательства невежественной толпы. Сын Крамера драматически представлен как чело-

век в терновом венце, картину о котором не может закончить его отец. Недаром в последнем действии, всматриваясь в черты умершего сына, Крамер скажет: «Тот, кто лежит здесь, это я, это вы. Вы это сделали с сыном божьим, вы это сделали сегодня, как и тогда. И как тогда, он сегодня не умрёт» [7; S. 1170].

Фигура Христа - одна из центральных у Гауптмана. Философские концепции, в которых личность Христа является предметом исследования, близки и понятны Гауптману. Размышляя о боге Спинозы как единой субстанции, о боге Лейбница как высшей монады, немецкий драматург принимает для себя их мировоззренческую значимость. Восхищаясь Фихте, Шеллингом, Шлейермахером, Гауптман в то же время не может согласиться, например, с мыслями Фихте о боге, обладающего признаками создателя и правителя, но не признаками реальности. Гораздо ближе немецкому драматургу те философские размышления, в которых говорится о Христе как человеке. Так, Гауптман читает Гердера и особо выделяет его мысль, что религия — это прежде всего человечность, Христос — человек, он действительно существовал, Гауптман всегда, как он пишет, размышлял о Христе. Но особенно в Италии, при взгляде на картины Веронезе, возникло желание создать Христа и привести его в мир. Гауптман не просто представляет, а воочию наблюдает Христа, «вижу человека-бога, узнаю его в особенных ситуациях, Христос противостоит враждебным силам времени, Христос вечно парит во мне [6; S 46.]. Для Гауптмана Христос является в первую очередь страдающим человеком, а любой страдающий человек может быть сравним с Христом [4; S.253]. Драматург уверен, что в каждом человеке есть нечто божественное, с именем Христа связана в первую очередь любовь к ближнему, мучения Христа - ради любви, во имя неё, в любви заключается вся его божественная сила [8; S.66]. Христос – это странник на земле, лишь слегка замаскированный под бога, переодетый им, скрытый под вуалью [10; S. 38].

Современный исследователь У. Шпёрл подчёркивает особый процесс, происходящий в драмах Гауптмана — благодаря внутренней интенсивности переживания человек воскрешает в себе Христа [11; S. 332, 333]. Шпёрл имеет в виду раннее произведение немецкого драматурга «Апостол», в котором «герой, заглядывая в своё сердце, воспринимает Христа в себе самом» [11; S. 333]. (цитата: «бог во мне, я в боге, тогда и наступает слияние с вечностью, становятся реальными мёртвые доселе связи прошлого и настоящего» [9; S. 268]). Нечто подобное происходит в «Михаэле Крамере» - в герое приоткрываются божественные возможности, он объят божественным самооткровением, внутренне приобщается к богообразности. Но подобное приобщение, связанное с особым внутренним мистическим разговором, вершится в душе Крамера в тот момент, когда он распознаёт Христа не в себе, как Апостол прежде, а в своём умершем сыне. Он — Отец — чтит и поклоняется умершему Сыну, понимание его, любовь к нему возникла после земной кончины Сына.

Отец - Михаэль Крамер - произносит чрезвычайно важную фразу: «Kunst ist Religion». Об этом художник ранее говорил Лахману, повествуя, почему он не может писать картину о человеке в терновом венце — для этого нужно одиночество, должен снизойти святой дух, надо остаться наедине с вечностью, погрузиться в неё, тогда можно увидеть спасителя [7; S. 1135]. У Михаэля Крамера в данных речах сквозит то томление по сверхземному, которое было чрезвычайно остро ощутимо художниками романтической эпохи. Крамер мечтает о слиянии с универсумом, об искусстве, рождённом глубоким религиозным сознанием. Однако в его душе отсутствует важнейший религиозный момент — Любовь. Любовь являлась религией для романтиков, к любви как к глубокому религиозному чувству приходят герои следующей эпохи модерна, но лишь в тот момент, когда в их душе возникнет новая индивидуальная религия. Она в этой драме представлена как глубокое постижение тайны Троицы.

Драматическая инкарнация тайны Троицы, раскрытие её бытия в форме постоянного становления через страдания преподносится Гауптманом в последнем действии «Михаэля Крамера». Отец — художник Крамер - ощущает в себе самом процесс божественной эманации, рождение Троицы в своём сердце. Троица всегда была внутри него, но воспринимается только теперь, в тот момент, когда страдания сына, боль от его утраты заглушили все прошлые мелочные обиды.

Важно иметь в виду высказывание Гауптмана: «Когда дух здоров, мир приобретает краски и цвета» [4; S.708]. Подобного «здорового духа» и, соответственно, «красок и цветов» не показывал Гауптман на протяжении первых трёх действий. Драма о художнике оказалось чрезвычайно бедной в цветовом отношении, поскольку душа героев не озарялась божественным светом Любви. Парадоксальным образом произведение насыщается цветом тогда, когда трагические внутренние коллизии достигают апогея — Арнольд кончает с собой, а его отец, постарев сразу на 10 лет, как говорит Михалина, оплакивает сына. Однако именно это действие может быть прочитано живописно, осознанно через особый цвет — цвет свежей зелени. Подобный оттенок очень важен для Гауптмана. Он наблюдает зелёный луч во время заката, воспринимает его как что-то уходящее, связанное со смертью, но в то же время отмечает, что это природный свежий цвет, цвет жизни [5; S 14]. Смерть Арнольда пробуждает жизнь, пробуждает искусство.

Эманация, процесс, который Гауптман замечает на полотнах великого Тинторетто, связана у Крамера с постижением божественного начала — добра и любви - в себе самом. Оно высвечивается в его душе, внутренне прозревается, духовно ощущается, только теперь он постигает в полной мере собственные слова об искусстве, которая и есть религия. Внутренняя сущность искусства не способна проявиться сама по себе, она может быть

осознана через раскрытие тайны Троицы, через субъективное в неё проникновение, через приватное её переживание.

Характерен жест Крамера - он поднимает занавес над мастерской, тот занавес, который прежде был плотно задёрнут. Данный жест Крамера – знак особой встречи с миром, прежде всего миром собственного искусства, которое он готов теперь встретить, осознав Троицу в своей душе. Крамер раскрывает окно, что прежде не решался сделать, впускает свет вечерней зари в мастерскую, садится за мольберт и начинает работать. Не совсем ясно, что он пишет: может возникнуть предположение, что теперь Крамер, поглощённый страданиями, хочет закончить картину о человеке в терновом венце. Но, возможно, он продолжает работать над гравюрой, на которой изображён мёртвый рыцарь в доспехах. В тексте не сказано ничего конкретно, но главное — это сам процесс творчества, потребность в котором теперь наиболее сильна у Крамера.

Он, сталкиваясь со смертью, переживая и как бы приватно проживая её через своего сына, творчески воплощает её на художественном полотне. Сострадание и милосердие, *Barmherzigkeit*, по Бёме, осветила его душу особым светом прозрения - помогла почувствовать Отца в себе в тот момент, когда он потерял Сына.

Весьма существенна оказывается световая потребность у Крамера. Он пристально всматриваясь в черты умершего сына, говорит Лахману о своей жажде света, его надо добиться, открыть ему доступ («Wir wollen die Lichter aufstecken» [7; S. 1168]. Крамер зажигает много свечей (2 канделябра и 6 подсвечников), расставляет их вокруг гроба. Мистический свет погребальных свечей позволяет ему осознать величие смерти, понять, что смерть поднимает на небывалую высоту («Der Tod ist immer das Große“ [7; S. 1168]. Именно смерть высветила величие его сына, а при жизни, говорит Крамер, ему не удалось увидеть на лице сына ту ясность, которая лишь сейчас проступает на его лице. Смерть, разрушение приводит в итоге к

становлению, к новому познанию и признанию жизни. То, что невозможно было достигнуть при свете лампы – понимания – удалось добиться при свете погребальных свечей, расставленных на возвышении, на котором покоится тело Арнольда. Крамер обретает истинное религиозное сознание, поскольку отныне душа его пронизана Любовью, мистически ею освещается. Сейчас, ощутив величие смерти, соотнеся её с жизнью, связав с любовью, Крамер обретает глобальное мистическое единение с Вечностью, позволяющее герою ощутить ту свободу духа, которая необходимо для творчества («Tod ist auch mild wie die Liebe...Der Tod ist die mildeste Form des Lebens..der ewigen Liebe Meisterstück»). [7; S. 1172]. Однако мысленное перенесение в царство Вечности, ощущение контакта с ней, не даёт Крамеру душевного успокоения, напротив, вызывает многочисленные вопросы, ответов на которые у него нет.

Крамер задаёт вопросы вечности, бросает их в метафизическую пустоту, сомневается во всём, размышляет о потерях, о предполагаемом конце, о том, что жизненный праздник есть ничто, догматические церковные размышления не приводят к истине («..wo treiben wir hin? Warum jauchzen wir manchmal ins Ungewisse? Und was hast du gewust? Von irdischen Festen ist es nicht! - Der Himmel der Pfaffen ist es nicht!...») [7; S. 1172]. Благодаря смерти познаётся жизнь, проступает эманация души, свет лампы переходит в свет свечей, их причудливое сияние вызывает осознание возвышения в смерти, человек постигает тайну Троицы, обретает её в своей душе. Однако дальше подобной истины разум человека проникнуть не в состоянии, возникает растерянность перед вечностью, не случайно заключительные фразы преподносятся Гауптманом в качестве вопросительных предложений. Индивид, поражённый внутренним входом в божественное бесконечное, ощутив эманационный прорыв в него, останавливается мысленно, теряется перед вечностью, представшей перед его внутренним взором, застывает в мистическом молчании перед миром и перед самим собой.

Библиография:

1. Бёме Я. О тройственной жизни. Спб: Мирь, 2007.
2. Мастер Экхарт. Духовные проповеди. М: Политиздат, 1991.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. Спб: Наука, 2002.
4. Hauptmann G. Abenteuer meiner Jugend. Berlin und Weimar, 1980.
5. Hauptmann G. Griechischer Frühling. Berlin, 1908.
6. Hauptmann G. Italienische Reise. Berlin. 1976.
7. Hauptmann G Mihael Kramer // in Samtliche Werke. Berlin, 1966.
8. Hauptmann G. Tagebücher 1892 -1894. Frankfurt am Main, 1985.
9. Hauptmann G. Tagebücher1897 - 1905 Frankfurt am Main, 1987.
10. Hauptmann G. Tintoretto//Das Gesammelte Werke, Belin 1942.
11. Spörl U. Gottlose Mystik in der deutschen Literatur um die Jahrhundertwende. Paderborn;München; Wien Zürich 1997.

Слепков М.С.

ПРОБЛЕМЫ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПОСЛЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ 1861 Г.

До 60-х годов XIX века низшим административным органом управления в Российской империи была волость объединявшая несколько крестьянских общин. Отмена крепостного права в 1861 году поставило перед правительством новый вопрос о реформировании системы управления освободившимися крестьянами. Ответ на поставленный вопрос был найден в реформе государственной деревне, которая проводилась Киселевым в 1837-1841 гг. В ходе этой реформы, государственные крестьяне были организованы в сельские общества, соответствовавшие одному селению.

Этот опыт оказался успешным, что позволило правительству в 1861 г. распространить его на все остальные категории крестьянства.

Итак, с 1861 года низовым органом государственного управления в Российской империи было провозглашено сельское общество. Как и при проведении реформы Киселева, так при проведении отмены крепостного права сельское общество территориально совпадало с крестьянской общиной. При этом общинный строй жизни не только не был поколеблен новым законодательством, он еще более утвердился, благодаря тому, что реформаторы хотели, чтобы община помимо своих традиционных функций выполняла в отношении контроля над крестьянами и обязанности отстраненного от дел помещика[6]. В результате произошло сращивание двух разных институтов – общины как неформального сословного объединения и сельского общества как официального органа власти, подчиненного волости. В пользу этой точки зрения говорит, и тот факт, что в каждом сельском обществе было организовано мирское (общинное) управление, состоящее из сельского схода (мирского схода) и сельского старосты. Высшим органом местного управления был провозглашен сельский сход. Именно этому органу местного управления были дарованы обширные административные, социальные, податные и ряд других функций.

Сход представлял собой коллегиальный орган управления, где крестьяне-домохозяева должны были самостоятельно решать вопросы собственного благоустройства, напрямую приобщаясь к управлению сельским обществом, что открывало для них широкие перспективы.

Однако, в первые десятилетия данная система не могла функционировать так, как это было предусмотрено законом («Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»). В большинстве своем, крестьяне оказались не подготовлены для привлечения их к управленческой деятельности, сказывался недостаток образования и отсутствие опыта в данной сфере.

Активность общинников на сходах напрямую зависела от вопросов, которые выносились на обсуждение, многие из них не вызывали у сельчан энтузиазма. Так, по наблюдениям местного жителя одной из губерний Велikorossии, «крестьяне неохотно являются на сход, когда на нем предполагается привлечение к отбытию повинностей. Охотно идут, когда узнают, что результатом сходки будет выпивка, или, когда не знают, что будет обсуждаться на сходе, предполагая, что будет интересное»[7, с. 37].

Еще одним недостатком крестьянского управления стала несовершенная процедура выборов местных должностных лиц. Обычно участники схода либо хором соглашались с предлагаемым старостой претендентом, либо отвергали эту кандидатуру молчанием. В случае, когда часть домохозяев поддерживала кандидата, а часть хранила молчание, выборы начинали заново или предлагали другого кандидата. Выборы продолжались до тех пор, пока большая часть не одобрит предлагаемого на должность человека[7, с. 37].

Зачастую крестьяне не проявляли ни гражданской сознательности, ни честолюбия и старались всеми способами избежать назначения на должность.

Популярность любой выборной должности в среде крестьян была прямо пропорциональна доходу, который она приносила. Жалованье выборных должностных лиц было небольшим (например, жалование сельского старосты составляло всего 20-40 рублей в год[4]). Это объяснялось, тем, что крестьяне должны были совмещать свою должность с ведением хозяйства. На деле же им приходилось жертвовать или должностными обязанностями, или своим хозяйством. К тому же по мнению многих корреспондентов, крестьяне занимавшие выбранные должности, обладая реальной властью на месте, редко ею пользуются из боязни испортить отношения с односельчанами. Ответственность его велика, буквально за каждую «неотысканную в расходах копейку» отвечает он своим имуществом и даже

жизнью. С таким человеком, как со своим выборным, не станут церемониться, если он будет «выказывать власть». В связи с этим, распространенным было восприятие необходимости принять назначение на административную должность как досадной неприятности или даже горя для всей семьи[5, с.123]. Поэтому мужики смотрели на несение должности как на натуральную повинность и всеми способами пытались избавиться от нее. Так, например, архивные фонды земских начальников изобилуют прошениями крестьян об освобождении от должности сельского старосты, на которую они были выбраны сходами[8].

Нежелание крестьян исправлять должностные повинности заставляло иногда сельские общества выбирать на должность крестьян, давно оставивших деревню живущих в городе и совершенно отказавшихся от земледелия, но формально числившихся членами обществ[3]. Однако, чаще всего, в качестве взятки, кто-то из крестьян угощал водкой весь «мир», чтобы его не избирали на должность[8].

Еще одним недостатком крестьянского управления было отсутствие дисциплины. По данным, собранным В. Н. Тенишевым, нередким явлением было всеобщее застолье с распитием спиртных напитков после решения вопросов схода, случалось, что крестьяне-домохозяева приходили на сходы уже нетрезвыми. На сходе право «первого голоса» принадлежало, как правило, старосте, после чего давалась воля «главарям» (горланам или горлопанам) — эта «партия», по словам крестьян, составляет «по пьяному делу»[7, с. 37].

По замечаниям одного из респондентов этнографического бюро ведут себя крестьяне на сходах бурно, бывает все, за исключением, пожалуй, драк[9]. Обычно при обсуждении дел общего характера сход проходит спокойно, если же задеваются чьи-либо личные интересы, то «поднимается истинное столпотворение вавилонское»[9]. Крестьянин сдержан и уважителен по отношению к начальству только если он один, «но как только

вступает в общество... он делается упрям, настойчив, требователен до приказания, крича во весь голос: „Мир велит, мир велик человек!“».[9]

По мере роста крестьянского самосознания, распространения образования среди населения и деятельного участия земских начальников в общественном управлении села ситуация менялась в лучшую сторону. По мере ослабления патриархальных устоев и нарастания нового поколения крестьян, не знавшего крепостнических порядков, влияние деревенских патриархов на решения, принимаемые сходом, заметно ослабело. Крестьяне признавали, что к концу XIX в. на сходах стали пользоваться влиянием грамотные и знающие люди: «Дела на сходе решаются с большим порядком и толковее, потому что теперь бывают на сходе многие знающие грамоту и прочитавшие немало книжек. Вообще народ стал развитее»[2, с. 253].

Постепенно крестьяне начали осознавать смысл законов: собственные права и обязанности и возможности, которые они могли реализовать, принимая деятельное участие в решениях вопросов на сходах. «Прежде, было, что крестьяне мало понимали свои права и обязанности, и потому все дела на сходе решались под влиянием зажиточных – «мироедов» и «горлопанов». А теперь эти «горлопаны» положительно усмирились; потому, как только ввели земских начальников, наш земский начальник вследствие жалоб крестьян некоторых горлопанов за подобные проделки стал сажать под арест»[1].

Уже на рубеже XIX – XX веков по целому ряду вопросов на сходах начал распространяться иной тип выборов, так называемая «баллотировка шарами», то есть принятие решения большинством голосов и тайно. Такой способ чаще всего использовался для избрания сельского начальства, судей и объяснялся не только желанием снять обличения, но и был гораздо более точным[5, с. 123].

Таким образом, постепенно противоречия между проектом, изложенным на бумаге, и существующей действительностью стали сглаживаться, повышался уровень образования и инициативности крестьянского населения Российской Империи, и к началу XX века крестьянское управление стало приобретать очертания, все более приближенные к той модели, которая была описана в «Общем Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

Библиография:

1. Архив Российского этнографического музея. ф. 7. оп. д. 1161. л. 80.
2. Вениаминов П.П. Крестьянская община (что она такое, к чему идет и что может дать России). - СПб.: Изд-во «Трудовой союз», 1908.
3. ГАВО, ф. 204, оп. 3, д. 676, л. 1
4. ГАВО, ф. 794, оп. 28, д. 471, л. 6;
5. Земцов Л.И. Мирская жизнь великорусского крестьянства на рубеже XIX – XX вв. // Власть и народ: проблемы взаимодействия (XVII – начало XX вв.): материалы IV Бартеневских чтений. Липецк. 2010.
6. Миронов Б.Н. , Главные социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicitn/acta/16/boris/mironov-1.html> (Дата обращения: 8.9.2015)
7. Тенишев В.В. Административное положение русского крестьянина. - СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908.
8. Тутолмин С. Русские крестьяне и власть в канун 1917 года // Фонд имперского возрождения. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fondiv.ru/> (Дата обращения: 8.9.2015)
9. Фирсов Б.М., киселева И.Г. Структура повседневной жизни русских крестьян конца XIX века (опыт этносоциологического изучения)//

Социальные реалии вчера и сегодня. 1992г. с.11 [Электронный ресурс]
Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/821/730/1217/001.FIRSOV.pdf> (
Дата обращения: 8.9.2015)

Соловьева Е.С.

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ

В тысячелетней истории развития социальной работы выделяется несколько периодов, в каждом из которых прослеживается непосредственная связь с христианством. Неоспоримым фактом влияния христианства на становление социальной работы в России, является то, что Библию, по сути, считают первым «нормативным» документом, который систематизировал элементы системы социальной защиты, так как она послужила толчком к развитию социальной работы России. По мнению В.А. Гагена «призрение нетрудоспособных диктуется как этической основой организации призрения, так и директивой современного культурного государства и, поэтому, такую модель системы можно определить как *общественно-христианскую ...*» [1, С.159]. Христианизация русского народа, не могла не отразиться на его характере, формах помощи и поддержки человека, с ней связывают развитие милосердия и благотворительности русского народа. Ведь именно с этого времени начинает формироваться христианская концепция помощи, в основе которой лежит философия деятельной любви к Ближнему, по мнению Е.Ю. Костиной [2, С. 19].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля, «благотворительность» трактуется как «свойство, качество благотворящего», это определение подходит отдельной личности, а вот определе-

ние понятия «благотворение» имеет более широкий, философский смысл – «благодеение, добродейство, делание добра» [3, С.102]. Содержание термина «милосердие» вкладывается в современное слово «благотворительность». Уже в Евангелии от Матфея и в Евангелии от Луки так же упоминается эта истинно человеческая деятельность [4, Гл.6], однако, как говорят сохранившиеся свидетельства, «делание добра» происходило и в доевангельские времена, это были такие первичные формы социальной помощи, как «толоки», «примайтничество», «супряги» и т.д.

Читая страницы Священного Писания, мы видим, что уже в первых христианских общинах формируется система призрения, а у первых христиан имелось ярко выраженное стремление оказывать помощь бедным, дряхлым, хворым и неимущим. Русская традиция милосердия, по мнению видного отечественного историка В. О. Ключевского, во внешнем своем проявлении направлялась преимущественно в одну только сторону: "...человеколюбие на деле значило – нищелюбие. Нищенство, считалось в древней Руси, не экономическим бременем для народа, не язвой общественного порядка, а одним из главных средств нравственного воспитания народа, состоящим при Церкви практическим институтом благонравия..." [5, С.77].

Находясь под влиянием евангельского учения о милосердии, святой князь Владимир в числе первых показывал пример сострадательности к тем, кто нуждается в помощи – к убогим, нищим, сиротам. После принятия христианства Владимир занялся богоугодными делами: строил церкви, которые стали не только фундаментом веры, но и основами научного знания, книжного дела; основывал школы и училища, ставшие первой ступенью народного просвещения России [6, С.27]. Впитавшие в себя идеи христианства, активно занимались благотворительной деятельностью и другие князья. Русская Православная Церковь с самого начала взяла в свои руки заботу о людях, лишенных средств к существованию. Следует отметить

роль и значение Церкви в благотворительной деятельности, которая особенно возрастает после Стоглавого Собора 1551 года, когда государство стало стремиться регулировать благотворительность церквей и монастырей. Во времена Смутного времени в Москве голод, вызванный рядом тревожных событий, побудил Первосвятителей Сергиевой обители открыть для голодающих монастырские житницы с хлебом. Петр I, следуя примеру Людовика XIV, требовал повсеместного устройства по губерниям "гошпиталей", то есть приютов, для всякого рода призреваемых, заботился о помещении инвалидов по монастырям и приказывал строить по городам, на церковных дворах, приюты для принятия "зазорных" детей, на тех же основаниях.

Девяностые годы, ушедшего в историю столетия, ознаменованы бурными переменами, вызванными реформированием финансово-экономической системы. В этот исторический период особенно пострадали те, кто не может, причем не по своей вине, заработать себе на хлеб: тяжело больные, престарелые, инвалиды, сироты, беженцы, вынужденные переселенцы, появляется новая клиентела в социальной работе, и этом случае основным профессионально – этическим началом уже профессиональных социальных работников, служит христианская мораль.

Следует отметить и огромную роль Отдела по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата, образованного в январе 1991 года. Церковь сегодня энергично проявляет себя во многих сферах общественной жизни. В уповании на помощь Божию, расширяется поддержка и помощь, тем, кто ждет от церкви сочувствия и участия, церковь практикует такие формы благотворительности как: детские приюты и сиротско-воспитательные дома, комитеты по призрению нищих и бедных, дома престарелых, богадельни, ночлежные дома и др. Проводит выдачу денежных пособий нуждающимся, в том числе погорельцам.

За годы своего существования Русская православная церковь накопила большой опыт милосердно-благотворительной деятельности, которая сегодня активно возрождается. Духовное возрождение – это не только строительство храмов, открытие монастырей, это – создание храмов в душах людей, возрождение милосердия и великодушия, столь свойственных когда-то русскому Православию.

В XX веке создавшаяся культурно-историческая ситуация потребовала иных принципов интеграции и иных форм поддержки и защиты населения нашей страны, социальная помощь становится профессиональной деятельностью. Профессиональные качества специалиста социальной работы, как – милосердие, терпимость, стремление помогать людям имеют непосредственную связь с христианизацией русского православного человека жизни людей и взяты за основу современной социальной работы. Такие виды технологий социальной работы как: социальная диагностика, социальная профилактика, социальная реабилитация, социальная коррекция, социальная терапия, ориентируют на целостный подход к человеку, учитывают его интересы, потребности, ценностные ориентации, способствуют мобилизации потенциала внутренних сил личности для решения возникших проблем и трудностей. Все эти технологии использовались и православной церковью в досоветский период и в современной жизни. Изучая опыт благотворительной деятельности православной церкви, от истоков до сегодняшних дней, специалист социальной работы развивает и воспитывает у себя такие качества как милосердие, терпимость и духовность, что в конечном итоге, позволяет делать социальную работу не только для человека, но и во имя человека.

Библиография:

1. Гаген Владимир Александрович // Краковский К.П. «Право бедного на призрение» Нить времени: (Биографии преподавателей юридическо-

го факультета Варшавского – Донского – Ростовского университета)/ Ростовский государственный университет. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 2003. – С. 159.

2. Костина Е.Ю. История социальной работы// Костина Е.Ю. – Владивосток: – Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. – С. 19.

3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах// В. Даль. – СПб.: – Москва: Издание книгопродавца топографа М.О. Вольфа, – 1880-1882г. – 102 с.

4. Евангелие от Луки – гл.6.: <http://biblia.org.ua/biblia/in2.html>.

5. Ключевский В.О. «Добрые люди Древней Руси»// Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. Москва, 2010. – С.77.

6. Павленок П.Д. Основы социальной работы: Учебник// Павленок П.Д. – М.: ИНФРА-М, 1999. – С. 27.

Сухова Т.А.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИКОНЫ – ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

В начале этого столетия, пятнадцать лет назад, в стенах Владимирского института усовершенствования учителей появилась своя региональная программа «Русская школа», цель которой заключалась в целенаправленном духовном воспитании подрастающего поколения. Идея была не нова: ещё во второй половине девятнадцатого века её выдвинул К.Д.Ушинский, но педагогическое сообщество двадцать первого века увидело в этой идее национализм и «отсутствие толерантности». Увлечённость компаративистикой (сравнительной педагогикой), идеями Запада не

дали им возможности увидеть важность и современность воспитания главных составляющих духовности: знаний, эмоций, воли, воображения, веры, на которые была ориентирована программа курса. Их выпады против программы заставили авторов переименовать его в «Основы православной культуры земли Владимирской», оставив не тронутой концепцию и культурологический подход в обеспечении её содержания, что было отмечено рецензентами разного уровня как положительная особенность, отличающая эту программу от других подобной направленности.

Мало кто задумывается, какую роль сыграло православие в формировании самобытной культуры Владимирской земли. Это литература и музыка, праздники и быт, архитектура и живопись. И всё это формирует самоценность знания, вызывает бурю эмоций, будит воображение, тренирует волю и воспитывает верность вере своих предков.

Неотъемлемой частью русской культуры стала иконопись. Пришедшая из Византии она включила в себя неисчерпаемую глубину русского самосознания, сам дух русского народа, воплощенный в образах. Только очень ограниченный интеллект не заметит, что русская иконопись таит в себе огромный педагогический потенциал, который при умелом и грамотном использовании может служить духовному и культурному созиданию личности. Педагогический аспект какого-либо явления – это потенциальные педагогические возможности, заложенные в нем, при раскрытии которых возможным становится осуществление таких задач педагогики, как обучение, воспитание и развитие личности. Но мы наблюдаем, что в современном образовательном процессе недостаточное внимание уделяется изучению русской духовной культуры (и иконописного искусства в частности), которая является источником духовного развития русского народа.

Огромная значимость иконописных изображений и сюжетов заключается в отражении духовных идеалов, в которых выражены понятия о непреходящих нравственных ценностях, о человеческом достоинстве. К

ним обращались как к образцам и руководителям в своей жизни. Образы, составляющие сюжеты икон, некая искаженность пропорций, обратная перспектива, по которой строится иконописное изображение - все это близко детскому восприятию. Детское сознание воспринимает икону как нечто близкое, присущее сознанию ребенка, она вызывает у него воспоминания о собственных его рисунках. С детства приученный к эстетике иконы человек позже не будет чуждаться не только бессознательного, но и молитвенного, и искусствоведческого восхищения пред нею.

Важнейшая особенность иконы - это ее каноничность. Если картина создается художником в соответствии с собственным воображением, то икона пишется по установленному веками канону - своду определенных правил, по которым строится иконописное изображение, которые обуславливают его сюжет. Воспитательное значение канона заключается в том, что он обуславливает строгость, сдержанность и некую дисциплинированность изображаемого на иконах, в которых благодаря канону нет ничего случайного, а все обусловлено необходимостью.

Краски иконы символичны. Цвет принадлежит предмету или событию и является средством выражения духовного состояния или объемной видимости предмета. В иконе главное - лик святого, озаренный сиянием вечности, остальные детали второстепенны. Они написаны предельно лаконично, как будто с нарочитой упрощенностью, чтобы показать, как все земное не сравнимо с небесным, что единственное ценное в мире - это преображенный благодатью человек. В иконе лики неподвижны и статичны. Но эта неподвижность таит в себе огромный внутренний динамизм. Статичность иконы - это как бы ее внутреннее движение, это вечный полет души ...

Русская икона является неким "наглядным пособием", иллюстрирующим не только Священное Писание, но и события из истории Руси. Зрительные образы легче запоминаются детьми и содержание, скрытое за ни-

ми, воспринимается легче, чем текстовая информация. Глубокое нравственное содержание дает возможность на примере произведений русской иконописи раскрыть сущность основных моральных ценностей, таких как добро и любовь, красота и истина, любовь и патриотизм, терпимость, дружба и т.д.

Очень важно, чтобы вошедшая в жизнь школьников икона открывала сознанию и чувствам святость материнства, гармонию единства, жертвенность страдания, силу милосердия, терпения и, наконец, всеобъемлющую Любовь.

Необходимо не только открыть красоту иконы, но и, не останавливаясь на достигнутом, проникнуть в ее духовный смысл, который мы находим в ее линиях, красках, символах, образах, т. е. в «смысловой» красоте.

Икона – это прежде всего рассказ о событиях Священной истории или житие святого в картинах. Здесь на первый план выдвигается ее экспрессивно-психологическая функция – возбудить в зрителе чувства сопереживания, сострадания, умиления, восхищения и т.д., а соответственно и стремление к подражанию изображенным персонажам. С этим связывается и нравственная функция иконы – формирование в созерцающем ее любви и сострадания, смягчение человеческих душ.

Икона является выразителем и носителем главного нравственного принципа христианства – всеобъемлющей любви к людям как следствия любви Бога к ним и людей к Богу.

Духовность иконы заключается, однако, не только в этой реальности движения от дольнему к горнему, но и в обратном — от небесной сферы к земной, от Бога к человеку в мистическом акте схождения Божией благодати через икону. Православное средневековое сознание понимало икону как носитель благодати, святости, открывающий верующим путь восхождения к Богу с Его помощью. Духовное искусство, как и само понимание духовности, Русь унаследовала от Византии, преобразив его в соответ-

ствии со своими местными духовными потребностями». Под духовностью, в данном случае, В. В. Бычков имеет в виду «уникальное свойство произведения искусства приводить зрителя в созерцательно-медитативное состояние, выводить его дух на уровень сверхсознания». Наконец, икона является поклонным образом — ей поклоняются. «Поклонение есть знак благоговения, то есть умаления и смирения». Поклоняются в иконе не ее материи, а образу, запечатленному в ней, и адресовано это поклонение самому прообразу.

В процессе восприятия содержания иконописного изображения исследователи различают следующие уровни: восприятие конкретного изображения, символическое прослеживание основной мысли произведения, морально-учительная сторона, молитвенное общение с Первообразом.

Таким образом, мы можем рассматривать икону как средство воздействия на ребенка, ибо икона воздействует на его мыслительную сферу, эмоциональный настрой, приобщает к русской православной культуре, оказывает благотворное влияние на его духовное состояние. Все это дает возможность рассматривать икону как один из способов духовно-нравственного развития личности учащихся.

Библиография:

1. Девятова, Г.Н. Педагогический аспект идей о русской иконе в трудах отечественных мыслителей XX века / Г.Н. Девятова // Народ. – 2012. – №2. – С. 219-223.
2. Ильин, И.А. Основы христианской культуры / И.А. Ильин. – М.: Эксмо, 2011. – 59 с.
3. Лазарев, В.Н. Византийское и древнерусское искусство / В.Н. Лазарев. – М.: Наука, 1978. – 333 с.
4. Лепяхин, В.В. Функции иконы. Икона и образ / В.В. Лепяхин. – Сомбатхей, 2011. – 90 с.

**ПЕРИФЕРИЙНЫЕ/ПЕРЕХОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ РУССКОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ И ИХ АНАЛИЗ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (РКИ)**

Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 15-24-01007 а(м)

Первое место среди методов обучения русскому языку как иностранному принадлежит коммуникативному методу, первостепенной же образовательной задачей – формирование коммуникативной компетенции, под которой понимается способность «решать средствами иностранного языка актуальные для учащихся и общества задачи общения из бытовой, учебной, производственной и культурной жизни; умение учащегося пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения» [1;109]. В процессе коммуникации фразеологические средства выполняют важную стилистическую функцию, эмоционально и экспрессивно характеризуют многие явления и факторы действительности.

Вопросы, связанные с включенностью единиц русской фразеологии в программу обучения русскому языку как иностранному, рассматриваются в работах таких учёных, как Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Морковкин, В.М. Мокиенко, Е.И. Мотина, А.Н. Немова, Ю.Е. Прохоров, Л.И. Степанова, В.П. Фелицина, Н.В. Чернова и др. Исследователи подчёркивают, что во фразеологии отражен национальный характер, опыт народа, его отношение к окружающему миру и его оценка.

Обращение к указанной теме на занятиях с иностранцами помогает формировать лингвистическую, речевую, социолингвистическую, социокультурную и социальную составляющие коммуникативной компетенции.

Система упражнений, которая будет предложена ниже, направлена на то, чтобы помочь студентам глубже проникнуть в дух изучаемого языка, оценить своеобразие русской национальной культуры и традиций и сформировать основы межкультурной коммуникации. Особую значимость на занятиях может иметь региональный компонент, в нашем случае это примеры фразеологических единиц, найденных в произведениях замечательного владимирского писателя С.К. Никитина (в таблице они отмечены *).

Изучение фразеологизмов на занятиях по РКИ содержит в себе огромный образовательный, воспитательный и развивающий потенциал. Усвоение фразеологических единиц иностранными учащимися требует целенаправленной, специально организованной работы.

Успешность проведения занятий основана на двух взаимосвязанных факторах: заинтересованности студента в тематике и максимальная вовлеченность его в активное обсуждение. Отправной точкой занятий по данной теме становятся задания, которые, в свою очередь, предусматривают употребление фразеологических единиц в реальных жизненных ситуациях.

При проведении занятий фразы, устойчивые сочетания слов и фразеологические единицы, необходимые в данной ситуации общения, рекомендуется выписать на доске и обратить на них внимание учащихся до проведения, например, диалога.

Проблемные задания – удачная форма проведения коммуникативного мероприятия. Их цель – научить кратко высказывать своё мнение, вносить предложения, запрашивать информацию, сравнивать, соглашаться или опровергать утверждения других участников мероприятия, при этом использовать ранее изученную лексику, в том числе наиболее распространённые фразеологические единицы.

В качестве проблемных заданий учащимся можно предложить следующее:

Проведите интервью на тему «С какими правилами речевого этикета вы знакомы?», используя фразеологизмы данной тематической группы.

1 группа (речевые формулы приветствия)	2 группа (речевые формулы прощания)	3 группа (используемые в процессе общения)
Добро пожаловать *	Будь здоров	Будь добр
Доброе утро (день, вечер)	В добрый путь	Будь любезен
Какими судьбами!	В добрый час	Молодой человек*
С добрым утром	Всего доброго *	Очень приятно
Сколько лет, сколько зим	Всего хорошего	Приятного аппетита
	До скорого свидания	Прошу прощения
	Не поминай лихом	
	Ни пуха, ни пера	
	Пора и честь знать	
	Счастливого оставаться	
	Счастливого пути *	
	Спокойной ночи	

2. Создайте устную карту маршрута, которому вы следуете, идя в университет. При этом используйте фразеологизмы данной тематической группы, например,

еле-еле; тихо-тихо; в двух шагах; тащиться нога за ногу; ползти как черепаха; одна нога здесь, другая там; мчаться как ошпаренный; пятки сверкают; держать путь; плыть как лебедь; идти прямой дорогой; мчаться очертя голову; лететь (бежать) пулей; ноги до колен стерлись,

завести разговор, изъявить намерение, испытать чувство, получить удовольствие.

Дискуссия носит более сложный характер, и для её проведения необходимо, чтобы учащиеся имели лингвистический опыт, умение формулировать, аргументировать и отстаивать свою точку зрения и, следовательно, выстраивать более распространённое, нежели в репродуктивных заданиях, высказывание, а значит, и употреблять больше фразеологизмов. «Желание реагировать, аргументировать, спорить на интересующую тему – это стимул для порождения неподготовленной речи, что способствует развитию и формированию коммуникативных навыков и умений. Дискуссия относится к наиболее продуктивным видам коммуникативных мероприятий» [2;76]. Учащимся можно предложить следующие темы для проведения дискуссий:

1. **«Что такое богатство для человека?».**

Используйте фразеологизмы данной тематической группы (*дрожать над каждой копейкой, душа нарастает, сводить концы с концами, класть зубы на полку, и так и сяк, лезть из кожи вон, хлеб насущный, прийти в восторг, шито-крыто; окунуться с головой и т.п.*).

2. **«Любовь – это зло или благо».**

Используйте фразеологизмы данной тематической группы (*и так и сяк, окунуться с головой, от всей души, не сводить глаз, вселить надежду, бок о бок, трепать нервы, потерять рассудок, лить слезы и т.п.*).

Составление рассказа или диалога стимулирует учащихся к связному высказыванию, активизирует употребление не только отдельных структур, выражений и фразеологических единиц, над которыми ведётся работа в определённый момент, но и большого количества сопутствующего материала. Поэтому этот вид работы лучше использовать для повторения усвоенного ранее материала.

Следует отметить, что все необходимые значения фразеологизмов и переходных явлений студенты находят во фразеологическом словаре или минимуме, предложенном в упрощенном варианте преподавателем на занятии.

Таким образом, при усвоении фразеологических единиц и переходных явлений русской фразеологии учащимися в значительной мере облегчается процесс коммуникации, происходит формирование мотивации к общению. Владея навыками общения с использованием указанных лексико-семантических единиц, учащиеся в меньшей мере испытывают такие проблемы, как недостаток языковых и речевых средств для решения поставленной задачи, переход на родной язык и т.п. Использование коммуникативных заданий с использованием переходных единиц русской фразеологии и собственно фразеологизмов значительно обогащает занятия, делает их полезными для учащихся и поддерживает интерес к изучению русского языка.

Библиография:

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов. – СПб., 1999.
2. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить: для преподавателя русского языка как иностранного / А.А. Акишина, О.Е. Каган. – М.: Русский язык, 2008. – 255 с.
3. Мокиенко В.М. Учебная идеография и учебная фразеология // Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного. – Воронеж, 1984.
4. Нефедова М.А., Лотарева Т.В. Страноведческий материал и познавательная активность учащихся // Иностранные языки в школе. – 1987. – № 6. – С. 26-28.

5. Новикова, Т.А. Формирование основ русской культурной компетенции у иностранцев, изучающих русский язык // Русский язык за рубежом. – 2000. – № 3. – С. 4.

6. Янко-Триницкая Н.А. "Штучки-дрючки" устной речи // Русская речь. – 1968. – № 4. – С. 48-52.

Торопова Е.С.

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЯХ В РАМКАХ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

9 июня 2015 г. вышло распоряжение правительства Российской Федерации № 996-р, подписанное премьером Дмитрием Медведевым. Этот документ утвердил стратегию воспитания в РФ до 2025 года на базе традиционных ценностей. «Стратегия опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством», — говорится в документе [1].

Определяется и цель воспитания: «Приоритетной задачей РФ в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины» [1].

Еще в 2011 г. будучи еще президентом, Дмитрий Медведев на встрече с представителями православной общественности в рамках Десятой

церковно-общественной выставки-форума «Православная Русь» говорит следующие слова: «Хранителем непреходящих ценностей для нашей страны, непреложных истин в нашем государстве выступает православие. Оно помогает огромному количеству наших людей не только найти себя в жизни, но и понять, казалось бы, нехитрые вещи, например, что значит быть русским, в чём миссия нашего народа, что в определённый период сделало наш народ великим, самобытным, что в какой-то момент создало для нашего народа, для нашего государства, для православной церкви большое количество испытаний» [2, с 40-41].

Теперь уже всем стало понятно, в основе духовно-нравственного здоровья нашего народа во главу угла необходимо ставить *традиционные ценности*, являющиеся *универсальной* основой такого здоровья.

В 2013 году на Рождественских чтениях Святейший Патриарх Кирилл привел замечательный образ, сравнив традиционные ценности народа с прекрасным сокровищем, неким колье из драгоценных камней, заметив, что все камни-самоцветы в этом драгоценном колье держаться как на некой связующей нити, на непреходящих нравственных ценностях, данных человеку Богом [3].

Представляется очевидным, что в наше время особо важное значение приобретает вопрос о корректности употребления различных терминов и при этом сфера употребления каждого из них должна быть четко ограниченной. Что же мы понимаем под традиционными ценностями и чем они отличаются от европейских ценностей? Теперь уже и лидеры нашего государства официально заявляют, что тема традиционных духовных ценностей имеет первостепенную важность. Те кризисные явления, которые становятся все заметнее в современном мире, имеют своим упадок западной цивилизации, заменившей ценности традиционного общества ценностями гуманизма и либеральной демократии. Немецкий философ Вальтер Шубарт (1897–1941) почти сто лет тому назад писал, что «русский облада-

ет...теми душевными предпосылками, которых сегодня нет ни у кого из европейских народов....Запад подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности и связи, но лишил его души. Задача России в том, чтобы вернуть душу человеку. Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе» [4, с. 256].

В книге «Европа и душа Востока» Шубарт пишет: «Русский человек добр не из чувства долга, а потому, что это ему присуще, что он иначе не может. Это нравственность не рассудка, а сердца. У европейца – человек человеку волк, всяк за себя, всяк сам себе бог; поэтому все против всех...Англичанин хочет превратить мир в фабрику, француз – в салон, немец – в казарму, русский – в церковь. Англичанин хочет добычи, француз – славы, немец – власти, русский – жертвы. Англичанин хочет наживаться от ближнего, француз – импонировать ближнему, немец – командовать ближним, а русский ничего от него не хочет. Он не желает превращать ближнего в свое средство. Это братство русского сердца и русской идеи. Русский всечеловек есть носитель нового солидаризма» [4, с.345].

Совсем не случайно на Западе давно родилось выражение: «русские – самый непокорный народ на земле, их не могли сломить ни оружие, ни угрозы физического уничтожения, ни голод, ни холод, ни другие чудовищные испытания. Русских можно убить, уничтожить физически, но завоевать, покорить – никогда...»[5].

Термин «европейские ценности» впервые в нашей стране появился в педагогическом обиходе в конце 90-х гг. XX века и не имел четко определенных смысловых рамок. Прежде всего, он подразумевал ориентацию на культурную традицию Западной Европы. Сегодня под видом европейских ценностей зачастую нам предлагаются только американские ценности.

Казалось бы, термин «национальные ценности» является гораздо менее спорным и вполне совместимым с термином православные ценности.

Известно, что дословным переводом с греческого и латинского языков слова народность был термин «язычество», а в современных условиях попытка поставить на первое место в системе православного образования и воспитания понятие национальные ценности автоматически влечет за собой развитие радикальных настроений, которые могут возникать не только на исламской почве. По существу своему такие настроения в современном обществе, даже если они используют православную символику, не могут считаться оправданными.

Из этого следует сделать вывод о том, что при правильном понимании термины «европейские ценности» и «национальные ценности» могут органично входить в систему духовно-нравственного воспитания школы. При правильном употреблении эти термины не будут противоречить друг другу и их использование может послужить тому, чтобы выпускник современной школы вырос не жителем абстрактной европейским жителем, а подлинным патриотом своей Родины, чей патриотизм имеет твердую основу традиционных ценностей.

Говоря о традиционных ценностях, мы опираемся не только на учение православной Церкви, но и на исконные нравственные представления, сложившиеся в нашей стране за тысячелетие ее исторического бытия. Безусловно, основой российской национальной культуры и этики является Православие. Несмотря на все тяжкие испытания, выпавшие нашему народу, несмотря на трагические повороты его исторического пути, основа эта осталась незыблемой. В то же время, мы не должны забывать о том, что требования человеческой совести универсальны, их Господь вложил и «в сердца язычников» [6].

Патриотическая идея – одна из ключевых в формировании человеческой личности. Идея патриотизма первоначально формируется как чувство патриотизма, выражающееся в любви к своим родным, ближним, любви к

своей Родине. Патриотизм охватывает чувство ответственности за свою судьбу, судьбу своих ближних и своего народа.

Наряду с патриотичностью в русской национальной культуре ценностны такие понятия как «правда» и «справедливость». Это выражается в вечном поиске идеи «Правды» и «Справедливости» во всем мироустройстве, во взаимоотношениях людей. Издавна сформировался православный идеал справедливости, который был в душе русского человека своего рода компасом в море жизни. Его лучше всего сохранил в своей генетической памяти русский язык и донес до наших дней. *«Лжей много, а правда одна»; «Без правды жить легче, да помирать тяжело»; «Как ни хитри, а правды не перехитришь»; « У Бога правда одна»; «Правда из воды, из огня спасает»; «Завали правду золотом, затопчи ее в грязь – все наружу выйдем»...*

В устойчивой иерархии традиционных ценностей с идеей справедливости тесно сопрягалась другая основополагающая идея – «нестяжательства». Суть ее заключалась в преобладании духовно-нравственных мотивов жизненного поведения над материальными интересами. В противоположность западной индивидуалистической и прагматической традиции русские мыслители подчеркивали, что в России преходящие земные ценности (к примеру, частная собственность) никогда не возводились в ранг священных, русские не склонны были поклоняться «золотому тельцу».

В иерархии ценностей культуры русского народа приоритетное значение всегда имел «труд» как высшее мерило смысла жизни и предназначения человека.

Таким образом, восстановление традиций и духовное обогащение общества невозможно без обращения к Православной традиции. Сегодня говорят об "открытом образовательном пространстве". Открывание этого пространства навстречу опыту Русской Православной Церкви в сфере духовной творческой деятельности – это объективная реальность. Актуально

обращение к традициям дореволюционного отечественного образования и воспитания, в которых духовно-нравственное содержание православной традиции занимало важное место. Православный подход к решению проблем образования и воспитания предполагает, прежде всего, духовное осмысление жизненных явлений и следование религиозным духовно-нравственным представлениям о человеке.

В Евангелии от Иоанна мы слышим слова Иисуса Христа, сказавшего о Себе: «Я есмь путь и истина и жизнь» [7]. Для последователей Христа Спасителя высшие ценности не есть какая-то абстракция в мире идей: высшие ценности осуществляются как жизнь во Христе. Хранителем этих высших ценностей была и остается православная Церковь. Путем к осуществлению этих ценностей является жизнь по заповедям Божиим, по заповедям Евангелия. Бесчисленное множество святых — подвижники и праведники в своей жизни осуществили идеал Христа, в котором Истина, Добро и Красота пребывают в жизненном единстве.

Следует отметить, что сегодня образование призвано не только передавать информацию, а, прежде всего, воспитывать в современных детях устремленность к Истине, любовь к ближнему, к своему Отечеству, его истории и культуре – в современном мире это должно стать задачей школы не в меньшей, а может быть и в большей мере, чем преподавание знаний.

Поэтому опыт воспитательной системы православной гимназии сегодня более чем необходим для современной школы для построения собственной воспитательной системы, основанной на традиционных ценностях.

Цель работы Владимирской православной гимназии перекликается со Стратегией воспитания, утвержденной Д.А. Медведевым: создание оптимальных условий для формирования творчески развитой, социально ориентированной личности, с устойчивой системой духовных ценностей, спо-

собной реализовать свои таланты в новой социальной и экономической среде во имя Божье и на благо государства.

Чтобы достичь этой цели нужно понимать, что она достижима, только если ученик воспринимает идеалы Православия не формально. Тогда, закончив образования в гимназии, он живет с ощущением своей духовной сопричастности ко всему, что его окружает. Такой ученик имеет живой интерес к происходящим событиям; питает искренние, добрые чувства к людям; постоянно устремлен к Богу; обладает высокоразвитым чувством ответственности за свои действия, слова, мысли; проявляет чувство милосердия и сострадания к людям, так как другой человек имеет для него сакральную ценность как образ и подобие Божие; знает и любит добро, творит добро. То есть он несет в себе те самые традиционные ценности.

Какими же методами может воспользоваться сегодняшняя школа для воспитания детей, которые будут воспринимать традиционные ценности как свои собственные?

Это, прежде всего, следующие мероприятия, которые организует Владимирская православная гимназия:

- Создание в рамках воспитательной системы гимназии чреды событий, посвященных одной теме, в которые ребенок включен непосредственно как участник. В качестве ключевого события выбирается определенная тема, на которую нанизываются последующие события и которую ребенок проживает как свою собственную историю. Эта практика называется проживанием исторических событий. Ведь только тогда учащийся сможет ощутить боль и трагедию жизни других людей как свою собственную и соответственно воспримет все ценности данного события через свои личные переживания, которые таким образом станут его личными переживаниями.

В воспитательной системе гимназии уже разработана такая программа по духовно-нравственному воспитанию «Город Светлоград». На дан-

ный момент уже опробовано 5 проектов, в которых подробно разработаны все акции и мероприятия.

2009-2010 г. – «65 свеча». Год 65-й годовщины Великой Победы.

2010 – 2011г. – «Небеса». Год 50-летия полета человека в космос.

2011 – 2012 г. – «Ратное поле России». Год 50-летия со дня смерти и 125-летия со дня рождения святителя Афанасия (Сахарова) епископа Ковровского, небесного покровителя нашей гимназии, год 200-летия Бородинского сражения, год 770-летия сражения на Чудском озере. Год Российской государственности.

2012 – 2013 г. – «Родная речь». Год литературы.

2013 -2014 г. – «Неугасимая лампада». Тема проекта - милосердие . Год 100-летия Первой Мировой войны, 15-летия возрождения деятельности Св.-Георгиевского Сестричества и 10-летия Св.-Алексиевского Детского Сестричества гимназии.

2014 -2015 г. – «Непобедимая Победа». Год 70-летия победы в Великой Отечественной войне.

События, происходящие во время проекта, могут иметь разные формы - спектакли, акции, литературные и музыкальные композиции, создание буклетов, газет, концерты, и т.д.

Главное – что все они объединены одной тематикой и дети в данных событиях являются не зрителями, а непосредственными участниками, то есть их деятельность в той или иной акции можно охарактеризовать как сотворчество. Это и есть главное условие воплощения всех замыслов педагога.

Данная программа комплексных мероприятий по духовно-нравственному воспитанию является Победителем Всероссийского конкурса в области педагогики, воспитания и работы с детьми школьного возраста и молодёжью до 20 лет на соискание премии «За нравственный подвиг учителя» в 2011 г.

В 2014 г. Владимирская православная гимназия вошла в тройку лучших школ г. Владимира, став лауреатом городского конкурса «Лучшие школы города Владимира».

- Создание детских организаций, выполняющее функции духовно-нравственного воспитания и социализации учащихся.

Одиннадцать лет назад во Владимирской православной гимназии была создана детская церковно-общественная организация «Свято-Алексеевское Сестричество». Девочки и мальчики Сестричества посещают нуждающихся в социальных, образовательных и медицинских учреждениях (Дом инвалидов, Дом ветеранов, Детский психиатрический диспансер, детские сады, школы и др.) с концертами и выступлениями, приуроченными к православным праздникам. При Сестричестве работает патронажная служба, девочки и мальчики проводят большую работу в гимназии с отстающими учениками, отвечают за дежурство и порядок в гимназии. Гимназический хор – это тоже Сестричество. Сестры и братья милосердия участвуют в богослужении – поют, читают Часы, Св. Апостол. Данная деятельность и есть практическое закрепление духовно-нравственных ценностей Православия.

В 2015 г. деятельность Свято-Алексеевского Сестричества получила высокую оценку на государственном уровне. Оно было награждено нагрудным знаком «Горячее сердце» Фонда социально-культурных инициатив Светланы Медведевой.

- Создание музейных экспозиций, отражающих деятельность исторических личностей, воплотивших в себе традиционные ценности.

В 2011 г. при гимназии был открыт музейный уголок, посвященный небесному покровителю гимназии святителю Афанасию Сахарову. Это стало возможным в рамках грантового конкурса Благотворительного Фонда Серафима Саровского «Православная инициатива». Сейчас, в 2015 г. гимназия готовит новый музейный проект «На Божественной страже», по-

священный религиозному философу С.И. Фуделю. Этот проект воплощается в жизнь так же благодаря грантовому конкурсу Благотворительного Фонда Серафима Саровского «Православная инициатива», который наша гимназия выиграла в 2015 г.

Таким образом, опыт, наработанный в последнее время православной гимназией г. Владимира доступен всем и может быть использован в других учебных заведениях. Представляется очевидным, что ученик, который в процессе обучения и воспитания становился не просто пассивным участником, а соавтором и сопричастником происходящего приобретает лично значимые духовно-нравственные ориентиры в дальнейшей жизни. А воспитание на традиционных ценностях в обстановке характерного для нашего времени мировоззренческого многообразия, в котором не так просто разобраться, позволит учащимся воспитать в себе лучшие нравственные начала и стать подлинными патриотами своей страны не впадая при этом ни в какие крайности.

Библиография:

1. Сайт «Правительство России» <http://government.ru/docs/7446/>.
2. Из выступления Дмитрия Медведева на встрече с православной общественностью в рамках Десятой церковно-общественной выставки-форума "Православная Русь", приуроченной ко Дню народного единства.// "Право и безопасность", декабрь 2011, № - 3-4 (40-41).
3. Сайт «Православие и мир». www.pravmir.ru .
4. Шубарт В. Европа и душа Востока. - М., Русская идея, 2000 – с. 256
5. Лосский Н.О. Характер русского народа.- М., 1991
6. Книга Деяний, Посланий святых апостолов. – М., Спасское братство, 2011 - Деяния св. Апостолов, глава 15.
7. Библия. – М., Изд. Московской Патриархии, 2013 – Ин. 14:6

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВИЧ КИПРИЯНОВ
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В.Ф. Киприянов, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка Владимирского государственного педагогического университета, оригинальный, самобытный языковед, автор 40 научных и научно-методических работ в области лексикологии, фразеологии, морфологии и синтаксиса современного русского языка, родился 14 марта 1925 г. в деревне Кирьянова Исетского района Тюменской области. Отец в первые годы советской власти работал председателем сельсовета, затем на уральских заводах, мать – крестьянка. Из юношеских стихов Владимира Фёдоровича можно узнать о его нежной сыновней любви и о трудной судьбе его матери: «Года твои, мать, неглубокие, / А кажешься ты уж старухой, / Как будто отравлена опиумом, - / И жизнь твоя в этом порукою. / В замужество, мать, тебя выдали/ Девчонкой шестнадцатилетнею; / И ты с той поры только видела / Работу и тьму беспросветную». Счастье матери было в сыновьях – Иване, участнике двух войн, и Владимире: «И лира моя сейчас призвана/ Воспеть дорогую, родимую, / В сынах своих счастье нашедшую, / Воспеть её долю кручинную...» («Мать моя». 20 июля 1945 г.).*

После смерти отца, ещё до Великой Отечественной войны, семья переехала к родственникам в г. Тюмень. С 1941 по 1943 г. Владимир Фёдорович был студентом Тюменского учительского института. Из воспоминаний профессора МГУ Веры Арсеньевны Белошапковой, работавшей в те годы в Тобольском учительском институте Тюменской области, можно составить некоторое представление об уровне преподавания и о жизни студентов и преподавателей в суровые годы войны: «В 1939 году я стала преподавателем Тобольского учительского института. Были в то время такие

как бы «полувысшие» учебные заведения, с двухлетним сроком обучения, они готовили учителей 5-7 классов. Среди учебных дисциплин, которые мне пришлось вести, самым для меня трудным был курс современного русского языка. В Омском пединституте, который я только что окончила, этот курс был очень кратким и не давал сколько-нибудь основательных знаний. В те годы у студентов и у преподавателей не было солидной учебной литературы» [2: 93]. И ещё: «Вести с войны в 1941-1943-м годах были мрачные, это очень угнетало. В Тобольске в то время было очень неудобно: голодно, холодно, мы сами заготавливали дрова для института, вместе с Виктором Владимировичем пилили их на берегу Иртыша» [2: 93].

Преподавателям кафедры русского языка Тобольского учительского института (из 5 преподавателей кафедры только один был кандидатом наук) повезло: осенью 1941 г. сюда был выслан из Москвы будущий академик В.В. Виноградов, который в 1934 г. был осуждён за переписку с Н.С. Трубецким и два года отбывал наказание в Вятке. К началу войны судимость с Виноградова снята не была, так что он считался «социально опасным элементом» и – в связи с военным временем – не мог проживать в Москве [15: 83-88; 6: 13-17]. Вскоре в Тобольск, по воспоминаниям В.А. Белошапковой, «эвакуировался Омский педагогический институт – его здание занял госпиталь, и оба вуза объединили под именем старшего из них – Омского пединститута. Виктор Владимирович стал заведующим кафедрой русского языка этого вуза». Побеседовав с преподавателями кафедры, В.В. Виноградов начал работу над повышением их квалификации: сверх своей учебной нагрузки на первый год назначил для преподавателей «Общий курс истории русского языка», а на второй – «Современный русский язык» [2: 94-95].

Понятно, что не лучше обстояло дело с преподаванием русского языка и в Тюменском учительском институте, после окончания которого В.Ф. Киприянов в 1943-1945 гг. работал учителем в 8-9 классах средней

школы № 21 г. Тюмени. Восемнадцатилетний учитель был почти ровесником со своими учениками, которые за строгость и серьёзность наградили его прозвищем «папаша». Преподавание в школе Владимир Фёдорович совмещал с учёбой в Тюменском педагогическом институте, где в это время работал доцентом и деканом факультета русского языка и литературы эвакуированный из Москвы Николай Николаевич Прокопович, будущий доктор филологических наук, профессор МГПИ им. В.И. Ленина, один из выдающихся советских синтаксистов. В конце 60-х гг. XX в., уже будучи доцентами Владимирского пединститута, мы вместе с Владимиром Фёдоровичем были на одной из научных конференций в Москве. Мне нужно было навестить Н.Н. Прокоповича, у которого я пять лет учился в МГПИ им. В.И. Ленина, а затем три года в аспирантуре и накануне защиты кандидатской диссертации по его совету в 1965 г. приехал на работу во Владимир. Владимир Фёдорович изъявил желание поехать со мной. Между ними состоялась продолжительная беседа. Они вспоминали суровые военные годы, голод, холод, неустроенность тогдашней жизни в Тюмени, знакомых преподавателей и студентов, а я с большим интересом слушал и был благодарен Владимиру Фёдоровичу за то, что он помог мне узнать столько нового из многотрудной жизни моего учителя.

Из скупых рассказов Владимира Фёдоровича о его студенческой жизни в Тюмени мне известно, что после занятий в холодных аудиториях ему приходилось в поисках пропитания искать случайную работу, например, пилить и колоть дрова, ездить на уборку картофеля в колхоз и т.д. Кроме того, он в составе отряда добровольцев разъезжал по области с целью оказания помощи семьям фронтовиков, готовил для фронта лыжников-десантников, участвовал в художественной самодеятельности. Сам Владимир Фёдорович в армию призван не был: будучи лыжником-перворазрядником, он часто выступал в соревнованиях и в одном из них лишился глаза, но беда не приходит одна. Вскоре после этого в поездке по

железной дороге он потерял ногу (ступню и часть голени) и всю жизнь ходил на протезе.

После окончания пединститута в 1946 г. В.Ф. Киприянов продолжал работать в школе и одновременно на 1-м курсе техникума советской торговли в Тюмени, где познакомился со своей будущей женой Марией Назаровной. После свадьбы молодые переехали жить на Украину, в г. Львов, где Владимир Фёдорович работал учителем средней школы № 47 (1947-1949 гг.), но влажный климат Львова оказал вредное влияние на здоровье В.Ф. Киприянова, особенно на лёгкие. Семья возвратилась в Тюменскую область, в г. Ялуторовск, к родным Марии Назаровны. Владимир Фёдорович в течение двух лет, с 1949 по 1951 г., работает завучем семилетней школы № 1. Последующие семь лет В.Ф. Киприянов преподаёт современный русский язык в институтах г. Тобольска Тюменской области: в учительском (1951-1954) – сначала в должности ассистента, старшего преподавателя, а в конце работы в этом учебном заведении исполняет обязанности заведующего кафедрой русского языка и литературы; в педагогическом институте – в должности старшего преподавателя и декана филологического факультета (1954-1958).

Очень важным этапом в формировании В.Ф. Киприянова как учёного-языковеда является его обучение в аспирантуре в Москве (1958-1961). Он жил в общежитии МГУ, получил возможность общаться с крупными языковедами, работать в Библиотеке им. В.И. Ленина; определилась тема его кандидатской диссертации – «Нечленимые предложения в современном русском языке». Научный руководитель В.Ф. Киприянова, доктор филологических наук, профессор МГУ Евдокия Михайловна Галкина-Федорук, одобрила тему диссертации, но предупредила: «А не боитесь поломать зубы?». Проблема нечленимых предложений, или слов-предложений, как их чаще всего называли, действительно оказалась не из тех, которые удобны для своевременного представления кандидатских

диссертаций к защите после трёх лет пребывания в аспирантуре. Владимир Фёдорович напряжённо работал над темой в течение 10 лет, изучил, как он выражался, «предысторию вопроса», поскольку истории как таковой просто не было, проштудировал горы научной литературы по общему языкознанию и русскому языку, а также по смежным наукам – философии, логике, психологии; собрал и тщательно проанализировал огромный языковой материал и получил выводы, имеющие несомненную научную значимость и ценность.

С 1961 по 1996 год В.Ф. Киприянов работал во Владимирском педагогическом институте (с 1993 г. – педуниверситет), где прошёл путь от ассистента кафедры русского языка до профессора, а с 1974 по 1985 г. заведовал этой кафедрой. По рекомендации своего коллеги по работе ещё в Тобольском пединституте Александра Борисовича Пеньковского, будущего классика отечественной филологии и основоположника лингвистической герменевтики, разгадавшего многие загадки художественного текста и словаря пушкинской эпохи, в то время старшего преподавателя кафедры русского языка Владимирского пединститута, Владимир Фёдорович приехал побеседовать с заведующим кафедрой русского языка доцентом Анатолием Михайловичем Иорданским с целью устройства на работу. Как вспоминал много лет спустя Владимир Фёдорович, к беседе присоединился доцент Сергей Арсеньевич Фессалоницкий, известный синтаксист и методист. Результатом двухчасовой беседы, сопровождавшейся экскурсионной прогулкой по историческому центру Владимира, было приглашение В.Ф. Киприянова на должность ассистента кафедры русского языка.

Владимирский период научной и педагогической деятельности В.Ф. Киприянова оказался самым продолжительным и исключительно плодотворным: опубликованы его основные работы (27 из 31 публикации, в том числе две книги и несколько учебно-методических пособий), а 9 работ остались в рукописи. В течение семи лет (1961-1968) он много и целе-

устремлённо продолжает работать над своим главным научным трудом – «Нечленимые предложения в современном русском языке» (Владимир, 1968), где решены или поставлены все проблемные вопросы, связанные с научным обоснованием его оригинальной и глубоко продуманной синтаксической и общелингвистической концепции: 1) о нерасчленённой мысли, 2) о сущности грамматической предикативности, 3) о лексическом значении неполнозначных (с точки зрения функционально-семантической) частей речи – *дейктических* (местоимений-существительных, местоимений-прилагательных и местоимений-числительных, а также слов-коммуникативов как особой части речи) и *релятивных* (междометий, модальных слов, частиц, союзов и предлогов), причём дейктические части речи с функционально-синтаксической точки зрения являются самостоятельными (конструктивными), как и полнозначные (номинативные) части речи – *имена* (существительное, прилагательное, числительное), *глаголы* (инфинитив, финитив, причастие, деепричастие), *наречия* и *предикативы*, а релятивные части речи – несамостоятельными (неконструктивными), служебными; 4) вопрос о семантической эквивалентности фразеологизмов релятивным словам; 5) вопрос о «логикализации» релятивных слов; 6) вопрос о квалификации междометий и модальных слов как слов релятивных (функционально-семантический аспект) и служебных (функционально-синтаксический аспект); известно, что В.В. Виноградов структурно-семантические типы слов разделил на *части речи* (существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, категорию состояния) и *частицы речи* (частицы, предлоги, союзы), а модальные слова и междометия не относил ни к частям речи, ни к частицам речи, т.е. ни к знаменательным, ни к служебным словам [4: 44]; 7) вопрос о квалификации коммуникативов как особого лексико-грамматического класса слов.

Диссертация В.Ф. Киприянова, представленная для предварительного обсуждения на заседание Совета по присуждению учёных степеней сек-

ции языкознания факультета русского языка и литературы МГПИ им. В.И. Ленина, вызвала много вопросов, связанных прежде всего с такими понятиями, как нечленимость мысли, соотношение нечленимой мысли с суждением, понятием, с «логикализацией» частичных слов, модальных слов и междометий при функционировании в качестве нечленимого предложения, с лексическим значением служебных слов и с их коммуникативным значением и т.п. Председатель Совета, зав. кафедрой общего языкознания МГПИ им. В.И. Ленина, доктор филологических наук профессор Иван Афанасьевич Василенко, прочитав на обложке автореферата заголовок «Нечленимые предложения», отодвинул в сторону автореферат и сказал Владимиру Фёдоровичу: «Не знаю таких!». В.Ф. Киприянов, возвратив автореферат на прежнее место, попросил: «Почитайте, Иван Афанасьевич, - узнаете». Первый официальный оппонент доктор филологических наук профессор Виктор Петрович Сухотин высоко оценил диссертацию В.Ф. Киприянова и нашёл работу серьёзной и оригинальной. Более того, он посоветовал автору расчленить диссертацию на две части, при этом меньшую представить как кандидатскую, а бóльшую – как докторскую. Действительно, не только по объёму, но и по обилию привлечённого языкового материала, по глубине исследовательской мысли и значимости обобщений и выводов диссертация В.Ф. Киприянова больше соответствовала не кандидатской, а докторской.

В 50-60-е гг. XX в. сложилось представление о кандидатских диссертациях как основанных на большом языковом материале научных сочинениях молодых исследователей, развивающих идеи научных руководителей, т.е. своего рода квалификационных работ, выполненных с ориентацией на определённую научную «школу». Помню, как сетовал мой учитель Н.Н. Прокопович на отсутствие в диссертациях некоторых своих аспирантов самостоятельности мысли: «Не люблю, когда меня повторяют: ведь мне самому интересно знать, как всё это обстоит на самом деле». При обсуж-

дении диссертации Владимира Фёдоровича на кафедре русского языка ВГПИ перед тем, как её представить в Москву, А.Б. Пеньковский сказал, что работа Киприянова написана не для получения учёной степени, а для торжества науки. Мне приятно было услышать на одной из научных конференций в г. Орле, как Владимира Фёдоровича называли «отцом нечленимого предложения».

И действительно, речения типа *Ого!*, *Разве?*, *Отнюдь*, *Конечно*, *Комедия!*, *Здорово!*, *Спасибо*, *Вот так клюква!*, *Ну и ну!* и др. в работах В.Ф. Киприянова получили серьёзное, многоаспектное освещение как коммуникативные и предикативные синтаксические единицы, а также как структурный тип простого предложения [8; 9]. Мы привыкли к формулировкам вроде: «Предложение выражает мысль», «Предложение выражает относительно законченную мысль» и т.п., но дефиниции понятия «мысль» в строго терминологическом смысле этого слова В.Ф. Киприянов не мог найти в работах по логике и по лингвистике, поэтому предложил своё определение: «Полагаем, что эта единица (мысль) может быть квалифицирована как определённым образом организованное единство понятий, представлений и образов в их взаимосвязях и взаимоотношениях». Отсюда следует, что «мысль и понятие – две соотносительные, но разные единицы мышления, каждая из которых существует в присущих ей формах» [9: 7].

Слова и фразеологизмы в функции нечленимых предложений объединяются в лексико-грамматический класс *коммуникативов* по следующим признакам: 1) выражение целостной, нерасчленённой мысли, 2) неизменяемость, 3) функционирование в качестве нечленимого предложения. Слова-коммуникативы делятся на две группы: 1) *не соотносимые с другими частями речи как омонимы*: а) слова с общим значением побуждения (*цыц*, *ша*, *брысь* и др.), б) с общим значением оценки или отрицания (*амба*, *браво*, *баста* и др.), в) слова с некоторыми другими значениями (*спасибо*, *эврика*, *алло* и др.); 2) *соотносимые с формами разных частей*

речи как омонимы: а) омонимичные именным словоформам (*беда, пустое, комедия* и т.д.), б) местоименным словоформам (*всё, каково, ничего, как, так*), в) глагольным словоформам (*брось(те), постой(те), помилуй(те), будет, хватит* и др.), г) наречиям (*тихо, верно, довольно, здорово, здорово, ладно* и др.), д) частичным словам (*а, вот, но, ну, то-то* и др.) [9: 12-14; 11: 88-99].

В.Ф. Киприянов установил место нечленимых предложений среди структурных типов простого предложения. Существовавшие об этом представления были лишены единого логического основания; например, АГ-1952-54 гг. относил их к предложениям односоставным [5: 5], в работах В.В. Бабайцевой они включены в ряд «двусоставные /односоставные/нечленимые» [1: 22]. Владимир Фёдорович предлагает в качестве первого разбиения признать различие членимых и нечленимых предложений, а членимые делятся на двусоставные и односоставные; дальнейшее деление внутри двусоставных и односоставных – на полные и неполные, а внутри полных и неполных различаются нераспространённые и распространённые [9: 16].

В кандидатской диссертации В.Ф. Киприянова уже намечены те проблемы, которыми он занимался в течение последующих десятилетий своей жизни. В области *лексикологии* разрабатывается типология лексических значений для системного осознания особого типа лексического значения – *коммуникативного* [13; 14]. Выстраивается ряд функциональных типов лексических значений: номинативное, дейктическое, релятивное и коммуникативное. В области *морфологии* на основе разграничения принципов и критериев классификации слов по частям речи и классификации самих частей речи представлена оригинальная система частей речи, установлено место *коммуникативов* как особой части речи дейктического характера [10: 79-87; 11: 86-87]. В области *фразеологии* В.Ф. Киприянову принадлежит заслуга разработки проблемы фразеологизмов-коммуникативов [12]. В

области *синтаксиса*, помимо проблемы нечлененого предложения, Владимир Фёдорович занимался *типологией сказуемого*, выделив многокомпонентное сказуемое в составе как глагольного, так и именного типов [7]. Он различал 7 разновидностей сказуемого: простое глагольное (*писал*), составное глагольное (*стал писать*), сложное глагольное (*хотел писать*), многокомпонентное глагольное (*хотел начать писать*), составное именное (*был учителем*), сложное именное (*вернулся учителем*), многокомпонентное именное (*хотел быть учителем*) [3: 84-87]. *Словосочетание* В.Ф. Киприянов понимал широко и считал его не номинативной, а релятивной единицей [3: 74-79]; в сфере *многокомпонентных предложений* им выделены три типа: 1) открытой структуры, 2) усложнённые и 3) комбинированные [3: 106-114].

Свои лингвистические идеи В.Ф. Киприянов внедрял в вузовскую практику преподавания русского языка. Он является инициатором создания коллективного кафедрального учебного пособия «Виды лингвистического анализа» [3], где 70% текста принадлежит перу Владимира Фёдоровича. В «Предисловии» к пособию отмечалось: «Преподаватели кафедры русского языка Владимирского государственного педагогического института им. П.И. Лебедева-Полянского сделали попытку согласовать и чётко определить теоретическую основу разных видов лингвистического анализа, выработать унифицированные схемы анализа и единые требования к студентам» [3: 4]. Понятно, что унификация требований и схем анализа понуждала отдельных преподавателей «поступить в учебных целях некоторыми своими научными симпатиями или антипатиями... Однако эта уступка вовсе не требовала от преподавателя полного отказа от выражения перед студентами своих методологических и научных взглядов и позиций», которые могли «быть доведены до сведения студентов в теоретических лекционных курсах, спецкурсах и спецсеминарах...» [3: 4].

Лингвистические идеи В.Ф. Киприянова были хорошо известны и за пределами Владимирского пединститута. Так, например, идея нечленимых предложений, противопоставленных в системе языка членимым предложениям (двусоставным и односоставным), нашла отражение в программах педагогических институтов, утверждённых Управлением учебных заведений Министерства просвещения СССР [16: 16; 17: 26-27].

Проблема коммуникативов как лексико-грамматического класса слов, выражающих цельную мысль и функционирующих в качестве однословных нечленимых предложений, по мысли самого Владимира Фёдоровича, «нуждается в дальнейшем исследовании и обсуждении», а пока «трактовка соответствующего класса слов» как особой части речи «является не категорическим утверждением, а научной гипотезой» [11: 99].

В 70-е-80-е гг. XXв. В.Ф. Киприянов много и напряжённо работал над проблемой частей речи, в частности – слов-коммуникативов и фразеологизмов-коммуникативов в современном русском языке. В 1985 г. Владимирский пединститут проверяла очередная министерская комиссия, председатель которой при подведении итогов поинтересовался, как у Владимира Фёдоровича обстоят дела с подготовкой к защите докторской диссертации, на что был получен ответ: «Диссертация в процессе компоновки». Трудно назвать какую-либо одну причину, вследствие которой докторская диссертация В.Ф. Киприянова так и не была представлена к защите в течение последующего десятилетия его жизни (он скончался 7 марта 1996 года). Монография «Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке» была опубликована в 1983 году в Москве, в издательстве Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской; появились в центральной печати, в том числе в журнале «Филологические науки», в «Учёных записках» ряда вузов, статьи Владимира Фёдоровича по теме его докторской диссертации. Однажды (это было в конце 80-ых гг.) на мой вопрос о защите диссертации он ответил так: «Мне

со словами-коммуникативами уже всё ясно». Вполне возможно, что В.Ф. Киприянову не хотелось тратить время и здоровье, которое заметно ухудшалось, особенно зрение, на оформление диссертации, на поездки в Москву, на сбор документов, поиски оппонентов и проч. Во времена так называемой перестройки процедура защиты диссертаций до такой степени формально осложнилась, что даже физически здоровые соискатели далеко не всегда благополучно завершали эти искусственно созданные чиновниками от науки «хождения по мукам». Теперь, по прошествии трёх десятилетий, принятое тогда Владимиром Фёдоровичем решение мне представляется наиболее целесообразным: он публикует важные для понимания его синтаксических построений статьи – «Словосочетание как релятивно-номинативная синтаксическая единица» (1986), «О дейктивности коммуникативов» (1989) и «Коммуникативы именного происхождения» (1990); перерабатывает написанные им разделы учебного пособия «Виды лингвистического анализа» в расчёте на его переиздание; размышляет над проблемой типологии сверхфразовых единств как синтаксических единиц высшего порядка.

В.Ф. Киприянов был опытным вузовским преподавателем с 45-летним стажем работы. На высоком научно-методическом уровне, постоянно используя новейшие достижения русистики и результаты собственных научных разысканий, он читал профилирующий курс «Современный русский язык», вёл семинарские и практические занятия, спецкурсы и спецсеминары по проблемам общей теории частей речи, общей и русской фразеологии, конструктивно сочетая теоретические положения науки с практическими нуждами вузовского и школьного преподавания. На русских, узбекских и венгерских студентов, а также на аспирантов и соискателей кафедры русского языка производила огромное впечатление самая манера чтения лекций (Владимир Фёдорович обычно не пользовался никакими записями, даже иллюстративный материал – вплоть до многокомпо-

нентных сложных предложений – держал в памяти), он завораживал слушателей логически безупречным ходом своих рассуждений; поражало умение вычленить главное, найти единый принцип классификации материала. Лекция порой заканчивалась словами: «Прошу запомнить и понять основное, а «лирику» почитаете в учебниках».

Тысячи учителей русского языка обязаны В.Ф. Киприянову своей лингвистической подготовкой, многие из них приобрели прочные навыки исследовательской работы как авторы курсовых и дипломных сочинений, выполненных под его руководством.

В трудные годы застоя кафедра русского языка, возглавляемая В.Ф. Киприяновым, не утратила своих традиций: продолжались поездки студентов в диалектологические экспедиции, был создан учебный историко-этнографический музей, вышли из печати четыре монографии по проблемам фразеологии, морфологии и синтаксиса современного русского языка, проводилась большая работа над словарём сравнений и словарём языка М. Горького, разработана единая система учебно-исследовательской работы студентов, внедрён в учебные занятия просеминарий, обобщён опыт вузовской методики преподавания лингвистических дисциплин, опубликованы два сборника методических статей.

В.Ф. Киприянов был социально активной личностью, а в науке – «возмутителем спокойствия». На конференциях разных уровней в его докладах и сообщениях предмет обсуждения нередко представал перед участниками с неожиданной стороны, заставляя их усомниться в незыблемости сложившихся представлений. Перед началом одной из конференций в МГПИ им. В.И. Ленина он поделился со мной своими соображениями по теме выступления: «Знаешь, как хочется *запустить ежа под череп*».

В течение многих лет Владимир Фёдорович был членом Научно-методической комиссии по русскому языку Министерства просвещения РСФСР, руководил координационно-методическим советом факультета,

методологическим семинаром преподавателей кафедры русского языка, был председателем факультетской организации общества «Знание», выступал с лекциями и докладами во Владимирском институте усовершенствования учителей, в базовых школах, на школьных факультативах, перед слушателями школы молодого лектора на факультете и филологической школы для учащихся старших классов, а также перед рабочими – с беседами о культуре русской речи.

За многолетнюю плодотворную научную, преподавательскую, административную и общественную работу В.Ф. Киприянов был награждён министерским значком «Отличник народного просвещения», медалью «Ветеран труда», грамотами Министерства просвещения СССР и Владимирского горкома КПСС, другими наградами и поощрениями.

Владимир Фёдорович был не только глубоким, оригинальным учёным, талантливым педагогом, требовательным наставником студенческой молодёжи, но и скромным, добрым, отзывчивым человеком, прекрасным семьянином - внимательным мужем, заботливым отцом двух дочерей (Ольги и Натальи) и любящим дедом двух внуков (Виталия и Антона). Сколько я его помню (а мы проработали вместе более тридцати лет) он всегда много читал как специальную, так и художественную литературу, классическую и современную – так называемые толстые журналы. Даже во время непродолжительного летнего отдыха в спортивно-оздоровительном лагере педагогического института, когда портилась погода, Владимир Фёдорович организовывал чтения вслух или шахматный турнир (у него был разряд по этому виду спорта). В хорошую погоду он любил собирать грибы, ягоды, а главное – обрабатывать их, делать заготовки на зиму. Он знал толк в садоводстве; сбор и заготовку ягод и фруктов называл *сладкой торговлей*, но всегда с охотой этим занимался. Очень любил готовить рыбные блюда, но рыболовом не был. По состоянию здоровья он не мог участво-

вать в спортивных соревнованиях по волейболу, но в качестве судьи его часто можно было видеть на волейбольной площадке. Любил плавание.

В.Ф. Киприянов прожил достойную, содержательную жизнь, наполненную неустанным, каждодневным трудом исследователя и педагога, он познал радостное чувство удовлетворения, свойственное первооткрывателям, дожил до признания современниками некоторых из его лингвистических идей и их внедрения в вузовскую практику преподавания современного русского языка.

*Блокнот с юношескими стихами В.Ф. Киприянова 1941-1946 гг. и другие материалы из семейного архива были любезно предоставлены мне Ольгой Владимировной Киприяновой, за что приношу ей сердечную благодарность.

Библиография:

1. Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. – Воронеж, 1967.
2. Белошапкова В.А. Мир его мыслей – русский язык // Русская речь. – 1989. – № 5.
3. Виды лингвистического анализа. Учебное пособие для студентов факультетов русского языка и литературы педагогических институтов и учителей средней школы / Под редакцией доц. В.Ф. Киприянова. – Владимир, 1977.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.-Л., 1947.
5. Грамматика русского языка. Т.II. Синтаксис. Часть вторая. – М.: Изд. АН СССР, 1960.
6. Земская Е.А. «Не могу жить без мыслей о языке...» // Русская речь. – 1985. - № 3.

7. Киприянов В.Ф. Структурные типы сказуемого в современном русском языке // Вопросы современного русского литературного языка, диалектологии и методики. Материалы первой научной конференции кафедр русского языка педвузов Уральской зоны. – Свердловск, 1960.

8. Киприянов В.Ф. Нечленимое предложение в русском языке как особый структурный тип простого предложения // Русский язык в школе. – 1961. – № 5.

9. Киприянов В.Ф. Нечленимые предложения в современном русском языке. Автореферат дис. ...канд. филол. наук. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1968.

10. Киприянов В.Ф. Коммуникативы как лексико-грамматический класс слов в русском языке // Филологические науки. – 1975. – № 3.

11. Киприянов В.Ф. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1983.

12. Киприянов В.Ф. Фразеологизмы-коммуникативы в современном русском языке. Состав фразеологизмов-коммуникативов. Вып. 1. – Владимир. 1975.

13. Киприянов В.Ф. О функциональных типах лексических значений // Ученые записки Владимирского пед. ин-та. Вып.3. – Владимир. 1970.

14. Киприянов В.Ф. Функциональные типы как основа типологии лексических значений слов (К постановке вопроса) // Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. Т.278. Вып.17. – М., 1970.

15. Малышева-Виноградова Н.М. Страницы жизни В.В. Виноградова // Русская речь. – 1989. – № 4.

16. Программы педагогических институтов (для специальности № 2101 «Русский язык и литература» с дополнительной специальностью «Педагогика»). Сборник № 2. – М.: Просвещение, 1979.

17. Программы педагогических институтов. Сборник 3. Для специальности № 2101 «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1980.

**ПИСАТЕЛЬ-НАРОДНИК И.Н. ХАРЛАМОВ О БАЗОВЫХ
ЦЕННОСТЯХ РУССКОГО НАРОДА И ФОРМАХ
ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ**

В современном мире остро ощущается потребность в диалоге светской и духовной культур, различных социальных групп, государственных и общественных институтов, необходимом для определения совместных путей дальнейшего развития общества. Важность всестороннего изучения социальных феноменов, стремление проникнуть в идеологию и психологию крестьянства, в его быт и культуру было свойственно народническому движению второй половины XIX века [2, с. 234; 9, с. 154]. Одним из народнических исследователей обозначенной проблематики является прочно забытый ныне писатель и публицист уроженец Владимирской губернии Иван Николаевич Харламов (1854 - 1887).

И.Н. Харламов в качестве базовой общественной ценности выдвигал идею демократических свобод, основываясь на народных представлениях о социальном равенстве. Моделью справедливого социального устройства, по его мнению, выступала сельская община. В своих работах исследователь подчёркивал комплексный, многогранный характер данного института, прочно укоренившегося в крестьянском сознании. Основной социально-экономической особенностью общины являлся принцип равенства её членов независимо от пола и возраста, чувство принадлежности к коллективу, взаимовыручка, а также наличие рычагов регулирования социальных и имущественных отношений. «Община, - писал он, - слагаясь на началах равенства, проводит их во всём; она крепка именно по стольку, поскольку даёт свободы личности» [3, №3, с. 84].

Не ограниваясь изучением экономической жизни крестьянства, И.Н. Харламов стремился обратить внимание общественности на такие сферы, как обычное право, религиозные идеи, народный юмор, иными словами, феномены нематериальной культуры, представлявшие собой, по мнению писателя, «народную суть».

Система обычного права, т.е. совокупность норм и правил поведения, основанных на обычаях, принятых в том или ином обществе или его части служила опорой общинного строя российской деревни, выступала в качестве регулятора имущественных, социальных отношений. Одной из важнейших её функций являлась защита наиболее уязвимых членов семьи (женщин, детей), противодействие проявлениям семейного деспотизма. И.Н. Харламов считал, что община всегда противопоставляла развивающейся семейной власти свою власть, «принимая под свою защиту приниженную личность, наказывая обидчика, даже разводя брачную пару, если уже не действуют так называемые дисциплинарные меры». Благодаря этому, по мнению народника, сохранялось постоянно колеблющееся равновесие во всех явлениях общинной жизни.

Народническое понимание права, по мнению современного исследователя Г.В. Шалашникова, базировалось на субъективном осмыслении внутреннего потенциала человека, стремящегося к прогрессу и нравственному развитию и неприятию идеи «торжества права как универсального начала социального бытия» [10, с. 13]. Эта мысль подтверждается словами И.Н. Харламова о том, что закон, как регулятор общественных отношений, «исходил от меньшинства, и имел целью охранить его привилегии, приобретённые путём насилия» [3, №4, с. 90]. Закономерным итогом развития судебного бюрократизма на местном уровне писателю представлялся волостной суд, которому народник противопоставлял сельский суд, общественный по характеру, не санкционированный правительством, лишён-

ный бюрократической волокиты, основанный на нормах обычного права и прошедший проверку временем.

И.Н. Харламов признавал, что сельский общественный суд «мало по малу вымирает, особенно в последние годы». Причину данного явления он видел в разложении деревни, сельской общины под влиянием чуждого ей принципа капиталистической конкуренции. В связи с этим народник выступал за компромиссный выход: «согласить обычай и закон, в чём давно явилась потребность»[7, с. 2].

Идею церковного демократизма, по мнению исследователя, олицетворял принцип соборности, выборности её членов, неразрывной связи с народной средой. Яркие проявления идеи церковной соборности и свободы, борьбы с централизаторским деспотизмом И.Н. Харламов видел в «пробуждении областной свободы и самостоятельности при изгнании из родного края разорителей чужеземцев» в начале XVII века [5, с. 80]. Во взглядах на процесс усиления государственной централизации, Харламов придерживался точки зрения, высказанной демократическим историком А.П. Щаповым. Централизация, считал историк, охватывала различные стороны экономической, политической, социальной и духовной жизни общества и тем самым противоречила естественному развитию народной жизни на основе земско-областных начал. Соответственно, форму государственного устройства в будущем И.Н. Харламов предполагал в виде ограниченной монархии с широким народным представительством, определяющим основные направления политики.

Закономерное развитие общественно-религиозной мысли, по мнению народника, достигло к XVII веку понимания «высших обобщений христианства» – признания единого Бога. Всегда и везде, утверждал И.Н. Харламов, данный процесс первым делом сказывался в реформе старых и образовании новых религиозных представлений [5, с. 62]. Формирующиеся в народных массах религиозные идеи народник связывал с крестьянским

мировоззрением, поясняя на примере секты духоборцев, что религиозная идея, «прежде чем найдёт такого выразителя, который сделает её понятной целой толпе, довольно долго предварительно перерабатывается коллективным умом народа, в котором она зародилась» [8, №10, с. 152]. На важность этого вывода указывает современный исследователь Л.Н. Дегтеренко [1, с. 5]. Наиболее яркими выразителями идей церковного демократизма и соборности, по мнению И.Н. Харламова, являлись деятели церковного раскола XVII века – протопопы Аввакум, И. Неронов.

И.Н. Харламов утверждал, что основные направления сектантства, развившиеся после церковного раскола, стремились к одной цели – «освобождению личности от гнёта стада, отрицанию прав этого стада на личность» [8, №10, с. 144]. В данном случае «освобождение», согласно системе взглядов народника, стоит рассматривать не как обособление, выделение себя из окружающей массы, противопоставление иным членам секты, а как стремление к гражданским и политическим свободам, самореализацию в сектантстве. Однако, не менее важно и следующее за этим уточнение, что сектанты, исходя из принципа равенства людей, своими учениями сами же и опровергали провозглашённый ими принцип: «все мы равны, все люди, все человеки – это правда. Но вы во тьме ходите, а во мне действует Бог» [8, №10, с. 144]. Тем самым, сектант не признавал равенство личности человека, мыслящего иначе. Подобные выводы, по мнению писателя, были возможны потому, что сектанты оказывались «не сильные психологи и ещё менее сильные мыслители».

Для общества второй половины XIX века народник полагал необходимым введение гражданских свобод, в том числе свободы совести, равенства вероисповеданий, полагая, что необходимо уравнивать в права разные верования «не раздачей новых привилегий, а уничтожением привилегий, данных одним в ущерб другим» [4, №263, с. 3]. Также И.Н. Харламов высказывался за укрепление авторитета церковного института путём «ослаб-

ления правительственного нагнетания на низшее духовенство» (именно оно в большей степени интересовало исследователя): только общая реформа «на началах выборно-соборных», по мнению народника, позволила бы сельскому духовенству с течением времени «сбросить с себя рабские привычки». В будущем И.Н. Харламов видел священство частью народной массы, поскольку только в этом случае у него были шансы сохранить свой авторитет в обществе. Таким образом, можно говорить не просто об отделении церкви от государства, но и о необходимости с её стороны сделать шаг в сторону народа. Очевидно, что при этом открытым оставался вопрос самостоятельности церковного института.

Значимое место в среди феноменов нематериальной культуры И.Н. Харламов отводил смеховому фольклору, к которому можно отнести пословицы и поговорки, шуточные песни, сказки, лубочные картины, народный театр. Сатира и юмор представлялись ему проповедниками морали и нравственности с помощью смеха. Объектами для смеха в устном народном творчестве становилась и частная, и общественно-политическая жизнь.

Рассматривая пословицы и поговорки, как форму проявления смеховой культуры, И.Н. Харламов принимал схему, предложенную Ф.И. Буслаевым, согласно которой пословица развивалась от «величаво-простой, добродушной до детской наивности и необыкновенно объёмистой» к ироничной, отмечающей недостатки общества, в народном обиходе «соответствующей сатире и комедии». Тем самым, народник указывал, прежде всего, на социальную остроту пословицы, шаг за шагом выявлявшей «полное отсутствие правды в общественной жизни» [6, с. 22]: в деяниях царской власти, судей, чиновников, помещиков и духовенства. Несмотря на то, что автор очерчивал временные границы исследуемых пословиц (XVII-XVIII вв.), не вызывает сомнений, что тем самым он подталкивал читателя к проведению параллелей с современной (на тот момент) действительностью.

Функцию обличения существовавших нравов народник отмечал также в народных играх и скоморошьих «действиях». Не строя иллюзий относительно глубины идеалов подобной сатиры, И.Н. Харламов тем не менее, видел в ней росток будущей народной критики социальной несправедливости.

Ещё одну значимую функцию смеха исследователь усматривал в том, что смех был «одним из факторов в развитии сознания племенного и национального родства и солидарности членов племени к защите своих интересов» [6, с. 9], т.е. вёл речь о формировании общественного самосознания.

Таким образом, базовые ценности народного самосознания – демократизм, социальное равенство и справедливость – проявлялись в формах нематериальной культуры, таких, как обычное право, народно-религиозные идеи, смеховой фольклор. Знакомство общественности с этими формами давало представление о содержании народного сознания, создавало условия для формирования общественного диалога, утверждению демократических ценностей в обществе .

Библиография:

1. Дегтеренко Л.Н. Формирование и эволюция религиозного течения духоборцев в России во второй половине XVIII – начале XX вв.: традиционализм и модернизационные аспекты. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. – М., – 2010.

2. Зеленин Ю.А. Базовые компоненты идеологии классического народничества в России // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История/Политология. – Барнаул, 2007. – №4/3. – С. 234–238.

3. Харламов И.Н. Женщина в русской семье // Русское богатство. – 1880. – №3. – С. 59–107; №4. – С. 57–112.

4. Харламов И.Н. К вопросу о веротерпимости // Русский курьер. – 1880. – №256. – С. 1–2; №263. – С. 2–3.
5. Харламов И.Н. Протопоп Иван Неронов // Древняя и новая Россия. – 1881. – №1. – С. 55–97.
6. Харламов И.Н. Русский народный юмор // Дело. – 1881. – №12. – С. 1–36.
7. Харламов И.Н. Столкновение закона и обычая // Страна. – 1881. – № 66. – С. 1–2.
8. Харламов И.Н. Штундисты // Русская мысль. – 1885. – №10. – С. 143–158; №11. – С. 1–17.
9. Чеботарева Е.Г. Проза писателей-народников как художественное явление // Гуманитарные исследования. – 2008. – №4. – С. 152–157.
10. Шалашников Г.В. Этические категории в народнической традиции русской философии права третьей четверти XIX века // Философия права. – 2008. – № 1. – С. 13–17.

Харчевникова Е.Л.

КОНЦЕПЦИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНИНА РОССИИ КАК ОСНОВНАЯ СТРАТЕГИЯ ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

*«Все человеческое в человеке
должно быть воспитано»*

А.С.Макаренко

Разработка и реализация Концепции духовно-нравственного воспитания и развития гражданина России как методологической основы ФГОС можно рассматривать как знаковое событие в системе образования.

Мы солидарны с авторами многочисленных исследований по духовно-нравственному воспитанию развивающейся личности, утверждающих, что всё больше и больше людей приходят к пониманию того, что для духовного возрождения общества недостаточно только знаний, даваемых традиционным образованием. Нравственные импульсы нельзя рационально усвоить посредством чисто научного образования, никакая сумма наук сама по себе не в состоянии заменить любовь, веру, сострадание, все то, что делает человека человеком. Именно поэтому образовательное пространство современной школы должно содержать развернутую программу по воспитанию ребенка, формированию у него идентичности гражданина России, осознания им этнической, конфессиональной и социокультурной принадлежности. В создании такой программы, безусловно, помогает Концепция. При формировании программы следует помнить, что необходимо сохранить ключевые моменты, которые однозначно определены в Концепции: национальный воспитательный идеал, систему базовых национальных ценностей, основные направления духовно-нравственного развития.

Семья, школа, общество, религия в процессе воспитания детей на протяжении многовековой истории создали тот национальный идеал, который соответствует представлениям той или иной этноконфессиональной группы, нации, общины. Из века в век он менялся, но оставались неизменными основные характеристики: нравственность, творческий потенциал, гражданская позиция, приверженность национальным духовным традициям, соответствие культурным особенностям. Именно сформулированный в документе национальный идеал и взятое за основу определение духовно-нравственного воспитания как «педагогически организованный процесс усвоения и принятие обучающимися базовых национальных ценностей, носителями которых являются многонациональный народ Российской Федерации, государство, семья, культурно-территориальные сообщества, традиционные российские религиозные объединения (христианские, прежде

всего в форме русского православия, исламские, иудаистские, буддийские), мировое сообщество», необходимо рассматривать как ядро любой воспитательной системы школы.

Программа воспитания и социализации должна охватить все компоненты образовательного пространства ОУ: урочное, внеурочное, школьное, внешкольное, личное пространство школьника, так как духовно-нравственное воспитание реализуется на основе всего содержания образования. При этом логично строить программу разделам, предлагаемым в ФГОС:

1. Цель и задачи.
2. Ценностные установки духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся.
3. Основные направления и ценностные основы духовно-нравственного развития и воспитания на ступени начального общего образования.
4. Содержание духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся на ступени начального общего образования».
5. Совместная деятельность образовательного учреждения, семьи и общественности по духовно-нравственному развитию и воспитанию обучающихся.
6. Планируемые результаты духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся на ступени начального общего образования.

При реализации Концепции возможно использовать проектно-целевой метод управления, который предполагает разработку проектов, привязанным к основным базовым национальным ценностям, сформулированным в документе, чтобы именно в деятельности у ребенка рождался опыт нравственной жизни и высокие духовные переживания.

В Концепции духовно-нравственного воспитания отмечено, что традиционными источниками духовности и нравственности являются:

1. Патриотизм, включающий в себя ценности: Любовь к России; Любовь к своему народу; Любовь к своей "малой Родине"; Служение Отечеству (ратное, духовное, трудовое).

2. Социальная солидарность - Свобода личная и национальная; Доверие к людям, институтам государства и гражданского общества; Справедливость; Милосердие; Доброта; Честь; Честность; Достоинство.

3. Гражданственность - Правовое государство; Гражданское общество; Долг перед Отечеством, старшими поколениями, семьей; Закон и правопорядок; Межэтнический мир; Свобода совести и вероисповедания.

4. Семья - Любовь и верность; Здоровье; Достаток; Почитание родителей; Забота о старших и младших; Продолжение рода.

5. Труд и творчество - Творчество и созидание; Целеустремленность и настойчивость; Трудолюбие; Бережливость.

6. Наука - Познание; Истина; Научная картина мира; Экологич. сознание.

7. Традиционные российские религии- представления о Вере, Духовности, Религиозной жизни человека и общества, Религиозной картине мира.

8. Искусство и литература- включает ценности: Красота; Гармония; Духовный мир человека; Нравственный выбор; Смысл жизни; Эстетическое развитие.

9. Природа — Жизнь; Родная земля; Заповедная природа; Планета Земля.

10. Человечество — Мир во всем мире; Многообразие культур и народов; Прогресс человечества; Международное сотрудничество

Организация и вовлечение обучающихся в проектную деятельность возможно:

➤ при освоении содержания основных учебных дисциплин, прежде всего гуманитарных;

➤ в рамках специально разработанных программ курсов, модулей по выбору определенной мировоззренческой духовно-нравственной направленности;

➤ программ внеурочной деятельности, дополнительного образования;

➤ при организации досуговых мероприятий;

➤ участия в школьных событиях

Обязательным компонентом воспитательной системы школы должно быть социально-педагогическое партнерство и, прежде всего, с семьей. Духовно-нравственное воспитание закладывается в детстве, а детство начинается в семье, поэтому без совместных усилий семьи и школы в духовно-нравственном воспитании ребенка реализация Концепции практически не возможна.

Отдельно стоит вопрос о профессионализме и личностных качествах педагога, который совместно с социальными партнерами школы решает задачу приобщения ребенка к базовым национальным ценностям. Заметим, что нравственный пример педагога в Концепции обозначен как один из основных принципов организации духовно-нравственного развития и воспитания. На учителе лежит огромная ответственность за подрастающее поколение, усвоение и принятие им базовых национальных ценностей, а также за то, каким будет не только человек будущего, но и само будущее.

Еще один принцип реализации Концепции--это сохранение преемственности в решении задач духовно-нравственного воспитания и организации видов деятельности с учетом возрастных характеристик обучающихся:

Для начальной школы:

- Приобретение знаний о национальных ценностях и приоритетах.

- Первичное осознание себя в социуме (семья, школа, государство).
- Разграничение положительной и отрицательной модели поведения.
- Опыт взаимодействия с учителем и одноклассниками на основе полученных навыков общения.
- Осознание первичных навыков духовности, морали.

Практическое подтверждение или отрицание полученных знаний и социального опыта идет *в основной школе*:

- Навык оценивания знаний в практике общения.
- Опыт личного переживания полученной информации.
- Опыт самостоятельного инициативного действия.
- Опыт сосуществования с адекватным, соответствующим себе социумом.
- Первоначальный опыт участия в различных видах общественно полезной деятельности.
- Опыт взаимодействия с социальной средой за пределами образовательного учреждения и семьи

Для старшей школы:

- Формирование индивидуального самосознания.
- Осознание понятия «свободы».
- Расширение зоны самостоятельного общения.
- Опыт осознания базовых национальных ценностей как собственных.
- Закрепление полученного нравственного идеала.
- Формирование позитивного отношения к жизни, доверия и милосердия к людям.
- Трансляция приобретенных знаний и опыта в социальную среду.

- Изменение социальной среды, путем трансляции в нее приобретенных знаний.

Процесс воспитания динамичный и творческий. При этом основными критериями духовности и нравственности человека можно считать:

- его убеждения,
- моральные принципы,
- ценностные ориентации,
- поступки по отношению к близким и незнакомым людям.

Необходимо понимать, что нравственным можно считать человека, для которого нормы, правила и требования морали выступают как *собственные* взгляды, убеждения, привычные формы поведения, при этом духовность может рассматриваться как устремленность человека к вершинам идеала, описанного в Концепции как национальный .

Мир, в котором живет человек, становится все более сложным и противоречивым, мир постоянно меняется, но главные ценности в нём остаются неизменными. Чтобы выработать разумную стратегию собственной жизни в этом мире, ребенку, как развивающейся личности, необходимо иметь нравственный иммунитет и то, что в народе называют духовным стержнем. Наконец, общество в целом заинтересовано в увеличении числа высоконравственных людей, потому что именно от них зависит улучшение качества жизни россиян в целом.

ПРАВООЗАЩИТНАЯ МИССИЯ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Правозащитный аспект церковно-общественного служения - явление новое для русской церкви, а лучше сказать «хорошо забытое» после многолетнего запрета на социальную деятельность Церкви. Для светского же сознания проблемой является почему и каким образом религиозный институт, имеющий по определению неотмирный характер, защищает мирские права человека и гражданина.

Правозащитная деятельность Русской Православной Церкви началась, конечно, не в 90-ые годы, когда защита прав соотечественников, в том числе верующих, в ближнем и дальнем зарубежье стала связываться с противоречиями установления нового миропорядка. Директор Правозащитного центра при Всемирном Русском Народном соборе Силантьев Р.А. считает, например, что РПЦ вообще является старейшей в России правозащитной организацией [5]. Действительно, история Церкви показывает, что её современная правозащитная миссия основывается на традиции «социального служения милосердия», известная как традиция «посредничества» или «печалования» Церкви, которая исторически есть ходатайство митрополитов и патриархов перед светской властью (властью государей) за невинно осуждённых. Поэтому особый интерес представляет преемственность этого вида миссии Церкви с её традицией, как она складывалась в богословском и историко-каноническом контексте, на чём мы ниже остановимся специально.

Необходимо обратить внимание на то, в каком контексте Церковь восстанавливает свою традицию правозащитной миссии? Сегодня, когда идею свободы сводят исключительно к свободе выбора, становится воз-

можным выбор в пользу зла. Этот последний выбор становится всё более реальным, поскольку секулярное общество пришло, с одной стороны, к радикальному отказу от нормативного значения традиции, в первую очередь, религиозной, а с другой, к абсолютизации права индивида определять, что есть зло, и что есть добро. В обществе всё более укрепляется нравственный и аксиологический релятивизм. Об этом, по мнению исследователей, свидетельствуют тоталитарные режимы XX в. и складывающиеся угрозы для личной свободы человека в XXI в. В тоже время, считая свободу высокой ценностью, государства и международное сообщество вводят в свои законодательства такие общественно-политические нормы, которые противоречат нормам жизни верующего человека, принадлежащего к традиционным религиям. При этом никто не покушается на личную жизнь человека, но на общественном уровне его всё чаще принуждают признавать нормой жизни то, что противоречит его убеждениям. Это основной мотив, который заставляет Церковь, кстати, не только православную, активно заниматься правозащитной миссией [10]. Но какие бы новые формы она не принимала в условиях современности, её деятельность строится на традициях Священного Писания, т.е. библейского правосознания.

Достоинство личности, ценности равенства и справедливости, составляющие квинтэссенцию либерально-демократического устройства общества, имеют гораздо более древнее происхождение, нежели «Декларация прав человека и гражданина», появившаяся в результате Великой французской революции XVIII в. Эти ценности мы находим уже в Священном Писании. Право предстаёт в Библии как *Правда Божия*, как порядок, который руководит всей совокупностью человеческих отношений и обеспечивает для каждой личности определённые возможности. Это значит ценности равенства и справедливости представлены понятием *Правда Божия*, и основаны они не на социальном равенстве, а на равенстве людей перед Богом, поскольку каждый человек понимался как носитель образа

Божия. Другое отличие заключается в том, что равенство и справедливость в библейском правосознании не являются автономными от Бога. Для библейского понимания права не существует абстрактно «хорошее» и «плохое», «справедливое» и «несправедливое». Согласно Библии «благое» и «хорошее» - это то, что соответствует воле Божией, выраженной в заповеди или в конкретном повелении: об этом говорит ситуация с Авраамом, приносящим в жертву Яхве своего сына Исаака. Теократическая этика правового поведения основывается на аксиоме: Бог есть абсолютное Благо, и Его повеления есть благо.

Отличие же этических норм от заповедей Божиих заключается в том, что последние направлены не только на временные блага, но и на стяжание вечного. В системе заповедей Ветхого Завета центральным требованием Бога является *справедливость во всём*, а главными обличителями социальной неправды были пророки [4]. В Новом Завете акцент в понимании права переносится из социальной области в нравственную, что в конечном итоге приводит к тому, что основу права стала составлять любовь. Справедливость в Новом Завете теряет свой юридический аспект. Если правда Божия в истории Ветхого Израиля осуществлялась непосредственно, через суд, то в Новом Завете её исполнение концентрируется в эсхатологической перспективе [8, 23].

Правозащитная миссия современной церкви основывается, во-первых, на библейской заповеди Правды Божией, что есть восстановление справедливости, которое возможно и необходимо не на древнеримском юридическом принципе «каждому своё», а на милосердии, проистекающем из духа любви и сострадания к ближнему; во-вторых, Церковь сегодня, как и тысячелетия назад пророки Ветхого Завета, призывает к осуществлению справедливости в общественном и личном бытии, для чего проповедует необходимость исправления последствий греха ради спасения (защиты) человека [9]. Такая онтология правозащитной миссии говорит о том, что

последняя является не разновидностью общественно-политической активности Церкви, а одним из направлений её *социального служения милосердия* (выд. А.Ч.).

Посредничество Церкви между народом, обществом и государством представляет собой вид церковного служения [9], которое было и в Древней церкви, и в средневековой Византии, и в Российском государстве. Например, в карфагенской церкви V в. была введена должность экдиков - поверенных защитников священнослужителей, пленных, вдов, сирот, девственниц и других лиц, состоявших под покровительством Церкви, - которых сегодня мы назвали бы уполномоченными по правам человека. «За-благоразсуждено... просити преславных царей, да будет позволено учредить учёныхъ экдиковъ, которые имели бы своею обязанностию действие в защищении дел: и которые бы, яко священники епархии, приявшие на себя ходатайство по делам церковей, свободно могли, когда нужда потребует, входить в присутствие судилищ для опровержения возражений и для представления того, что нужно» [3, 247]. Эта должность на Халкидонском соборе (451 г.) была распространена во всей Константинопольской Церкви как постоянная церковная должность.

В Византии в XI в. мы уже видим оформление системы защиты прав человека. В своей новелле 1079 г. император Никифор Вотаниат укрепил организационно и развил патриаршее право посредничества. Это право стало распространяться и на пострадавших от политических репрессий [6, 33-34].

На Руси и в России были свои особенности служения Правде Божией. Со времён князя Владимира, крестителя Руси, справедливость стала пониматься как проявление милующей любви. Здесь и находятся, по мнению отечественных мыслителей, истоки особого русского понимания права, суть которого заключается не в простом регулировании общественных отношений, а «в смысле их исправления по идеям высшей правды» [7]. То,

что называлось в Византии служением посредничества («меситией»), у нас стало именоваться «печалованием», с присущим этому слову оттенками сострадания и жалости, более точно передающим высший, евангельский смысл правозащитной миссии Церкви. Главным побудительным мотивом печалования является скорее милосердие, а не признание неких изначальных прав, которые необходимо защищать. Эта традиция печалования практически угасает в Синодальный период [9], окончательно прерывается при Советской власти, о чём мы говорили выше.

Возродиться эта традиция начала с появлением документа «Основы социальной концепции РПЦ» (2000 г.), в котором говорится: «Традиционной областью общественных трудов Православной Церкви является печалование перед государственной властью о нуждах народа, о правах и заботах отдельных граждан или общественных групп. Такое печалование является долгом Церкви, осуществляемым через устное или письменное обращение к органам государственной власти» [1, 30]. Дальнейшее развитие эта направление деятельности Церкви получило в документе «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (2008 г.) [2]. Принятием этих документов РПЦ восстановила своё древнее право и обязанность печалования, взяв на себя пастырскую ответственность не только за судьбы отдельных граждан, но и за социальную, правовую и общественно-политическую жизнь нашего государства.

Библиография:

1. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» / Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения 08.11.2015)
2. «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» // Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/print/428616.html> (дата обращения 31.03.2015)

3. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинского-Истрийского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1996. Т.2.
4. Пр. 17:15, 24:23; Исх. 23:7; Втор. 16:18 и др.
5. Русская Православная Церковь – старейшая правозащитная организация в России // Режим доступа: URL: <http://www.taganrog.orthodoxy.ru/index.php?id>
6. Соколов И.И. Печалования патриархов перед василевсами в Византии IX - XV вв. С.-Петербург. 2005.
7. Соловьёв В.С. Духовные основы жизни // Режим доступа: http://royallib.com/book/solovev_vladimir/duhovnie_osnovi_gizni.html (дата обращения 8.11.2015)
8. Мусин А. Церковь. Общество. Власть. Опыт патрологического исследования. С.-Петербург-Петрозаводск. 1997.
9. Фетисов Т., прот. Историко-канонические основания правозащитной миссии Церкви // Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/4484093.html> (дата обращения 8.11.2015)
10. Фундаментальные ценности и их связь с общественной жизнью в современной Европе / Выступление представителя РПЦ при Совете Европы игумена Филиппа (Рябых) на II Международном форуме выпускников МГИМО, приуроченного к 70-летию этого учебного заведения // Режим доступа: <http://www.patriarhia.ru/print/3777666.html> (дата обращения 4.04.2015)

**ИВАН ПОСОШКОВ «ОТЕЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАТЕЛЬНОЕ
ПОУЧЕНИЕ, ПОСЛАННОМУ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ
В ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ, ЮНОМУ СЫНУ»**

Данное произведение было написано во времена царствования Петра I. «Одна из главных тем Петровской эпохи- это, конечно, проблема человеческой личности. Человек воспринимается как активно действующая личность, ценная сама по себе, и еще в большей степени за «услуги отечеству». Ценятся...общественная польза, ум и храбрость...новый человек должен действовать, проникнувшись сознанием необходимости и пользы тех или иных правительственных мероприятий...» [1, с. 10-11].

Автором произведения является Посошков Иван Тихонович (1652-1726) – «известный русский экономист, один из тех самоучек- начетников Московской церковной письменности, которые, крепко придерживаясь старых национальных начал, тем не менее ясно понимали, что Россия должна идти вперед и что только в полном развитии ее сил заключается спасение» [3, с. 109]. Сын оброчного крестьянина, умом, предприимчивостью и трудом сумевший сыскать себе уважение и почет; его умственные интересы часто перевешивали заботу о материальной достатке.

Посошкова тревожила общая "духовная нужда": несоблюдение в жизни и совершенное незнание элементарных оснований христианского учения, поэтому взявшись изложить своему единственному ребенку правила праведной «духовной и мирской жизни», он пишет в 1708 году своему единственному сыну, посланному Петром I в Голландию на учение, письмо, в котором дает ему разнообразные наставления религиозного и морально-этического характера, касающиеся нравственнохристианской жизни и выполнения обязанностей, которые могут быть поручены челове-

ку или добровольно им взяты на себя, а также способствующие «пользе души и славе».

Иван Тихонович-человек двух миров, считающий, что «на земле мы странники и временные пришельцы»- пытался соединить традицию старинного благочестия и воспитания с новыми для Руси явлениями, которые были связаны с реформаторской деятельностью. Для него человек- «подобие божие», сотворенное Богом «из ничтожества», все же является «прирожденным рабом Государя, Царя, Монарха».

В "Отеческом завещательном поучении..." ярко выразилось характерное для XVII века религиозное миросозерцание, идеал строго духовного жития, который требовал не только христианской, евангельской жизни, но и полумонашеского устава: постоянной молитвы, частого покаяния и воздержания. Следует отметить, что, несмотря на резко негативные отношения Посошкова к раскольникам и католикам, он советует сыну читать книги, содержащие в себе учения других, отличных от христианской, различных вер.

Это "духовное житие", монашеское мировоззрение резко противоречило новому "светскому житию", светскому мировоззрению, которое лежало в основе петровской культурной реформы. Светские развлечения, которые никак не обогащали человека, он называет «роскошными и сладостными», они представляют собой полную противоположность «узкому и прискорбному пути, которое вводит в царствие небесное», но при этом он не отменяет развлечений, служащих на пользу человеку, например, таких, которые «обновляют жизненный дух»: комедии, оперы, кавалерские обучения (владение шпагами и пистолетами), благочинная и уверенная езда на коне, владение оружием. С этой точки зрения можно сопоставить "Отеческое завещательное поучение..." "Юности честному зеркалу", изданному в 1717 г., а по религиозному мировоззрению - с "Поучением" Владимира Мономаха .

Несмотря на это, «Отеческое завещательное поучение...», написанное в духе древнерусской традиции, идущей от Владимира Мономаха, имеет прогрессивный характер. Главной задачей автор считал учение, которое принесло бы пользу государству и царю: «Каждый день и час, не с надсадным утруждением, но, по возможности, чинно и благоговейно в науках проводить». Ибо есть большая разница между «ведением и неведением», поэтому Посошков советует «не единого часа во тщетных и непотребных делах или играх» не проводить, т.к. «ничего нет драгоценнее времени, и даже малая его часть не возвратится».

Нравственная позиция автора высказана исчерпывающе определенно и ясно: нетрудно понять, что в первую очередь следует придерживаться религиозных, духовных правил: утренние молитвы необходимы каждый день, как и чтение нравоучительных книг, притчей Соломона и подобных произведений, а уже после этого в системе ценностей человека должно быть служение царю: усердно обучаясь, человек может помочь Государю выявить, например, «лукавство строителей иноземцев», которые после этого будут «иметь страх».

Интересен распорядок дня, составленный автором, в котором гармонично переплетены религиозность и мирские дела. Например, на «облачение» и приведение себя в порядок после сна дается 1 час, на утреннюю молитву-1 час, обучение языку и грамматике- 2 часа, другие науки -3 часа, прогулка в «ожидании стола»- 1 час, обед-1 час, затем прогулка-2 часа, опять языки и науки- 3 часа, ужин-1 час, вечерняя молитва-1 час, сон- 7-8 часов. Всего 24 часа.

В дни торжеств и в воскресенье, Посошков не велит заниматься наукой, т.к. это дни, посвященные Богу, но необходимо отдавать себя целиком и полностью на благо нуждающимся и молитве. Пример: «нуждающимся в нарочный ковчезец нечто отложи... пленнику, или иному убогому, не взирая на породу того и веру, милостыню дай».

Конечно, как человек, тесно связанный с торговлей и деньгами, один из первых «меркантилистов» в России, Посошков дает наставления о том, как нужно расходовать их.

В данном произведении проявились переходные черты эпохи: тесная связь мирозозрения «купецкого человека», каким был Посошков, с идеологией предшествующего XVII века.

В целом автор данного сочинения полностью раскрывается как представитель пограничных эпох: переход от полностью религиозного мирозозрения и зависимости от церкви, до представителя эпохи Петра, для которого становится важным обучение наукам и честное служение государству. Поэтому следует отметить, что данное сочинение проникнуто искренней нежностью, но строгостью по отношению к сыну. Можно сказать, что «Отеческое завещательное поучение...»- образец традиционного подхода к образованию рубежа эпох. Посошков излагает правила христианской жизни, применимые не только к его сыну, но и для всякого чина и возраста, беря за основу полумонашеский устав, но понимает на сколько важны знания как для государства, так и для самого человека. Можно сказать, что это универсальное поучение, применимое ко всякому человеку вообще.

Библиография:

1. Федоров В.И. История русской литературы: XVIII в.: Учеб. Для студ. высш. учеб. заведений /Под ред. проф., д-ра филол. наук В.И.Коровина.- М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2003.- 369с.

2. Кафенгауз Б.Б. И.Т.Посошков.Жизнь и деятельность.- М.:Изд-во АН СССР,1951.- 204с.

3. Миклашевский А.Н. Посошков Иван Тихонович С. 109-112 // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: В 86т (т. 82) – Спб., 1890-1907.

4. Платонов Д.Н. Иван Посошков.- М.:Экономика,1989.-142 с.

5. Вдовина Л.Н., Козлова Н.В. Посошков Иван Тихонович, С.5-43 // Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / И.Т.Посошков; [сост., авторы вступ. ст. и коммен. Н.В. Козлова, Л.Н. Вдовина].- М.: РОССПЭН, 2010.- 592с.

6 Погодин М.П. Предисловие //Сочинение Ивана Посошкова. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://sites.google.com/site/penzakotoroinet/penza-kotoroj-n-t/p/pogodin-m-zizneopisanie-i-t-pososkova> (дата обращения: 14.06.2015)

7 Павлов - Сильванский Н.П. Посошков Иван Тихонович //Большая биографическая энциклопедия. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_biography/Pososhkov-ivan-tihonovich-3399.html (дата обращения: 15.06.2015).

Черникова С.А.

ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЯ В «ТРАВНИКЕ» ИВАНА БИРЮКОВА

Как известно, «цвет – свойство света вызывать определенное зрительное ощущение в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого излучения » (БЭС, с.1327).

Цвет играет огромное значение для людей как в средневековье, так и в современное время, отличие состоит только в том, что если раньше лексическое значение слова было полисемично, т.е. обладало потенциально многопредметной и многопонятивной направленностью, «одно означающее может соответствовать нескольким означаемым (нескольким растениям)» (Пименова М.Вас., 2010), то в наше время можно судить о тенденции к моносемии. Следует заметить, что цветовое значение стало подразумевать под собой только цвет с XIV века, до этого оно имело несколько значений.

Как отмечает В.В. Колесов, «можно документально установить, что пятьсот лет назад такого-то слова не было или оно употреблялось совсем в другом значении... Слова, возникая в языке, вступают в сложные и противоречивые отношения друг с другом, сходятся и расходятся, расцветают и теряют краски, каждый раз отражая постепенное познание мира говорящим на этом языке народом» (Колесов, 1982., с. 27). Это подтверждают слова Н.Б. Бахилиной о том, что историческое исследование лексики цветообозначений демонстрирует различные судьбы разных слов, составляющих группу цветообозначений. Одни из них пережили большие изменения, другие почти не изменились. Одни развивают синонимические ряды, вступают друг с другом в те или иные отношения, объединяются в какие-то группы, другие держатся особняком, остаются как бы изолированными. В известном смысле можно утверждать, что каждое слово имеет свою историю, живет своей жизнью (Бахилина, 1975, с. 6).

В травнике Ивана Бирюкова XVII в. используются несколько мотивационных моделей наименования цвета.

Первая — и самая простая — ‘цвет’ → ‘название растения’, то есть цвет прямо назван в фитониме: («*Золотысечьнах*“»»»» (л.20 об.), «*Золотуха*» (л.19) , «*Черноголовникъ*»»» (л. 18),«*Zolotovca*»(л.17 об.), «*Чернобыль*»»» (л. 17), «*Буквица белая* «» (л.3 об.), «*Белотел* «»» (л. 11) и др. (Трав. Бирюк).

В целом корпусе фитонимов цвет назван не прямо, но метафорически, путем сравнения с предметом того же цвета (мотивационная модель ‘предмет определенного цвета’ → ‘название растения’): «шелк(п?)овка или лесной горохъ..... цветъ что на горохе жъ...» (л. 28 об.), «былинка..... видомъ что серебряннах...» (л. 28), «клоповникъ... что пуговики жолтинькиh...» (л. 26), «цветъ что грешневая крупа белъ ...» (л. 24), «солнышникъ ...цвет как сонцh..» (л. 2 об.) (Травн. Бирюк.).

При этом наиболее частотными представляются уподобления белого цвета молоку: (бель что молоко) (л. 18 об), волосам (бель что волосы) (л. 4 об.), пуху (бель что пухъ) (л. 4), желтого — солнцу (какъ сонцѣ) (л. 2 об., 10, 15 об), красного — крови (что кровь.....бутто кровь)(л. 13) (Травн.Бирюк.).

В травнике Ивана Бирюкова ядерные компоненты употребляются гораздо реже, нежели периферийные, представленные во множестве оттенков и тонов. Примечательно, что большинство слов периферийной группы образованы от ядерного компонента с помощью прилагательных со значением субъективной оценки (употребительны суффиксы – *оньк-* / - *еньк-*, а также –*оват-*), что не дает им право становится полными синонимами, хотя их цветообозначение почти соотносимо друг с другом. Суффиксы указывают на неполноту проявления признака: «Корень черновать» (л. 16 об.), «наней шишечки жолтинькия»» (л. 24 об.) и др.

В исследуемом травнике весь состав ЛСГ цветообозначений условно можно разделить на три группы: ядерные цвета, периферийные и цвета, которые сравниваются с какими-либо явлениями или предметами окружающего мира, что, возможно, указывает на отсутствие цветообозначения, которое могло бы отобразить это явление или предмет.

В качестве примера будем использовать члены группы цветообозначений оранжевого и коричневого цвета, так как они наименее употребительны и исследованы.

Придерживаясь точки зрения Н. Б. Бахилиной в том, что «оранжевый цвет (как ядерный компонент группы) сформировался сравнительно недавно, в древнерусском языке для обозначения этого цвета используется сложное слово «рудожелтый», в котором отражается особенность цветообозначения, называющего смешанный цвет красновато-желтый, искрасна-желтый» (Бахилина, 1975, с.236), мы можем говорить о том, что в исследуемом нами травнике он представлен цветообозначением «рудожелтый».

Цветообозначение *рудожелтый*. Н.М.Шанский пишет: «Руда. Общеслав. Образовано от той же основы, что рѣдѣти – «рдеть». К значению ср. украинского и бел. руда- «кровь», ст.-сл. руда – «медная руда», болг. руд – «красный». Руда – буквально «красная» (Шанский, 1971, с. 395). Как пишет Н.Б. Бахилина: «история слова *рудой* в русском языке сложна и не вполне ясна. Древние русские памятники слова *рудой* не знают. Нет его в памятниках деловой письменности XV-XVII в...и в литературе XVIII в. слово *рудой* не встречается. Словарь Срезневского, Словарь АР этого слова не дают. Слово появляется в русской художественной литературе только в XIX-XX в., а современные словари дают его с пометой «областное». Вместе с тем есть косвенные свидетельства о его бытовании в языке. Так, в русском языке по крайней мере с XV в. известно и очень употребительно прилагательное *рудожелтый*, обозначающее смешанный красно-желтый цвет, видимо, такой, который мы сейчас называем «оранжевым» (Бахилина, 1975, 109-110). В разных словарях данное цветообозначение имеет разную дефиницию: «красновато-желтый» (Срезневский, 1912, с. 187), «желтый с красноватым оттенком, рыжий» (Ушаков, 2008, с. 789), «оранжевый, красновато-желтый» (СРЯ XI-XVII, т.22, с.235). Н. Б. Бахилина в своей монографии пишет, что это « смешанный цвет красновато-желтый, искрасна-желтый...В древнерусском языке употребляется с XV в. Его возникновение связано с практическими потребностями (описание цвета тканей, одежды, обуви), но со временем сфера его употребления расширяется, и можно говорить о неограниченной сочетаемости слова...Он является главным в группе цветообозначений, называющих оттенки оранжевого цвета в цветообозначении. Однако это слово не становится абстрактным цветообозначением для смешанного красно-желтого цвета. Со временем оно вытесняется из языка, во-первых, потому что оно сложное прилагательное, подчеркивающее неопределенность слова, во-вторых, первая часть сложного слова

становилась неясной и сохранилась лишь в говорах, в- третьих, появилось слово-синоним оранжевый» (Бахилина, 1975, с. 235-238).

В травнике Ивана Бирюкова он представлен цветообозначениями «*цвет рудожелт*» (л. 5 об.), «*цветъ рудожелтъ*» (л. 20) (Травн. Бирюк.).

О происхождении и о лексическом значении слова *коричневый* и *бурый*, которые представлены в травнике Бирюкова, пишут следующее: «вост. -слав. Образовано с помощью суффикса –ев- от «коричный», являющегося в свою очередь производным с суффикса –н- от «корица». (Шанский, 1971, с. 212). «Относящийся к коричному дереву, дающему коричную кору» (СРЯ XI-XVII, т. 7., с. 314). Н. М. Шанский считает, что *бурый* является «др.-русс. заимствованием из тюркских языков Тюркск. Бур- «рыже-красный» представляет собой переоформление перс. «красно-коричневый», который восходит к индоевропейскому «блестящий, светло-коричневый» (Шанский, 1971, с. 64). «Бурый-серовато-коричневый или черный с красноватым отливом (о масти)» (Ушаков, 2008, 76). Н. Б. Бахилина пишет: «Прилагательное *бурый* в русском языке является одним из древнейших цветообозначений, называющих оттенки коричневого цвета. Слово *бурый* не исконное славянское, но, видимо, заимствовано довольно рано, во всяком случае в древнерусских памятниках оно уже употребляется... Можно предполагать, что прилагательное *бурый* издавна было достаточно широко употребительным, использование его не было ограничено сферой специальной. Напротив, кажется, можно говорить о его повсеместном употреблении и почти неограниченной сочетаемости уже в древнее время... Прилагательное *бурый* как цветообозначение отличается неопределенностью, оно довольно расплывчато и называет оттенки коричневого цвета разной интенсивности и разной степени смешанности с другими цветами... Следует допустить, что в древнерусском языке, да и в новое время прилагательное *бурый* в общем играло роль современного абстрактного цветообозначения «коричневый» (Бахилина, 1975, с. 219-224).

В исследуемом травнике собственно коричневого нет, как, впрочем, и «чистого» *бурого*, есть лишь его оттенки: «**Корень красень бурчевать**» (л.12 об.), «**искрасна бура**» (л.12 об.), «**избура**» (л. 11), «**Корень изкрасна бурчевать**» (л. 10 об.).

В заключение следует отметить, что в исследуемом травнике употребляется довольно большое количество цветообозначений, что может быть связано с появлением в XVII в. интереса к цвету. Возможно, можно говорить о том, что лексико-семантические группы цветообозначений постепенно сформировываются (во всяком случае, для цветов основных) по соотношению с современной системой цветообозначений, хотя и сохраняются некоторые обозначения, отсутствующие в современном понимании (*рудожелтый, искрасна бура, «червленьй»* и пр.).

Библиография:

1. Бахалина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
2. Бородина А.М., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. – Л., Наука, 1979. – 232 с.
3. Большой энциклопедический словарь (БЭС) / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд. – М., 2002. – 1632 с., ил.
4. Колесов В.В. История русского языка в рассказах. – М.: Просвещение, 1982. – 191 с.
5. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. – М.: Индрик, 2009. – 352 с.
6. Пименова М.В. Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы: Дис. ... канд. филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1987. – 206 с.

7. Пименова М. В. Историческая лексикология и лексикография: Межвузовский сборник. – Вып. 8 / Отв. ред. О.А. Черепанова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. – С. 118-127.

8. Травник Ивана Бирюкова. XVII в. – РНБ. – F.VI.16. – 35 л.

9. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – 541 с.

Чернышева Н.С.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В РОМАНЕ И. С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Современная российская общественность часто поднимает вопрос о «русском мире» и его особенностях. Политическая острота этого вопроса объясняется тем, что межнациональные отношения в стране во многом определяются «национальным самочувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности» [1, с. 659].

Понимание роли русского народа в развитии многонациональной и поликультурной России актуализирует необходимость глубокой научной рефлексии психологических основ бытия русского народа, а также русского национального характера. К истокам русского национального характера обращались философия, культурология, социология, этнология, психология, привлекавшие для научного анализа произведения русской литературы, в которых отразилось представление народа о самом себе. Это представление является важнейшим элементом народного самосознания и воплощает в себе его совокупное этническое Я. Художественные произведения не случайно становились предметом изучения: если наука, несмотря на многочисленные исследования, до сих пор не пришла к четкому определению

нию самого понятия «национальный характер, то литература неоднократно воссоздавала его с неизменной глубиной и пониманием. Среди произведений о русской душе в первом ряду по праву находится роман И.С. Шмелева «Лето господне» (1933), в котором показано становление самосознания русского человека и особенности его инкультурации.

Целью данного исследования было психологическое изучение ментальности того «русского мира», в котором формируется характер героя книги. Для этого использовался метод контент-анализа текста. Для определения качественных единиц анализа было выделено восемь смысловых категорий: «эмоции», «родина», «цвета», «патриархальность», «вера», «природа», «нравственность», «народ». Каждая из категорий включала от 3 до 10 подкатегорий. Таким образом, всего было рассмотрено 54 смысловые единицы, для каждой из которых подсчитывались ранг и удельный вес. Количественной единицей счета была страница (объем романа – 388 страниц).

Контент-анализ выявил следующие особенности романа И. С. Шмелева как произведения о становлении русского национального характера.

Герой книги «Лето господне» растет в мире, где ценят каждого человека и дорожат каждым мигом, где совместная жизнь людей пронизана любовью и лаской, согрета теплом и наполнена радостью и душевным покоем. Практически во всех главах доминирует слово «радость» или производные от него (категория «эмоции»). В романе показана московская Русь, которая была для И. С. Шмелёва «потерянным раем», воспоминанием об ушедшей дореволюционной России и её старинном укладе. Оборачиваясь в прошлое, писатель стремился понять пути России, связанные, по мнению И. С. Шмелева, прежде всего с христианством и православием.

Мир героя романа, мальчика Вани, вмещает несколько расширяющихся концентрических кругов (категория «Родина»). Во-первых, это дом, который держится на отце. Отец является для мальчика примером, как

жить «по совести». Далее – двор, где он наблюдает жизнь приказчика Василь Василича Косого, няньки Домнушки, балагура Дениса, красавицы Маши. Третий круг – Москва, с её тенистыми садами, Москвой-рекой, бесчисленными храмами, древним Кремлем. Москва у Шмелева становится одушевленным существом, которое неутомимо строится и торгует, радуется в праздники и трудится по будням, молится, стремясь жить «по вере». И, наконец, главный четвертый круг – это народная Россия, исполненная святости и духовности.

Автор передаёт отношение героя-повествователя к окружающему миру, к другим людям с помощью цветовых обозначений, основными из которых являются «золотой», «розовый», «светлый», «белый» (категория «цвета»). Поскольку все, что видит герой романа, пронизано солнцем, мир воспринимается им в золотом свете. Дополняющие золотой цвет розовый и белый цвета, наиболее часто встречающиеся в тексте произведения, это отблески солнечного цвета, символизирующие чистоту души человека, его стремление к добрым помыслам и поступкам.

Первое ранговое место среди качественных смысловых единиц заняла категория «патриархальность» (2689 упоминаний в тексте, коэффициент удельного веса – 34%). Она была представлена такими подкатегориями, как «отец», «Горкин» (имя наставника героя романа), «праздники» (в романе описываются рождество, святки, крещение, ефимоны, масленица, благовещение, пасха, радуница, Покров день, Петров день, «Филипповки», троица, яблочный Спас, Михайлов день), «быт» (еда, убранство комнат), «матушка», «взаимоотношения хозяина и слуг», построенные на взаимном уважении, доброте, доверии, а иногда и строгости. Роль смысловых единиц, входящих в данную категорию, настолько велика, что расположение глав романа и их названия соответствуют православному церковному календарю. Каждый из календарных праздников и обрядов детально описан: на Масленице — щедрые блины, Пасха – пасхальные столы, поражающие

изобилием (куличи, рыбные пироги, кулебяка). Само слово «праздники» в произведении И.С. Шмелева наполнено глубоким духовным смыслом, тесно связано с культурой русского народа.

В категорию «патриархальность» вошли смысловые единицы, называющие имена тех, кто становится для героя романа образцом поведения, кому он подражает и кем он восхищается, стремясь так же, как и они, вызывать любовь, уважение и одобрение окружающих. Так, отец героя – купец, у которого нет, казалось бы, времени для духовных забот. Однако именно он воспитывает у мальчика верность православным традициям. Его, несмотря на предпринимательскую хватку, нельзя отнести к богатым людям Москвы, поскольку в их роду торговые дела принято вести честно, без обмана и темных спекуляций, уважать нанятых работников, сполна платить им за труд, награждать за талант и мастерство. Рядом с хозяином его помощник – Горкин Михаил Панкратович, который и для отца, и для Вани является духовной опорой: «Чего только не знает Горкин! Человек старинный, заповедный» [2, с. 341].

Роман «Лето Господне» замечателен глубочайшей связью с духовной культурой русского Православия (категория «вера» занимает второе ранговое место, встречаясь в тексте романа 1634 раз и имея удельный вес 20,5%). Она включает такие подкатегории, как «Господь», «святость», «молитва», «храм», «крест», «образ», «ангел», «лампадки», «грех», воссоздающие глубинный церковно-религиозный пласт народной жизни. В романе, как уже отмечалось, бытие человека раскрывается не через смену времен года, а через события православной церкви, что получает воплощение в названиях основных частей «Лета Господня»: «Праздники», «Радости», «Скорби». Такое полное, основанное на уважении и знании, раскрытие православных праздников и обрядов, остающихся неизменными из века в век, превратило книгу И. С. Шмелева в своеобразную энциклопедию духовной жизни православного человека.

Мир героев романа неразрывно слит с миром природы (категория «природа» занимает четвертое ранговое место). В нем поют и стрекочут птицы (скворцы, голуби, галки, соловьи, вороны, жаворонки, воробьи, канарейки, чижики, кукушки, грачи, орлы, сороки, соколы, гусьятки, попугаи), благоухают растения – цветы и деревца (верба, березки, елки, черемуха, розы, ландыши, можжевельник, желтик, яблони, настурции, крапива, земляника, тополя, сирень, липа, душистый горошек, подсолнухи, бессмертник). Мир природы выступает в романе как созвучный человеку, неотделимый от него, исполненный разнообразных запахов и звуков, вызывающих нравственное и эстетическое наслаждение.

Так же разнообразен в романе И.С. Шмелева народ, обожествляющий живой мир природы: дворовые, мужики, плотники, скорняки, пастухи, конюхи, со свойственными им умелостью, удалью, широтой души, а нередко – пьянством. Человека здесь оценивают по мастерству. Таковы отец Вани, без остатка отдающийся работе; Горкин — прекрасный плотник, знаток Священного Писания, увлечённый голубятнями; Солодовкин — самый лучший птичник в Москве; Денис — «великий знаток рыбы»; Гаранька — искусный повар; Егорыч — мастер, славившийся чудесными «масленицами»; купец Крапивкин — известный на всю Москву торговец овощами и фруктами. В основе их жизни лежит неустанный труд, доставляющий радость героям произведения.

Труд как ценность жизни определяет нравственность героев. В категорию «нравственность» (шестое ранговое место, 437 упоминаний, удельный вес – 5,5%) вошли такие подкатегории, как «душа», «сердце», «дух», «прощение», «вера», «память», «уважение». Вера характеризуется в романе как «око души»: «Она (вера) душу вводит в бессмертие, в силу духовную» [2, с. 576]. Занимая центральное положение в цепочке подкатегорий «нравственность», «вера» сопрягается, с одной стороны, с «душой», «сердцем», «духом»; с другой стороны, становится ключевым понятием

для слов «правда», «прощение», «совесть», «жалость». Именно вера лежит, по мнению И. С. Шмелева, в основе русской культуры, являясь основанием всякого добра, правды, истины и красоты в душе человека. Высшее проявление нравственности писать видит в любви, добре и милосердии, избавляющим Человека от чувства личностного превосходства над другими людьми.

Взаимодействуя друг с другом, смысловые единицы категории «нравственность» отражают взаимосвязанные между собой черты русского национального характера, во многом обусловленные его главной чертой – религиозностью.

Таким образом, представление о русском национальном характере, возникающее при изучении текста книги И. С. Шмелева, включает следующие его характеристики: религиозность, предполагающую неразрывную связь человеческой души с Богом; стремление к добру и милосердию; веру в душу, а не в рациональное мышление; совесть как «вглядывание в себя и во всё»; особую русскую духовность, обусловленную самобытным явлением народно-церковной жизни — русским старчеством; силу духа, или «сильное бытие»; веру в правду и справедливость; широту и щедрость русской души, способной покаяться в грехах, не застывая в самооправдании и самолюбовании; любовь к родной земле; русскую талантливость и самобытность.

Отмечая положительные качества русского человека, И.С. Шмелев видит и другое, в частности грех пьянства. Но писатель относится к числу исследователей, полагавших, что отрицательные свойства русского национального характера возникают как оборотная сторона положительных качеств, столь ценных, что они перевешивают недостатки и составляют основу русской ментальности.

Библиография:

1. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Национальная политика России: история и современность. – М., 1997. – С. 659.
2. Шмелев И.С. Лето господне / И.С. Шмелев. Избранное. – М.: изд-во «Правда», 1989.

Чернявская Е.О.

ПОИСКИ СЧАСТЬЯ И СМЫСЛА ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ МОРАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

*«Если бы счастье заключалось только в телесных удовольствиях,
мы бы назвали счастливыми быков, нашедших горох для еды.»*

Гераклит Эфесский

Тема счастья постоянно присутствует в повседневном общении людей и широко отражается в философии, литературе и искусстве. Что же такое счастье? Все хотят быть счастливыми, но все понимают это по-разному. Одни скажут, что находят счастье в любви, другие в деньгах, третьи в творчестве, а четвертые составят целый список радостей и благ, без которых им жизнь не в жизнь. Но, все же, можно попробовать выявить три обобщенные позиции, к которым условно можно свести многообразие взглядов на счастье.

1. Обладание неким высшим благом или благами.

В разных обществах в разные периоды истории на первый план в понимании счастья выходят разные блага. Однако они всегда включают моменты здоровья и внешней привлекательности, материальной обеспеченности, социального статуса, личных отношений и индивидуального разви-

тия. Причем счастье в отличие от простой удовлетворенности предполагает обладание этими благами как бы «выше среднего уровня».

Следует заметить, что в реальной действительности «идеально счастливых людей» практически не бывает.

Быть счастливым – значит чувствовать себя таковым, но чувствовать с достаточным к тому основанием. Когда индивид эмоционально положительно оценивает себя, других людей, мир в целом, когда он постоянно переживает подъем, радость, удовлетворенность от реальных деяний и отношений, можно сказать, что он счастлив.

Большое значение для переживания счастья имеет способность человека радоваться тому, что он делает и чего достиг. Доволен бывает тот, кто умеет довольствоваться.

2. Удача, фортуна, счастливое стечение обстоятельств.

Можно сказать, что речь идет о том пути, который ведет к обладанию благами. В данном случае «счастье-удача» понимается как максимально легкий путь, не отягощенный препятствиями, как естественное и благоприятное складывание событий.

Серия «неудач», переживаемых как несчастье, может быть указанием на то, что от привычного, вымечтанного образа счастья стоит, подумавши, отступить, ибо его воплощение в жизнь не принесет удовлетворения. Чересчур большие объективные препятствия указывают на чрезмерную субъективность стремления, на его волюнтаризм и потенциальную разрушительность для самой личности.

Темное и светлое мировосприятие.

Здесь мы можем выделить два типа восприятия, условно назвав их «темным» и «светлым». Темное означает превалирование негативных эмоций и оценок, светлое – доминирование позитивного взгляда на действительность.

«Темное» мировосприятие всегда находило свое выражение в пессимизме и трагическом взгляде на действительность.

«Пессимизм – это однозначно-негативная оценка бытия, представление о том, что мир плох, несовершенен, бессмысленен, его ждет плохой конец, а жизнь человека – сплошное неизбывное страдание. Пессимистическое отношение к повседневному миру, в котором протекает наша жизнь, издревле был свойственно восточному, в частности буддистскому, мировоззрению, которое ориентирует человека на нирвану – угасание.

Другой вариант «темного мировосприятия» являет собой трагическое переживание бытия. Трагичность в отношении к миру означает понимание жизни как разрыва и надрыва, неизбывного острого конфликта между добром и злом, наслаждением и страданием, совершенством и убогостью. При трагическом мировосприятии человек бунтует против несовершенства действительности, не соглашается с ним, желает отменить и упразднить существующие зло и несправедливость, одновременно понимая невозможность что-либо изменить.

Кроме пессимистического и трагедийного мировосприятия, можно выделить также мировосприятие, условно говоря, депрессивное. Депрессивность – черта повседневной жизни. Это скверное, мрачное настроение, которое больше, чем что-либо иное, сказывается на обыденном поведении человека, на его общении с окружающими.

Счастье и смысл жизни.

Счастье возможно только тогда, когда человек чувствует свою жизнь осмысленной.

Смысл понимается В.Франклином как тот «духовный объект», к которому в самых разных обстоятельствах стремится человеческая душа.

Всякое общество задает своим членам определенную систему высших ценностей, способных придать жизни смысл. Эти ценности располагаются как бы на трех уровнях.

Первый уровень – ценности трансцендентного, дающие возможность осмыслить жизнь в связи со смертью и придать смысл смерти. Это представление о Боге и богах, об абсолютных принципах, лежащих в основе мира и задающих систему моральных абсолютов.

Второй уровень – ценности общества и культуры: политические идеалы, государство, его границы, его история. Это национальные ценности: традиции, язык, искусство и культура, сохранение самобытности и индивидуального лица народа.

Третий, очень богатый по содержанию уровень представлен ценностями личной жизни, протекающей в мире повседневности. Эти ценности различны для разных эпох, однако в них в большинстве случаев включаются здоровье и долгая жизнь, мудрое отношение к перипетиям судьбы, определенная деятельность и успехи в ней, творчество, достижение социального статуса, создание семьи и продолжение рода, любовь, добрые отношения с окружающими людьми.

В реальной жизни все виды ценностей – а значит, и смыслов – тесно связаны и переплетены, они не отстоят механически друг от друга, составляют единый сплав.

Смысл так или иначе связан с внешним, но он у каждого – свой.

Когда мы говорим о смысле жизни, то должны осознавать, что этот смысл – не просто «удержание в сознании некоей ценности» или даже «понимание значения» каких-то факторов. Смысл – всегда переживание, эмоциональное состояние, причем состояние положительное.

Смысл жизни весьма противоречиво связаны с фундаментальными этическими категориями добра и зла. В идеале смысл и счастье – это достояние человека, в полной мере реализующего лучшие свои потенции, хорошего, доброго, творческого, живущего продуктивной жизнью. Но в реальной жизни добрые и славные люди нередко бывают несчастны, а некоторые на каком-то этапе жизни могут потерять ее смысл.

Библиография:

1. Современная этика/ Е.В.Золотухина-Аболина.- Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2000.-439с.-(Счастье и смысл жизни).С.328-414.
2. Культура и этика/ Упадок и возрождение культуры// А.Швейцер.- М.: Прогресс, 1973
3. Философия обыденной жизни (экзистенциальные проблемы)/ Е.В.Золотухина-Аболина.- Ростов н/Д., 1994.

Штуль Е.В., Львова А.А.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ РАБОТЕ ПО ДУХОВНО - НРАВСТВЕННОМУ РАЗВИТИЮ И ВОСПИТАНИЮ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ ПО УЧЕБНИКАМ, СООТВЕТСТВУЮЩИМ ФГОС ООО

*Герда принялась читать «Отче наш»
Х.К.Андерсен. «Снежная королева»*

В свое время открытием для учителя литературы явился полный текст сказки Х.К.Андерсена «Снежная королева», «восстановленные» отрывки из которой помогли раскрыть проблематику текста, понять идейное содержание сказки. Добраться до чертогов Снежной королевы маленькой, но сильной духом и целеустремленной девочке помогли ангелы, которые «гладили ее руки и ноги, и ей не было уже так холодно»[1]. Рефреном звучат строки из псалма, когда Герда «думая...о своих розах», напевает:

Уж розы в долинах цветут,
Младенец Христос с нами тут!

Эти строки о Христе помогли ей растопить лед в сердце Кая, заставили его плакать, понять свою ошибку, а ей - сохранить силу духа и избежать уныния.

С христианскими мотивами и «вечными» темами также связана и вся русская классическая литература XIX века, и русская литература века XX.

В современных УМК по литературе широко представлены разделы и темы, предполагающие чтение, анализ, комментарий и интерпретацию как фрагментов из святоотеческой литературы, так духовной. Так или иначе связаны с православной традицией все современные учебники по литературе, соответствующие ФГОС ООО. Например, издательский центр «Вентана – Граф» (учебник Г.В.Москвин, Н.Н. Пуряева, Е.Л.Ерохина) в 7 классе предлагает изучение «Поучения» Владимира Мономаха[2]. В учебнике литературы для 5 класса Г.С. Меркина (ООО «Русское слово») представлены для чтения и изучения отрывки из «Повести временных лет»[3]. Фрагменты из «Поучения...» Владимира Мономаха в этом УМК предлагаются к прочтению в 6 классе.

В учебном комплексе по литературе под редакцией В.Я. Коровиной[4] изучение древнерусской литературы, авторские произведения, связанные с православной традицией, имеют важнейшее значение в формировании духовно богатой, гармонически развитой личности с высокими нравственными идеалами и эстетическими потребностями. В связи с требованиями ФГОС ООО курс литературы в школе основывается на «Концепции духовно – нравственного развития и воспитания гражданина РФ» [5], на формировании личностных результатов в соответствии с ФГОС ООО, на принципах связи искусства с жизнью, единства формы и содержания, историзма, традиций и новаторства, осмысления историко - культурных сведений, нравственно-эстетических представлений, то изучение

духовной литературы является приоритетным для реализации данных принципов.

Цель изучения духовной и святоотеческой литературы в школе – это приобщение учащихся к истокам нравственности, культуре, национальной традиции, богатству русской литературы, основы которой кроются в православной культуре русского человека. Произведения русской классики связаны с православной традицией мотивами и образами, темами и символами.

Нравственные идеалы и заветы православного христианина послужат современным школьникам ценностными ориентирами. Разве не вызывает трепет души «Лето Господне» И.Шмелёва, творчество которого к тому же еще и связано с Владимирской губернией? Сейчас есть возможность прочитать главы из этого произведения уже в 5 классе. В произведениях мы восхищаемся высоким моральным обликом героев, примерами любви и верности, семейного воспитания и примера отца, что немаловажно для современного школьника.

Обращение к духовной литературе невозможно без осознания определенных понятий, таких, как *дух, душа, духовность; притча, житие, поучение, молитва, заповедь; пророки, апостолы, святые* и др. Обращаемся к литературоведческим терминам на каждом уроке, так как именно формой того или иного произведения и обусловлено содержание.

Традиционно уроки в 5 классеначинаем с определения «литературы» как искусства слова. Пытаемся определить место духовной литературы, ее специфику, ее отличие от фольклора, легенд и сказаний устного народного творчества. Например, разговор о *поучении* плавно переходит в плоскость личностных ценностей каждого учащегося: что для нас важнее всего? Какие ценности встречаются в притче? Рисуем в тетради собственную иерархию ценностей, сравниваем с теми основными понятиями, которые встречаются в притче, молитве (на выбор учителя). Делаем вывод о вечных

христианских ценностях, пытаемся дать им толкование (лучше на основе лично значимых ассоциаций): любовь к ближнему, добро, верность, честность, справедливость, вера в то, что есть что-то (для кого – то высшие силы, а для кого – то Христос, Бог), диктующее человеку правила поведения... Можно предложить ребятам форму акростиха:

Ц - природа с ее «языком» и всеми проявлениями жизни;

Е - человек, его духовное и физическое здоровье;

Н - духовность как активное внутреннее стремление к истине, правде, добру и красоте;

Н - любовь и мир как сущностные человеческие отношения;

О - отечество, род, семья, язык и традиции как основания бытия;

С - познание и возможность творчества;

Т - свободный труд и его результаты, сохраненные в

И - культуре.

Вспоминаем, что *Литература* имеет следующие особенности: точный поучительный посыл в духовный мир читателя; наличие определенных авторов. Кто они? Что это за книги? Если с примерами произведений все более и менее конкретно (Библия, Ветхий и Новый Заветы, Откровения от учеников Христа – эти произведения - первоисточники познания духовной литературы), то с авторством все обстоит сложнее. Это напрямую можно связать с особенностями мироощущения писателей того времени, их осознания себя в мире, где правит и судит Господь.

Обращаясь к такого рода произведениям, мы должны понимать, что примеры, сюжеты из Евангелия, Священного писания облегчат читателям понимание классической русской литературы (произведений А. С.Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л.Н.Толстого, И.А.Бунина и многих других). Примеры уроков и сценарии внеклассных занятий по осмыслению данной темы мы предлагаем в электронном приложении (электронном ме-

тодическом пособии для учителя) к книге для чтения "Православие на земле Владимирской: история, культура, нравственность".

Из первой же беседы с пятиклассниками понятно, что им известно о божественном происхождении мира. Воссоздаем схематично в тетради историю сотворения мира и делаем важный для нас вывод о Божьем замысле: Земля была создана для всего живого, на человека возложена важная миссия – защитника всего созданного Богом.

Ветхий Завет является первой книгой пророка Моисея (это важно для сравнения Ветхого и Нового Заветов). Главным пророчеством этой книги является весть о приходе Спасителя. В Новом Завете читаем: «Я пришел не нарушать закон, а исполнить».

Новый Завет содержит учения Христа, которые встречаются в Евангелии от четырех апостолов. Для осознания их роли, вспоминаем слова Иисуса Христа, сказанные им в последний вечер земной жизни: «Дух будет свидетельствовать о Мне, и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мной».

Вспоминаем историю распятия и воскрешения Христа. Стоит оговориться, что столь подробный разговор возможен в классе, где на изучение литературы отводиться больше времени, например, гимназическом или гуманитарном.

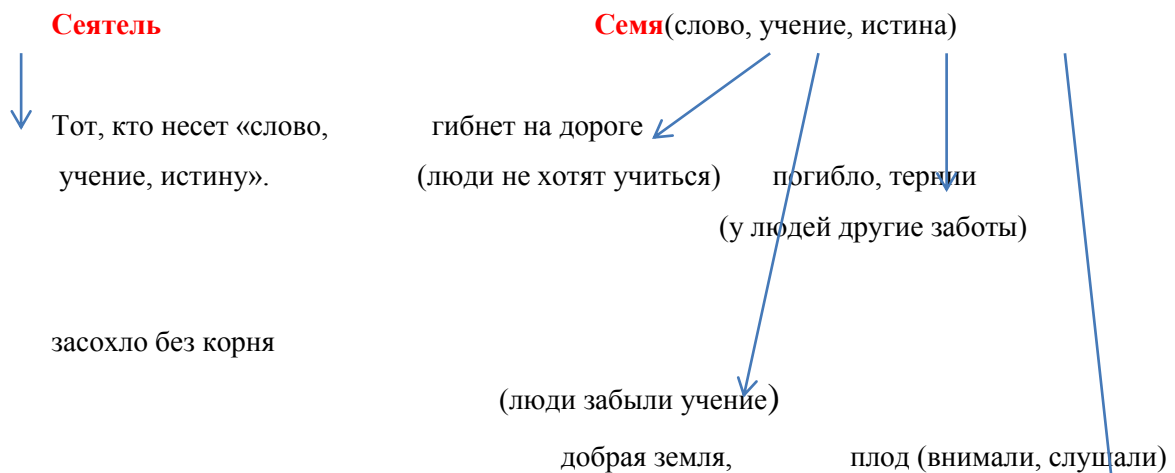
А.А.Львова, один из авторов этой статьи, работая по программе В. Я. Коровиной, включает в уроки изучение притч из Евангелия от Матфея. Например, учитель создает проблемную ситуацию:

Читаем вместе Притчу о сеятеле. Три определяющих вопроса:

1. Что такое притча?
2. Каков сюжет этой истории?

В подготовленном классе есть смысл вспомнить, что такое аллегория, метафора и символ. Зарисовываем схематично сюжет в тетрадь по ли-

тературе. Схема должна отражать сюжет и раскрывать иносказательное значение, ведь перед нами притча – поучение Иисуса Христа:

3. О чем же хотел нам сказать Учитель? Дети самостоятельно пытаются определить, что же имел в виду Христос под теми или иными образами. Понимая смысл, значение сюжета, мы доходим до сути поучения. Учитель объясняет ученикам, что то, чем они занимаются, и есть толкование притчи, так как Иисус не прямо диктовал ученикам наставления, а вкладывал их в простые жизненные сюжеты.

Таким же образом, анализируем притчу о семенах и плевелах. В тетрадах появляется другая схема (синей пастой – герои сюжета, основные образы, зеленой - подсмысл).

После такого внимательного прочтения притч ребята будут готовы к разговору о Нагорной проповеди Христа. Прочитывая постулаты, помещенные в проповедь, невольно начинаем сравнивать их с учением пророка Моисея из Старого Завета. Интересная получается сравнительная таблица:

Ветхий Завет (пророк Моисей)	Новый Завет (учение Христа)
1. «Не убий!»	1. «Не убий даже словом!»
2. «Око за око, зуб за зуб! »	2. «Не противься злему, но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую!»
3. «Исполняй перед Господом клятвы твои!»	3. Запретил божиться и клясться.
4. «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего!»	4.«А Я говорю вам: Любите врагов ваших, молитесь за обижающего вас!»

Урок заканчивается рефлексией:

Что такое молитва? Зачем надо молиться? О чем можно и нужно просить Господа? Рассматриваем своеобразие данного жанра на примере молитвы «Отче наш». Учитель часто пробует от вдумчивого чтения перейти к чтению наизусть, исходя из формы и содержания, подбирая точную интонацию.

В качестве проверочных работ по освоению курса можно предложить для размышления следующие вопросы:

- Нужно ли современному человеку читать тексты религиозного содержания?
- В чем секрет притчи?
- Чему учит нас Нагорная проповедь Христа?
- Зачем нужна молитва?
- Составь текст собственной молитвы или напиши обращение к Богу (н-р, в форме письма).

Дополняется курс прослушиванием музыкальных произведений и знакомством с живописным материалом: картины, фрески, иконы (А. Иванов «Явление Христа народу», «Блудная жена» В. Поленова, Н. Рерих «Борис и Глеб», работы Ю. Ракши, К. Васильева, И. Глазунова). Можно

эту работу предложить учащимся в качестве дополнительной или проектной деятельности в среднем или старшем звене.

Библиография:

1. Ланин Б.А. Литература: 5 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч.1/Б.А.Ланин, Л.Ю. Устинова, В.М. Шамчикова; под ред. проф. Б.А. Ланина.- 2-е изд., испр. И доп.- М.: Вентана - Граф, 2012.- 304 с.: ил.

2. Москвин Г.В.: 7 класс: учебник для учащихся образовательных организаций : в 2 ч.Ч1/Г.В.Москвин, Н.Н. Пуряева, Е.Л. Ерохина. - 2-е изд., перераб.- М.: Вентана-Граф, 2014.-288 с.: ил.

3. Меркин Г.С. Литература: учебник для 5 класса общеобразовательных учреждений: в 2 ч.Ч.1/авт.-сост. Г.С. Меркин.- М.:ООО» Русское слово – учебник», 2012.- 328 с. (ФГОС. Инновационная школа).

4. Коровина В.Я. Литература. 5 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 ч.Ч.1/В.Я.Коровина, В.П.Журавлёв, В.И.Коровин.- 12-е изд., перераб.- М.: Просвещение, 2010.- 319 с.: ил.

5. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Уч.-изд. Серия «Стандарты второго поколения». Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. - М: Просвещение. - 2009

Шупляк С.П., Гордейчук С.С.

СВЯТЫЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЭЛЬЗАСА

На территории Германии, в Эльзасе почитались в качестве святых и блаженных в общей сложности 95 человек. Из них 69 были уроженцами Эльзаса, жизнь и деятельность 19 лиц была очень тесно или тесно связана с Эльзасом, еще 12 человек относятся к категории святых, обнаруженных в

катакомбах на территории Эльзаса. Тела многих из них были погребены на территории этой немецкой земли, но сами умершие часто являлись выходцами из других регионов. 69 собственно эльзасских святых можно условно подразделить на несколько групп. К первой из них относятся те, кто были причислены к лику святых и являлись лицами духовного звания: восемь монахов (из них одна женщина); один священник (Гимерий, конец VI в.); семь аббатис (в их числе одна из наиболее почитаемых святых, покровительница Эльзаса св. Одилия (VII/VIII вв., ум. около 720 г.; день памяти – 13 (14) декабря) и семь аббатов (примечательно, что из семи аббатов шесть – св. Бенедикт, Дубан, Томас, Стефан, Беат и Эгидиан (все – VIII в.) – являлись первыми аббатами монастыря Хонау на острове в течении Рейна); 16 епископов (среди них – первый епископ Меца, св. Клеменс (ум. в 981 г., погребен в Меце, презахоронен там же в 1074 г.); св. Валерий, одна из ключевых фигур распространения христианства в Западной Германии и Бельгии, второй (после св. Евхария) по счету епископ Трирский (конец III в., день памяти – 29 января); монах и первый архиепископ Магдебургский св. Адальберт (ум. в 981 г.); папа римский Лев IX (1002 – 1054 гг.; в миру Бруно, сын графа Гуго фон Нордгау и графини Лотарингской Хедвиг фон Дугсбург, родился в замке Эгисхайм (Эльзас), день памяти – 19 апреля).

Вторую группу святых составляют 28 мучеников, среди них особенно выделяются следующие: семь Мурбахских монахов-мучеников (Сендрад, Роттискад, Родульф, Вильгир, Салеко, Готзеран, Бернард – монахи монастыря в Мурбахе, погибшие между 926 и 937 гг. (наиболее вероятна дата 4 июля (день их памяти в римско-католической церкви) 929 г.); шесть Кёльнских мучениц (Пальмация, Аврелия, Корона, Фидес, Евгения, Саула – являлись сподвижницами св. Урсулы и были убиты вместе с ней в Кёльне по приказу Аттилы 21 октября (день их памяти) 451 г.); вдова София Римская и три ее дочери (Вера, Надежда и Любовь, лат. Fides, Spes, Caritas), казненные в 137 г. в Риме по приказу императора Адриана за при-

верженность христианству; Генрих (ум. 1270 г.), один из поздних мучеников Эльзаса; вдова Ридхильт и семь ее детей (умерли в 1492 г., канонизированы после совершения чуда на их могиле) . К третьей группе святых относятся один исповедник (Лудан, ум. в 1202 г.), четыре святых девы и пять отшельников (вышеуказанный Гимерий (конец VI в.), Теобальд (ум. в 1066 г.), Леобард (ум. около 618 г.), ирландский епископ-миссионер Дедат (II, ум. в 679 г.), епископ Бенно (ум. в 940 г.).

Отметим, что большое число святых Эльзаса гармонично вписывалось в существовавшую в средние века традицию почитанию в различных регионах и государствах как общенациональных/общеевропейских святых, так и местных, культы которых могли стать как общенациональными (о чем свидетельствует пример Эльзаса), так и остаться сугубо региональными. Существовало своеобразное «разделение труда» между святыми, многие из которых почитались в качестве покровителей и защитников как отдельных городов, так и целых регионов и даже государств. Так, еще со времен Карла Великого св. Мартин и Дионисий почитались в качестве покровителей Франции. Св. Венцель (Вацлав) был патроном Чехии, Адальберт и, позднее, св. Станислав – Польши, св. Стефан – Венгрии, св. Олаф – Норвегии, св. Кнуд – Дании, св. Георг (Георгий) – Англии, св. Патрик – Ирландии, св. Морис – Швейцарии. Почитание общенациональных святых, по мнению известного немецкого историка религии А. Ангенендта, содействовало укреплению национального самосознания отдельных народов и государств Европы, становясь его неотъемлемой частью.

Существовали и региональные культы святых: св. епископ Ремигий (ум. в 783 г., день памяти – 20 марта) почитался в качестве патрона Шампани ; св. Бенно (1010 – 1106 гг.), прозванный «Апостолом вендов» за активную миссионерскую деятельность среди полабских славян и крещение многих из них в христианство, считался покровителем Саксонии и Баварии (после перенесения его мощей из Майсена в Мюнхен в 1576 г. стал почи-

таться как покровитель баварской столицы и всей Баварии в целом); св. Хедвиг почиталась в качестве покровительницы Силезии (ум. в 1243 г., причислена к лику святых в 1263 г.).

В заключение отметим, что выбор Эльзаса в качестве одного из центров региональных культов святых и паломничеств в средневековой Германии не случаен. Возникновение местных культов святых было связано либо с рождением будущего святого в регионе, где впоследствии он почитался, либо с его активной (чаще всего религиозно-миссионерской или церковной) деятельностью в этом регионе. Обилие святых в Эльзасе объясняется, тем, что он был одним из центров христианизации близлежащих регионов Западной Германии, Бельгии и Северо-Восточной Франции еще с конца III – IV вв. – это привело к распространению эльзасских культов по всей территории Германии.

Языкова И.К.

«Я ХРИСТИАНИН, ПОТОМУ ЧТО Я НЕ ВАРВАР»

*Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры острие и усеченный волос -
Бог сохраняет все; особенно - слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.
И. Бродский на столетие Ахматовой.*

«Я христианин, потому что я не варвар», — так ответил Иосиф Бродский о. Александру Шмеману на вопрос о своей вере. Кому-то это может показаться странным и даже вовсе отрицающим веру. И сегодня большинство исследователей упорно пишут о том, что Бродский был агностиком.

Но я бы не спешила с такими выводами. Его стихи, которые он писал на Рождество много лет подряд, его великолепное «Сретение», да и многие другие стихи говорят о том, что все обстоит не так просто. Для Бродского вопрос веры лежал не в конфессиональной или идеологической плоскости, а скорее в историко-культурной и экзистенциальной. Ткань европейской культуры, да и русский тоже, к которой он принадлежал, созидалась христианством, и вне этого контекста не понятна. И даже его утверждение «эстетика — мать этики» — имеет, несомненно, христианские корни, ведь категории красоты для иудео-христианской культуры имеет онтологический статус.

Когда Бродский умер, многие говорили, что ушел последний классик. Нет, литература на нем закончилась, но он, действительно, замыкает плеяду тех, кто имел цельное мировоззрение и обладал той «всемирную отзывчивость», о которой говорил Достоевский в речи о Пушкине. Его поэтический космос простирается на многие эпохи и времена, он включает Римскую империю и Библию, средневековье и барокко, деревенский дом и венецианские палаццо, Пушкина, Державина и Баратынского, Дж. Донна, Данте, Одена и Элиота, М. Цветаеву и А. Ахматову и многое другое. В нем как в фугах Баха (тоже любимый им герой) звучат различные голоса, регистры, темы, соединяясь в сложный полифонический текст. Поэт Чеслав Милош как-то сравнил Бродского с гигантским зданием барочной архитектуры. Вообще усложненность метафор у поэта обычно уводит исследователей в сторону барочных аналогий. Но, следует признать, что иногда его голос напоминает и одинокую флейту, звучащую в пустой комнате с открытым окном, за которым простирается бесконечное небо.

В 1987 г. Бродский был награжден Нобелевской премией по литературе «за всеохватное авторство, исполненное ясности мысли и поэтической глубины» в возрасте сорока семи лет, (Бродский — один из самых молодых лауреатов Нобелевской премии за все годы ее присуждения по

этой номинации). Его «Нобелевская лекция» до сих пор остается интеллектуальным бестселлером и образцом высокой словесной эстетики, в ней он рассматривает проблему независимости творческой личности от социального окружения, традиции и преемственности, моральных обязательств поэта, трагичности бытия и уроков истории.

В Нобелевской лекции Бродский говорит: «Поэт есть средство существования языка». И эта мысль для него чрезвычайно важна, это один из краеугольных камней его философии и поэтики.

Еще раньше, в письме, направленном на имя Генерального секретаря КПСС Л. И. Брежневу 4 июня 1972 года, он писал: «Я принадлежу к русской культуре, я сознаю себя ее частью, слагаемым, и никакая перемена места на конечный результат повлиять не сможет. Язык — вещь более древняя и более неизбежная, чем государство. Я принадлежу русскому языку...». И позже, уже на Западе, в одном из интервью он заявляет весьма радикально: «Язык — начало начал. Если Бог для меня и существует, то это именно язык». Но разве это не напоминает христианское «В начале было Слово, и... Слово было Бог...» (Ин.1,1-2)? Разве христианский космос не создается Словом, речью Самого Бога?

Конечно, Бродский не был апологетом христианства, он живет в какой-то смысле уже в постхристианскую эру, но именно потому он отстаивает то, что было всегда важно для христианской традиции: слово, язык, речь, общение. Именно на это покушались все, кто гнал христианство, уничтожал христианскую культуру, затыкая рот поэту, сгоняя людей в бессловесные массы. Это ощущали многие поэты, помните у Волошина «демоны глухонемые»...

Онтология слова и языка, столь несомненные для Бродского, имеет христианские корни, хотя для многих это не вполне очевидно, но у него очень ясно выражена экзистенциальная основа слова. В этом Бродский близок к М. Хайдеггеру, провозгласившему: «Язык — дом бытия». По

Хайдеггеру бытие может быть дано только в языке, но не в языке обыденной речи, а в языке поэзии и философии. Язык, считал Хайдеггер, могущественнее человека, не сам поэт, а музы говорят через него, не человек силой своего ума создает что-то, а услышанный им голос бытия формирует его мысли. Творчество — это есть одновременно божественное и человеческое явление.

Мысль человека, облеченная в поэтическое слово, становится больше и значительней, чем ее носитель и она способна изменить мир. Он всерьез считал, что если люди, особенно те, которые становятся политиками, больше будут читать стихи, то мир станет другим. По его проекту в Америке была осуществлена акция – томики со стихами распространяли через гостиницы, автозаправки, супермаркеты. А его знаменитый список книг для обязательного чтения! А его требования, чтобы его студенты знали наизусть стихи и поэмы, о которых Бродский им рассказывал на лекциях! Такой стиль преподавания считается устаревшим уже не только в Америке, но для Бродского знание литературы и культуры означало жизнь слова внутри человека. Это и есть противопоставление варварству: культура — это воплощенное слово, варварство бессловесно.

Именно через язык поэт входит в разные пространства мировой культуры, язык связывает его с разными временами и эпохами, делает его причастным к мировой культуре, через язык он становится современником всем живущим и жившим на земле. Именно язык делает человека бессмертным.

Пьеса Бродского «Мрамор» заканчивается словами: «Человек одинок, как мысль, которая забывается». Но Иосиф Бродский не забыт. Он умер не старым, ему было всего 55 лет. Его похоронили в его любимой Венеции, на острове Сан-Микеле. Надпись на памятнике — это строка римского поэта Проперция: «Letum non omnia finit» — «Со смертью не все кончается».

Научное издание

Том 12

**ЦЕРКОВЬ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО
В ИСТОРИИ РОССИИ И ПРАВОСЛАВНЫХ
СТРАН: РЕЛИГИЯ, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ**

Материалы VI Международной научной конференции,
посвященной памяти православных просветителей святых
равноапостольных Кирилла и Мефодия
и 800-летию Владимирской епархии
25 – 27 мая 2015 года

г. Владимир

Подписано в печать 02.12.15.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 14,76. Тираж 100 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Владимир, ул. Горького, 87